

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«СИБИРСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО КОНТРОЛЮ ЗА ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ»

П.В. ТЕПЛЯШИН

**РЕАЛИЗАЦИЯ МЕТОДА СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ
В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ НАУКЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ**

МОНОГРАФИЯ

Красноярск
СибЮИ ФСКН России
2012

УДК 343.812
ББК 67.409

Рецензенты: Н.В. Щедрин – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой деликтологии и криминологии Юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск);
Э.Г. Юзиханова – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности и оперативно-технических мероприятий органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России

Монография подготовлена кандидатом юридических наук, доцентом П.В. Тепляшиным

Тепляшин, П.В.

Реализация метода сравнительного правоведения в пенитенциарной науке и уголовно-исполнительном законодательстве России : монография / П.В. Тепляшин. – Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2013. – 160 с. – ISBN 978-5-7889-0212-8.

В монографии исследуется роль метода сравнительного правоведения в науке пенитенциарного права, анализируются направления его реализации в уголовно-исполнительном законодательстве. Повышение эффективности использования юридической компаративистики в пенитенциарной науке и уголовно-исполнительном законодательстве рассматривается через призму концепции гармонизации уголовно-исполнительного законодательства России в условиях интеграции правовых систем.

Монография предназначена для студентов, аспирантов, специалистов в области уголовно-исполнительного права, сотрудников правоохранительных структур и органов юстиции, а также для широкого круга читателей, интересующихся теорией и практикой исполнения уголовных наказаний.

ISBN 978-5-7889-0212-8

© Сибирский юридический институт ФСКН России, 2013.
© П.В. Тепляшин, 2013.

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Теоретические основы реализации метода сравнительного правоведения в науке уголовно-исполнительного права России.....	11
1.1. Научно-правовая обусловленность реализации метода сравнительного правоведения в науке уголовно-исполнительного права России	11
1.2. Ретроспективные и современные направления реализации метода сравнительного правоведения в пенитенциарной науке.....	17
Глава 2. Инструментальная и функционально-прикладная роль метода сравнительного правоведения в пенитенциарной науке и уголовно-исполнительном законодательстве россии	44
2.1. Инструментальная роль метода сравнительного правоведения в пенитенциарной науке России.....	44
2.2. Функционально-прикладная роль метода сравнительного правоведения в пенитенциарной науке и уголовно-исполнительном законодательстве России	55
Глава 3. Роль пенитенциарной компаративистики в реформировании уголовно-исполнительной системы России и повышении эффективности исправительного воздействия на осужденных.....	77
3.1. Роль метода сравнительного правоведения в обеспечении реформы уголовно-исполнительной системы России.....	77
3.2. Индивидуальная программа отбывания лишения свободы: перспективы реализации в уголовно-исполнительном законодательстве и зарубежный опыт.....	101
3.3. Перспективы расширения судебно-правового регулирования уголовно-исполнительных отношений.....	109
Заключение	131
Библиографический список.....	141
Приложение. Образец модели индивидуальной программы отбывания лишения свободы.....	158

ВВЕДЕНИЕ

Обращение к методу сравнительного правоведения в науке уголовно-исполнительного права обусловлено наличием типичных концептуальных подходов и теоретических направлений в сфере обращения с осужденными, использованием схожих методов исследования, процессом заимствования наиболее эффективных средств и методов исправления преступников и усилением международных контактов и взаимовлияний в этой сфере. При этом позитивные изменения и эффективная политика в сфере исполнения уголовных наказаний возможны только на научной основе, что обуславливает необходимость конструктивно-критического подхода к изучению закономерностей развития общественных отношений и международной практики цивилизованного обращения с осужденными. Как отмечает А.А. Телегин, совершенствование государственной политики в сфере исполнения наказания детерминирует проявление закономерности, состоящей «в необходимости максимального отражения международной практики обеспечения законности и прав человека, духа и буквы международных соглашений в процессе исполнения уголовного наказания»¹.

Особенно актуальна данная тема в новых условиях функционирования российской модели исполнения наказаний, проведения широкомасштабной реформы отечественной уголовно-исполнительной системы, при которой признание и высокая оценка зарубежных концепций борьбы с преступностью указывают на необходимость с особым вниманием отнестись к опыту их становления и развития. Так, первостепенной целью Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р, выступает повышение эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания, до уровня европейских стандартов обращения с осужденными и потребностей общест-

¹ Телегин А.А. Методологические и организационно-правовые основы науки уголовно-исполнительного права: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М.: Академия управления МВД России, 2005. С. 10.

венного развития.¹ Данная Концепция, как отмечает О.Д. Третьякова, выступает «одним из важных факторов конвергенции права России с международным правом и через него – с правом многих других государств, признающих права человека в вопросах регулирования отношений, складывающихся в пенитенциарной системе»².

В настоящее время происходит культурно-правовое сближение не только отдельных стран, но и отдельных правовых систем. В частности, А.В. Наумов отмечает, что «примерно с 70-х гг. нашего века по некоторым, в том числе и очень принципиальным, позициям началось вначале достаточно робкое, а затем и вполне видимое сближение соответствующих правовых систем»³. Такими процессами в первую очередь охвачены европейские правовые системы романо-германского и англосаксонского права. Следовательно, и российская правовая система, относящаяся по основным параметрам к романо-германской правовой системе, охвачена процессом культурно-правового сближения с англосаксонской правовой системой.

Реализация и защита прав, свобод и законных интересов граждан является важнейшим достижением не только современной цивилизации, но и российского общества, которое закрепляет данную ценность в ст. 2 Конституции Российской Федерации: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». При этом именно осужденные составляют наиболее многочисленную категорию лиц, в отношении которых допускается правомерное ограничение их естественных прав. Следовательно, должен существовать эффективный механизм правового регулирования исполнения уголовных наказаний, учитывающий цивилизационные достижения в области охраны прав осужденных и практический эффект феномена интеграции правовых систем.

Явление сближения правовых систем (правовой конвергенции) подвергает правовую материю демократических стран некой интеграции, в данных странах появляются известные черты общности публично-правовых институтов, юридической техники и даже правосознания. Вне концептуального понимания значимости такого исследования и широкого использования практики функционирования пенитенциарных учреждений зарубежных государств отечественная модель обращения с осужденными рискует остаться во власти сти-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 43, ст. 5544.

² Третьякова О.Д. Юридическая конвергенция: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Владимир: Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2012. С. 37.

³ Наумов А.В. Сближение правовых систем как итог развития уголовного права XX в. и его перспектива в XXI в. // Государство и право. 1998. № 6. С. 53.

хийных процессов «слепого» заимствования зарубежных и международных пенитенциарных стандартов и эталонов, сплошных верификаций и экспериментов без необходимых смысловых ориентиров и исторически апробированных форм правового регулирования уголовно-исполнительных отношений. Успех в реформировании уголовно-исполнительной системы России во многом зависит от готовности российской юридической науки удерживать прогрессивные достижения прошлого и обогатить их культурно-правовыми ценностями сегодняшней эпохи.

Существование знаний, имеющих международное универсальное значение в области исполнения наказаний, развивает научный интерес к сравнительному правоведению, доказывающему, что наука не может развиваться лишь на основе информации, полученной в рамках собственного внутригосударственного права, позволяющей ему объективно оценить достоинства и недостатки отечественной правоприменительной и правотворческой деятельности и понять перспективы гармонизации российского уголовно-исполнительного права. Возрастание научно-практического интереса к зарубежному опыту исполнения уголовных наказаний и международным пенитенциарным стандартам показывает, что изучение зарубежного права имеет целью выявление как положительных образцов, так и отрицательного опыта во избежание возможных ошибок в отечественной правоприменительной и правотворческой деятельности. Хотя право государств и отражает национальные и культурные традиции, но декларируемое стремление России продолжать движение по пути социально-экономических и политических реформ требует осмысления чужого позитивного опыта и конструктивного подхода к нему. С точки зрения современного политико-правового и практического интереса для нашей страны, активно интегрирующейся в единое европейское пространство, очень важен опыт борьбы с преступностью партнеров по Совету Европы.

Гипотезой исследования выступила идея о том, что сравнительно-правовое исследование в науке уголовно-исполнительного права представляет собой самостоятельное научное направление, основывающееся на цивилизационных достижениях пенитенциарной практики и выходящее за рамки позитивно-правового содержания самой отрасли права, проводимое в двух культурно-правовых континуумах – историческом и современном, заключающее нормативный и функциональный подходы к изучению правовой действительности России и зарубежных стран в сфере исполнения уголовных наказаний, первый из которых опирается на сопоставление юридических текстов, сходных юридических понятий и категорий, второй

– на изучение способа решения в зарубежном праве соответствующих проблем, имеющих значение для национального права.

Таким образом, в условиях сближения правовых систем исследование зарубежного юридического опыта способствует пониманию отечественных традиций в этой сфере, самобытного правового уклада и перспектив развития национального законодательства.

Существующий устойчивый интерес к методу сравнительного правоведения в пенитенциарной науке проявляется, начиная с исследований в этой сфере известных русских ученых-юристов. К ученым-пенитенциаристам, занимавшимся сравнительным правоведением в дореволюционный период, можно отнести М.Н. Галкина, Г. Граднауэра, С.К. Гогеля, Д.А. Дриля, И.П. Закревского, П.И. Люблинского, А.А. Пионтковского, С.В. Познышева, В.В. Пржевальского, Н.И. Фалиева, И.Я. Фойницкого и др. В последующем данный метод в своих исследованиях применяли такие ученые, как Е.В. Багреева, С.Я. Булатов, М.Н. Гернет, В.А. Жабский, Е.С. Каныкина, Е.Н. Казакова, С.П. Кубанцев, В.В. Оксамытный, А.П. Спиридонов, Е.А. Тохова, А.Н. Трайнин, Г.А. Туманов, Б.С. Утевский, Е.Г. Ширвиндт и др. Комплексным проблемам становления и развития мировых пенитенциарных систем посвятили работы З.А. Астемиров, Ю.В. Калинин, К.К. Кораблин, С.А. Тимошенко, В.П. Шупилов. Среди западных правоведов можно выделить исследования таких авторов, как М. Ансель, Б.Л. Йоханссон, Я. Денис, Н. Кристи, Ж. Прадель, Р. Уолкер, Д. Фримен, А. Ashworth, М. Cavadino, А.С. Ewing, М. Doherty, D. Garland, M. Grünhut, L.W. Fox, M. Fitzgerald, J. Heath, R. Hood, A. Krebs, M. McAuley, G. Robinson, D. Scott, F.H. Wines, A. Worrall, R. Wortley. Отдельными теоретическими и практическими вопросами роли судебных прецедентов в правовой системе занимались К.А. Волков, Л.В. Головкин, Г.А. Есаков, Р. Кросс, Б.С. Крылов, С.А. Рожков.

Вместе с тем в данных исследованиях не в полной мере учитывался феномен интеграции правовых систем и, следовательно, не отражались перспективы расширения естественноправовых начал и судебного регулирования уголовно-исполнительных отношений. Также стоит отметить, что эти исследования в большинстве осуществлялись в иных общественно-политических и правовых условиях.

В настоящее время в связи с проводимой в стране реформой уголовно-исполнительной системы встают задачи критической оценки достигнутого, обобщения передового отечественного и зарубежного опыта, разработки научно обоснованных рекомендаций по законодательному закреплению оправдавших себя форм и средств воздействия на осужденных и их исправления.

Таким образом, до настоящего времени в теории уголовно-исполнительного права остается без концептуального осмысления вопрос о перспективах влияния на пенитенциарное законодательство и практику его применения феномена интеграции правовых систем. Под таким углом не исследовались роль метода сравнительного правоведения в совершенствовании отечественного уголовно-исполнительного законодательства.

Объектом исследования выступили общественные отношения в сфере исполнения уголовных наказаний, опосредованные влиянием на практику исполнения уголовных наказаний потребностей использования зарубежного положительного опыта обращения с осужденными.

Предмет исследования составили явления и процессы окружающей социальной и правовой действительности: 1) правовая доктрина по теории наказания отечественных и зарубежных авторов, нормы российского и зарубежного законодательства, регламентирующие уголовно-правовое принуждение, материалы судебной и иной правоприменительной практики; 2) направления и перспективы гармонизации уголовно-исполнительного законодательства России в условиях признания потребностей использования зарубежного положительного опыта и общих цивилизационных закономерностей развития законодательства и практики в области обращения с осужденными.

Методологической основой исследования выступали современные положения диалектической теории научного познания общественных процессов и явлений, а также правовых систем. Основу исследования составил комплекс таких общенаучных методов познания, как формально-логический, системно-структурный, прогностический. Значительное внимание уделено историческому методу, так как в сочетании с методами формальной логики (анализ, синтез, индукция и дедукция) он позволяет выявлять существенные закономерности развития законодательства в сфере исполнения уголовных наказаний.

Среди частнонаучных методов познания необходимо выделить лингвистический и метод моделирования, полезность которого неоспорима для разработки правовых норм и рекомендаций для отечественного законодателя, и некоторые методы социологического исследования (анкетирование, анализ документов). Особое внимание уделено методу сравнительного правоведения, обладающему более широким спектром типовых подходов и решений в сравнении с национальными инструментами локального действия. Использование достижений социальных наук (социологии, истории, психологии, статистики) позволило соединить в исследовании методологию и

эмпирические результаты, полученные при использовании частнонаучных методов, и в ходе исследования создавать рабочие гипотезы, способствующие целенаправленному изучению концептуальных проблем гармонизации уголовно-исполнительного законодательства России в условиях интеграции правовых систем.

Применение указанных методов позволило исследовать рассматриваемую область научных изысканий в максимально возможных взаимосвязях и взаимозависимостях, в ее целостности и всесторонности.

Методика исследования состояла в использовании элементов макросравнения (выявление закономерностей и сопоставление базовых характеристик правовых систем), микросравнения (изучение и сравнение особенностей пенитенциарного права отдельных стран) и функционального сравнения (практического и законотворческого). В качестве приемов сравнительно-правового анализа выступают контрастирующий, проблемный, текстуальный.

Основные выводы монографического исследования опираются на труды ученых по философии права (В.С. Нерсисянц, О.В. Дамаскин, М. Фуко), истории права (Э. Аннерс, Г. Берман, П.Г. Виноградов, Дж. Реале), общей теории и методологии права (В.М. Баранов, И.Л. Бачило, А.И. Бобылев, С.Г. Дзыбова, Е.Г. Лукьянова, В.Я. Любашиц, С.О. Сереброва, В.Н. Синюков, В.В. Субочев, О.Д. Третьякова, А.В. Трофимов), юридической компаративистике (К.В. Арановский, Х.Н. Бехруз, Р. Давид, А.В. Егоров, К. Жоффре-Спинози, Ж. Карбонье, А.С. Карцов, Ю.А. Клочкова, М.Н. Марченко, А.В. Малько, И. Сабо, А.Х. Саидов, А.Ю. Саломатин, Ж. Сталев, К. Осакве).

При подготовке монографии широко использовались результаты эмпирических исследований, полученные автором в результате научно-практической стажировки в Лестерском университете Англии (2002–2003 гг.), а также опубликованные результаты прикладных исследований других авторов, изучавших методологические основы интеграции правовых систем, спорные вопросы исполнения уголовных наказаний, зарубежные и общеевропейские модели обращения осужденными.

Монографическое исследование систематизирует имеющиеся знания о постепенной универсализации форм и методов обращения с осужденными, перспективах заполнения основных пробелов правоприменительной практики и законодательства в сфере исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера.

Обосновываемые в монографии положения, выводы и рекомендации могут быть использованы или учтены при оценке и проведении реформы уголовно-исполнительной системы Российской Фе-

дерации, а также в правоприменительной деятельности по назначению и исполнению уголовных наказаний.

ГЛАВА 1

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
РЕАЛИЗАЦИИ МЕТОДА СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ
В НАУКЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА РОССИИ**

**1.1. Научно-правовая обусловленность
реализации метода сравнительного правоведения
в науке уголовно-исполнительного права России**

Сравнительное право (сравнительное правоведение) отражает перманентные социальные потребности и так называемые социально-правовые явления компенсационного порядка. Как представляется, данные явления «прикрывают» своеобразные унификационные феномены, то есть имеющие универсальное значение очевидные правила или даже правовые институты (например, различные проявления естественных прав человека). В свою очередь, социальные потребности и явления компенсационного порядка выступают основой рассмотренного выше феномена современной юридической науки – правовой интеграции.

В условиях конвергенции правовых систем исследование и последующая реализация зарубежного пенитенциарного опыта способствует пониманию отечественных традиций, самобытного уклада и перспектив развития национального законодательства в сфере исполнения уголовных наказаний, что в конечном итоге должно обеспечить гармонию исправительно-карательного воздействия с результатами такого воздействия. Содержание такой деятельности выступает механизмом взаимодействия противоположностей в деятельности субъектов исполнения уголовных наказаний, целей уголовно-исполнительного законодательства, тенденций иностранных пенитенциарных систем.

Вне концептуального понимания значимости такого исследования пенитенциарная система России рискует остаться во власти стихийных процессов «слепого» заимствования зарубежных стандартов в сфере обращения с осужденными. Однако «заимствовать правовую систему, даже самую прогрессивную, одним обществом у

другого крайне сложно, поскольку их развитие, как правило, не совпадает. Это в полной мере относится и к уголовному законодательству»¹, поэтому успех в реформировании отечественной пенитенциарной системы и совершенствование уголовно-исполнительного законодательства во многом зависят от готовности российской юридической науки удержать прогрессивные достижения прошлого и обогатить их культурно-правовыми ценностями сегодняшней эпохи.

Следовательно, важнейшей правовой позицией и конкретным инструментарием гармонизации уголовно-исполнительного законодательства выступает метод сравнительного правоведения, популярность которого растет по многим причинам, одной из которых, по мнению А.В. Малько и А.Ю. Саломатина, выступает «сближение национальных правовых систем и правовых семей (по крайней мере, в рамках отдельных отраслей права и правовых институтов)»². При этом важно подчеркнуть, что данный метод способен выступить инструментом не только для освоения ценностей права европейской (западной) цивилизации, но и для создания своеобразного зеркального эффекта, способного высветить направления поиска собственных самобытных правовых начал. С помощью данного метода возможно приближение к искомой цели – совершенствованию права либо, как отмечает И.Сабо, к познанию права³, а его свойство демонстрировать контрасты правовой материи способствует построению методологического «фарватера» в исследовании направлений и пределов гармонизации отечественного права. Как отмечают специалисты, «сравнительное правоведение играет весьма важную роль в процессе международной унификации и гармонизации права»⁴. В отражении результатов использования метода сравнительного правоведения, возможно, будут понятны самобытные пути развития отечественного пенитенциарного законодательства и уголовно-исполнительной системы в целом.

По мнению Н.А. Лопашенко, знание зарубежного права необходимо для достижения по меньшей мере двух целей: осознания качества (в том числе достоинств и проблем) национального законода-

¹ Савенок А.Л. Уголовное право в контексте парадигмального понимания истории // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы X Международной научно-практической конференции (24-25 января 2013 г.). М.: Проспект, 2013. С. 54.

² Малько А.В., Саломатин А.Ю. О роли сравнительного правоведения в современной правовой жизни // Правоведение. 2009. № 2. С. 128.

³ Подр. см.: Сабо И. Теоретические проблемы сравнительного правоведения // Сравнительное правоведение : сборник статей / сост., ред. и вст. ст. В.А. Туманова. М.: Прогресс, 1978. С. 62.

⁴ Быкова Е.В. Проблемы взаимодействия правовых систем на современном этапе // Международное публичное и частное право. 2008. № 3(42). С. 31.

тельства и, соответственно, выработки перспектив, приоритетов и тенденций его развития и создания эффективных программ международного сотрудничества в деле борьбы с преступностью и консолидации сил правоохранительных органов различных государств.¹ Как отмечает В.А. Номоконов, «во многих современных государствах совершенствование внутреннего законодательства осуществляется "с оглядкой" на зарубежное право. Мудрый законодатель стремится учитывать положительный опыт других государств в своей деятельности по совершенствованию собственного законодательства»².

Следовательно, понять приоритеты, тенденции и перспективы развития национального правоприменительного опыта в области уголовно-исполнительного права можно только в соотношении с иными моделями правового регулирования конкретных общественных отношений. В этом смысле сравнительное право представляет собой важнейший инструмент такого изучения³, является, по справедливому замечанию М. Анселя, «одновременно местом исследования, опытным полем и неисчерпаемым источником, из которого можно извлечь материалы, могущие послужить основой для создания права завтрашнего дня»⁴.

В настоящее время парадигма сравнительного правоведения имеет впечатляющие научные достижения, которые могут быть положены в основу сравнительно-правового исследования в рамках конкретной отрасли права. При этом важность такого исследования в основном объясняется ценностью юридического опыта зарубежных стран для законотворческой и правоприменительной деятельности в сфере национального права, переосмыслением образовательного концепта, постепенно отторгающего так называемый «провинциализм» юридического образования, нарастанием глобального правового измерения, согласно которому право, не абсорбирующее базовые и прогрессивные общеправовые достижения, будет оставаться фрагментарным и изолированным инструментом локального действия.

¹ См.: Лопашенко Н.А. Сообщение о защите диссертации «Уголовное право Италии: основные институты», представленной М.А.Игнатовой на соискание ученой степени кандидата юридических наук // Уголовное право. 2003. № 2. С. 138.

² Уголовное законодательство России и стран АТР: компаративное исследование : монография / отв. ред. А.И.Коробеев. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2008. С. 8.

³ См.: Иванов Н.Г. Сравнительный метод в советском уголовном праве // Правоведение. 1988. № 2. С. 33-39.

⁴ Ансель М. Новая социальная защита (гуманистическое движение в уголовной политике) / пер. с франц. Н.С.Лапшиной ; под ред. А.А.Пионтковского. М.: Прогресс, 1970. С. 123.

В связи с обращением к методу сравнительного правоведения необходимо поддержать А.Х. Саидова, который отмечает, что компаративистская наука уже не предлагает законодателю готовые образцы или модели, взятые за рубежом, а дает возможность изучения зарубежного юридического опыта, как позитивного, так и негативного. По его мнению, такое «изучение отнюдь не ставит целью исключительно заимствование или подражание, хотя такой результат не исключен»¹. Также справедливо замечает Х.Н. Бехруз, что сравнительное правоведение направлено на корректное исследование различных правовых реалий в рамках правовой панорамы мира.²

Сравнительно-правовое исследование в уголовно-исполнительном праве представляет собой самостоятельное научное направление, основывающееся на цивилизационных достижениях пенитенциарной практики, выходящее за рамки позитивно-правового содержания самой отрасли права, поэтому подобный вид исследования способен обогатить науку уголовно-исполнительного права интеллектуальным содержанием, придать ей методологически завершенный вид и цивилизационную ценность. Так, В.И. Селиверстов указывает на «высокое значение изучения зарубежного опыта пенитенциарных систем, возможности его использования в отечественной практике»³.

Предметом сравнительно-правового исследования в уголовно-исполнительном праве выступает правовая действительность России и зарубежных стран в сфере исполнения уголовных наказаний. Так, совпадающая в общих чертах история развития пенитенциарной науки в различных странах, наличие типичных концептуальных подходов и теоретических направлений, использование схожих методов исследования, процесс заимствования наиболее эффективных средств и методов исправления преступников, усиление международных контактов и взаимовлияний в этой сфере указывают на существование знаний, имеющих международное универсальное значение для всех стран мира в области исполнения наказаний. Указанные обстоятельства позволяют облегчить решение множества проблем в науке уголовно-исполнительного права. Необходимо, на наш взгляд, согласиться с мнением Ж. Сталева, полагающего, что именно в этом «состоит исключительная важность проблемного сравнения:

¹ Саидов А.Х. Сравнительное правоведение и законотворчество // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2006. № 1. С. 17.

² Бехруз Х.Н. Сравнительное правоведение как самостоятельная юридическая наука и учебная дисциплина // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2007. № 2. С. 38.

³ Селиверстов В.И. Некоторые направления уголовно-исполнительной политики России на современном этапе // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2009. № 5. С. 20.

оно заменяет дорогостоящее национальное правовое экспериментирование»¹. В этом смысле метод сравнительного правоведения выступает наиболее подходящим научным средством для обнаружения определенной типичности и целесообразности заимствования иностранных моделей обращения с осужденными. Содержание рассматриваемого предмета исследования может подвергаться определенной ротации, поскольку реалии развития общественных отношений меняют конфигурацию вопросов, входящих в соответствующую область исследования. Наличие обозначенного концепта исследования показывает научную зрелость и относительную самостоятельность уголовно-исполнительной компаративистики. Известны два подхода к сравнительно-правовому исследованию – нормативный и функциональный. Первый опирается на сопоставление юридических текстов, сходных юридических понятий и категорий, второй – на изучение способа решения в зарубежном праве соответствующей проблемы, имеющей значение для национального права. Следовательно, первый подход отражает «описательное» сравнение, выявляющее сходство и различие правовых институтов, относящихся к различным правовым либо национальным системам, тогда как второй – «теоретическое», направленное на научное познание потребностей национального права в соответствующем зарубежном образце. При этом важно привести мнение А.Х. Саидова, указывающего, что компаративистика не приемлет так называемого юридического позитивизма, то есть сугубо формального сопоставления отраслевых норм различных стран. Сравнению должны подлежать не только законы, но и подзаконные правовые акты, судебная практика, договоры, обычаи и практика применения законодательства.² Формируя обобщенное представление о практике применения соответствующих норм (в нашем случае – уголовно-исполнительных) и об отношении к соответствующей социальной проблеме и правовой доктрине, функциональный подход в большей степени, нежели нормативный, отвечает запросам совершенствования национального права и поэтому видится наиболее приемлемым для решения задачи гармонизации уголовно-исполнительного права.

Как представляется, сравнительно-правовое исследование в сфере исполнения уголовных наказаний должно проводиться в двух культурно-правовых континуумах – историческом и современном. При этом «обращение к историческому юридическому опыту, умение

¹ Сталев Ж. Сравнительный метод в социалистической правовой науке // Сравнительное правоведение : сборник статей. С. 43.

² Саидов А.Х. Сравнительное гражданское право как наука и учебная дисциплина // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2007. № 1. С. 56.

черпать из него все необходимое для современных потребностей тем плодотворнее, чем выше общий уровень правовой культуры общества»¹. Более того, своеобразие англосаксонского права, оппозиционирующее континентальной системе права, практически не позволяет проводить отличие между его правовой теорией и правовой историей, а не изучив истории становления и развития действующих правовых институтов, «трудно понять что-либо в учреждениях этой страны, потому что во всей истории Англии не известно ни одного момента, в который бы эта нация сердецедов, отрекшись от своего прошедшего, признала никуда не годным веками сооруженное здание своих учреждений и придумала бы построить новое на иных основаниях. Она постоянно оставляла неприкосновенным все существующее, разрушала только действительно уже негодное или, лучше сказать, давала возможность негодному разрушаться, заменяя его более совершенным»². Как справедливо отмечает А.В. Малешина, «несмотря на то, что российское право по многим параметрам тяготеет к континентальной правовой системе, в последнее время все больше исследователей уделяют внимание в своих работах нормам и институтам стран общего права, демонстрируя тем самым, что, вопреки многим внешним различиям, между двумя системами нет каких-либо непроходимых границ, которые не позволили бы изучать нормы другой системы с целью совершенствования собственного законодательства»³.

Достижения отечественного уголовно-исполнительного права в основном отражают ценность закона, опираются на его непреложное верховенство в регулировании общественных отношений, но имеют значительное расхождение с широкими возможностями судебного порядка регулирования процесса исполнения наказания и исправительного воздействия на осужденных. Данная ситуация не позволяет повышать эффективность юридических конструкций, обогащая интеллектуальное содержание права. Ведь, аккумулируя формально-нормативный характер преобразований правовой материи, сфера исполнения уголовных наказаний не обогащается эталонным содержанием, отражающим универсальное значение и общепризнанный уровень права, базирующимся как раз на гуманитарных ценностях и правовых началах. Такое обогащение отражает сближение романо-германской и англосаксонской правовых систем, поскольку первая из них как раз символизирует закон, вторая – прецедент. В связи с этим

¹ Саидов А.Х. Сравнительное правоведение и законотворчество. С. 19.

² Берви В.В. Очерк судебного управления в Англии // Журнал Министерства юстиции. 1859. №9 (сентябрь). С. 63.

³ Малешина А.В. Ответственность за преступные деяния против жизни в странах общего права (на примере Англии, США и Канады) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 4.

следует согласиться с А.Г. Чернявским в том, что «такого рода направленность современного правового развития России, ориентированного на максимальное использование потенциала культуры закона, вовсе не исключает известных шагов именно в направлении повышения значимости судебной практики, подготовки к тому, чтобы в перспективе поставить на службу формирование современной юридической системы России также и достижения прецедентного права»¹. Также необходимо поддержать мнение О.А. Пугиной о приобретении судебной практикой особого статуса в современной правовой системе России, поскольку «право как совокупность создаваемых и охраняемых государством норм, выраженных в нормативных актах, оказалось недостаточным регулятором общественных отношений»².

Таким образом, построение искомой модели отечественного уголовно-исполнительного права должно посредством правовой интеграции использовать достижения в пенитенциарной сфере отдельных стран, а также «высвечивать» недостатки и показывать преимущества национальной системы исполнения уголовных наказаний.

1.2. Ретроспективные и современные направления реализации метода сравнительного правоведения в пенитенциарной науке

Исследование концептуальных основ реализации метода сравнительного правоведения в пенитенциарной науке неотделимо от культурно-антропологического анализа ретроспективных процессов пенитенциарного сотрудничества и рецепции западных образцов обращения с осужденными, начало которым положено с генезиса восприятия отечественным правосознанием идеи прав человека.

Истоками восприятия западной идеи прав человека, в дальнейшем положенной в основу цивилизованных форм обращения с осужденными, выступает рецепция рационализированного законодательства стран Запада в связи с реформами Петра Великого. В дальнейшем результаты данной рецепции обусловили потребность в восприятии культурологических ценностей реформ западной цивилизации и повышения в некотором смысле пенитенциарного правосознания граждан российского общества. Вместе с тем восприятие евро-

¹ Чернявский А.Г. Перспективы интеграции и гармонизации российской и европейской правовых систем // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации : сборник статей / под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород, 2003. С. 219.

² Пугина О.А. Правопреемственность как базовый элемент интеграции правовых систем // Современное право. 2006. № 7. С. 70.

пейских правовых образцов, начавших активно проникать в российское правосознание при Петре I, было крайне затруднено прежними патриархальными нравами, бюрократизацией и пренебрежением власти собственным законодательством, внесудебным разрешением конфликтов. Ведь, как известно, «господство патриархальных ценностей практически всегда сопровождается консерватизмом в общественном развитии»¹.

В дальнейшем поступательное развитие права было вызвано возрастанием осознанного интереса к нему, поэтому и практически значимый рост интереса к субъективным и естественным правам человека, осознание его индивидуальности, столь важной в сфере обращения с осужденными, произошел лишь во второй половине XVIII столетия. Однако в условиях укрепляющегося абсолютизма персоналистский (индивидуалистический) тип культуры не имел должного успеха, поэтому известные попытки Екатерины II претворить в жизнь идеи европейского гуманистического либерализма по отношению к тюремной сфере остались не реализованными. По указанию Екатерины II формально было отменено наказание в виде смертной казни. Безусловно, эта и иные меры, направленные на гуманизацию отечественной системы уголовных наказаний и практику их применения, явились результатом влияния европейских гуманитарных идей. Как точно отмечает А.П. Спиридонов, «для развития уголовного законодательства периода царствования Екатерины II характерно заимствование в зарубежном уголовном праве не норм и правил конструирования законов, а прогрессивных, гуманистических по своему содержанию уголовно-правовых идей и принципов»². Вместе с этим именно социально-экономическая и политическая ситуация того времени не позволила их реализовать.

Кроме того, основные требования проекта императрицы об устройстве тюрем 1787 г. не только в России, но и во многих других странах были в полном противоречии с действительным положением мест отбывания наказания в виде тюремного заключения. Прогрессивный характер проекта (в том числе знаменитого Наказа) и отсутствие каких-либо реальных действий со стороны Екатерины по его претворению в жизнь не без основания порождает сомнения в его

¹ Социальная антропология права современного общества : монография / под ред. И.Л. Честнова. СПб.: Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права, Общество «Знание» Санкт-Петербурга и Ленинградской области, 2006. С. 199.

² Спиридонов А.П. Взаимодействие российского уголовного права с системами права других государств: исторический аспект // Научный вестник Омской академии МВД России. 2009. № 3(34). С. 41.

изначальной практической значимости, но позволяет отметить его лишь декларативно-демонстративное и политическое назначение.

Ведь, как известно, ко времени составления указанного проекта идеи гуманизации наказания уже были известны в России. Так, А.В.Малько и А.Ю.Саломатин отмечают, что «первые признаки гуманизации уголовных наказаний обнаружались еще в XVIII в.».¹ В 90-х гг. XVIII столетия даже принимались меры к популяризации идей гуманизации. Имеется в виду первый в России юридический журнал, носивший следующее название: «Театр судоведения или чтения для судей и всех любителей юриспруденции, содержащий достопримечательные и любопытные судебные дела, юридические исследования знаменитых правоискусников и прочие сего рода происшествия, удобные просвещать, трогать, возбуждать к добродетели и составлять полезное и приятное времяпрепровождение. Собрал Василий Новиков», в четвертой части которого был помещен перевод многих страниц из книги Дж. Говарда «Состояние тюрем в Англии и Уэльсе».² В статьях под заголовками «Всеобщее изображение бедствий, претерпеваемых в английских тюрьмах», «Худые обычаи в английских тюрьмах» и «Поправление, предложенное господином Говардом к строению и управлению темниц» переводчик и издатель журнала описывает такое бедственное положение английских тюрем, которое имело место и в России. По мнению М.Н. Гернета, имеются все основания думать, что данные статьи печатались не только для того, чтобы познакомить русского читателя с состоянием иностранных тюрем, но и для того, чтобы обратить внимание на положение тюрем в России.³ Указанное свидетельствует, что в рассматриваемый период осмысление иностранного опыта в сфере уголовных наказаний и их исполнения со стороны России, а также государств Восточной Европы происходило лишь на познавательном уровне, без определенных практических шагов в сторону реального улучшения отечественного состояния тюрем и отбываемых в них наказаний (особенно со стороны государственных институтов).

Вместе с тем подобная практика послужила серьезным толчком к необходимости переосмысления смысла уголовного наказания. Однако отсутствовала общественная и государственная заинтересо-

¹ Малько А.В., Саломатин А.Ю. О некоторых чертах модернизационных процессов в современных условиях // Государство и право. 2004. № 3. С. 23.

² Как правило, используется указанный в тексте сокращенный вариант названия работы. Полное наименование следующее: «Состояние тюрем в Англии и Уэльсе, с предварительными замечаниями и описанием некоторых зарубежных тюрем и больниц» (см.: Howard J. The State of the Prisons. London: J.M. Dent&Sons Ltd.; New York: E.P.Dutton&Co.Inc, 1929. P. XX).

³ См.: Гернет М.Н. История царской тюрьмы: в 5 т. 3-е изд. Т. I. 1762-1825. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1960. С. 109-111.

ванность и, соответственно, потребность в улучшении состояния тюрем и положения заключенных, необходимые социально-экономические предпосылки, способные послужить не только толчком, но и движущей силой реформирования тюремной сферы, а также понятная для всего общества и практически обоснованная для государства исправительная идея наказания, что приводило к наличию аверсивного отношения государственных властей к состоянию тюрем и положению заключенных, при котором считалось нормальным нахождение преступников в весьма ужасных условиях заключения.

Потребность в целенаправленном восприятии и практической реализации европейского пенитенциарного опыта появилась лишь в XIX столетии. При этом еще нельзя говорить о международных пенитенциарных стандартах в их современном понимании, но опыт обращения с осужденными в отдельных странах, с одной стороны, обусловил потребность его обсуждения на уровне международного сотрудничества, с другой – детерминировал формирование универсальных правил, имеющих весомую апробацию и показывающих общепризнанный уровень права, базирующийся как раз на гуманитарных ценностях и правовых началах. В Европе, начиная с конца XVIII столетия, зарождается гуманистическое движение, пересмотревшее смысл наказаний, основывающееся на нравственно-правовых теориях, уважении личности преступника и смягчении карательных притязаний государства. Произошел кризис идеи традиционно жестокого и нарочито публичного наказания. Идея воздаяния постепенно трансформировалась и взяла за основу концепцию о необходимом равновесии между наказанием и гуманностью, устанавливающей ограничения пределов карательного воздействия и широкое применение тюремного заключения. Несомненно, высокую роль в формировании и популяризации обозначенного движения сыграли выдающиеся гуманисты конца XVIII в. – начала XIX в. – тюремный реформатор Дж. Говард, философы И. Бентам, У. Палей и Ч. Беккария, филантроп С. Ромильи. Представители движения Просвещения были противниками имеющегося состояния уголовного правосудия. Например, Уильям Палей в известной работе «Принципы нравственной и политической философии», изданной в 1785 г., особое внимание обращал на работу органов правосудия по вынесению и исполнению ими наказаний. Ядром правовой мысли У. Палея является утилитаристское учение о нравственности, которое, по сути, представляет собой приложение номинализма английской философии к общественно-этическим отношениям.¹ С этих позиций в наказании он видел, прежде всего, не кару за совершенное преступление («зло»), а

¹ The Encyclopædia Britannica. A Dictionary of Arts, Sciences, Literature and General Information – 11th ed. – In XXVIII Volumes. Volume XX. Cambridge: University Press, 1911. P. 821.

предупреждение преступления. Так, рассуждая о «гуманном наказании», ученый указывает, что «надлежащая цель гуманного наказания – это не удовлетворение правосудия, но превенция преступности»¹. С гносеологических позиций следует буквально понимать употребляемый им термин «удовлетворение правосудия» – как «воздаяние такой болью, которое соответствует вине преступника и, соответственно, воле Бога; воздаяние, которое мы привыкли воспринимать как совершенное правосудие – предписывающее и требующее»². При этом требование правосудия карать и наказывать – это не мотив или повод гуманного наказания; а вот вероятность того, что пример уклонения преступника от должного воздаяния поощряет его же или других лиц совершить подобное либо иное преступление уже является единственным соображением, которое дает возможность применять гуманное по своей сути наказание.

Занимаясь исследованием вопросов гармонизации уголовного наказания и социальных потребностей, У. Палей указывал, что истинная причина и цель наказания, несомненно, являются мерилем жестокости возмездия, но такая эта причина лежит не в виновности преступника, а в необходимости превенции подготавливаемых преступлений. Следовательно, наказание преступника государством ставится в зависимость не от степени его вины или иных причин, но от степени сложности и необходимости превенции данного преступления. Из подобных рассуждений также следует, что наказание не должно быть жестоким в том случае, если преступление может быть предотвращено иным способом. Наказание является злом, к которому суд прибегает только из необходимости предотвращения большего зла.³ Необходимо констатировать четкую логику таких рассуждений, глубокое содержание используемых категорий и конструктивность выводов ученого.

Касаясь общих вопросов назначения и исполнения наказания, Палей утверждал, что наказание преследует две цели – исправление и демонстрация, причем первую цель он считал более практичной, но определенно менее эффективной. Из всех наказаний для достижения цели исправления наиболее испытанным и надежным, по его мнению, являются тюремное заключение нескольких осужденных в одной камере либо одиночное содержание заключенных – «эти меры увеличивают устрашающий эффект наказания, изолируют преступника от общества с себе подобными... и отражают происходящие в поведении осужденного изменения»⁴.

¹ Paley W. The Principles of Moral and Political Philosophy. 16th ed. In Two Volumes. Vol. I. London: Printed for R. Faulder, New Bond-Street, 1806. P. 295.

² Paley W. Op. cit. P. 296.

³ Ibid. P. 296-297.

⁴ Ibid. P. 320-321.

Палей одним из первых обосновал идею о целесообразности использования физического труда осужденных в целях достижения исправительного эффекта. В частности, он указывал, что антипатия к труду является причиной половины человеческих пороков, причиной, которая порождает и усугубляет это зло даже у самой заурядной личности. Следовательно, наказывать следует с учетом такой склонности. На основании этого он дает две «противоположные, но вместе с тем целесообразные рекомендации»: исполнять одиночное заключение в сочетании с тяжелым физическим трудом и одиночное заключение без такового. Когда одиночное заключение первоначально сопряжено с тяжелым физическим трудом, полученный осужденным опыт может служить избранию ему дальнейшего исполнения наказания без изнурительного физического труда.¹ Именно в этот исторический период получает теоретическое обоснование европейская философия одиночного тюремного заключения.

В литературе, посвященной изучению истории английской юридической мысли, труд У. Палея «Принципы нравственной и политической философии» отмечается как одна из наиболее ранних, но вместе с тем прогрессивных работ, оказавшая глубокое влияние на формирование либеральных общественных взглядов в области исполнения наказаний.² Рациональность, справедливость и гуманизм – это то, чем отличался дух реформаторства во взглядах У. Палея.³

Следует констатировать, что идеи У. Палея в области наказания и тюремоведения получили широкую известность в истории правовой мысли Англии и фактически послужили основой для формирования завершеного утилитаристского учения. Изложенные размышления ученого явились базовыми знаниями для дальнейшего научного и нравственного поиска по направлению развития исправительной идеи наказания и реформ в этой области, стали доктринальной основой для гармонизации законодательства в области обращения с осужденными и предтечей для выдающихся прогрессивных результатов деятельности пенитенциарных учреждений.

Известный исследователь истории английского тюремоведения Дж. Хиз отмечал, что именно Палей первым среди его современников одобрял наказание за очевидное (при достаточных и весомых доказательствах) приготовление к преступлению, обосновывал необходимость дифференциации тяжести наказания в зависимости от степени соучастия лиц в преступлении, исполнения наказания за преступления, совершенные группой лиц (шайкой), с учетом отдель-

¹ Paley W. Op. cit. P. 321-322.

² Manchester A.H. A Modern Legal History of England and Wales 1750-1950. London: Butterworths, 1980. P. 12, 242.

³ Ibid. P. 242.

ного тюремного содержания виновных: особенно лидера от подчиненных, исполнителей от иных сообщников.¹

Важную роль в обосновании должного порядка исполнения уголовных наказаний сыграл Самуил Ромильи, который первоначальные воззрения в области тюрьмоведения изложил в критическом очерке о работе М. Мадана (Martin Madan) «Размышления о реализации правосудия» («Thoughts on Executive Justice»), вышедшем в свет в 1786 г. Ромильи, видя в причинах преступности прежде всего социальные корни, пороки общества, говорил о том, что адекватное преступлению наказание действует как несомненное средство удержания от его повторного совершения и служит общей превенции. При этом именно одиночное заключение и физический труд, на его взгляд, являлись необходимым средством перевоспитания осужденных.²

Реформатором провозглашался принцип, в соответствии с которым целью уголовного наказания, согласованной с нравственной природой человека и интересами государства, должно в первую очередь выступать исправление преступника. Для достижения данной цели более приемлемым наказанием, по его мнению, было одиночное тюремное заключение. В связи с этим в 1811 г. он предложил парламенту создать специальную комиссию по изучению тюремного вопроса. Вместе с этим Ромильи был противником Паноптикона И. Бентама, поскольку ратовал за обширную реформу всей тюремной системы, но не спорадическое строительство отдельных тюремных комплексов. Однако не без его участия в 1816 г. был возведен и в 1821 г. полностью вступил в действие первый «национальный пенитенциарий» Англии – Милбанк.³

Идеи И. Бентама были положены в основу становления классической утилитарной философии наказания и ее ядра – теории устрашения. Так, Бентам дает следующее краткое описание рассматриваемой теории: «Страдание и удовольствие являются важнейшими источниками человеческих поступков. Когда человек осознает или предполагает, что боль будет последствием его поведения, он действует в соответствии с тем, насколько сильна сила страха, препятствующая совершению преступления. Если страх перед совершением преступления будет выше ожидаемого результата от его исполнения,

¹ Heath J. Eighteenth Century Penal Theory. Oxford: University Press, 1963. P. 18, 20, 297.

² McLynn F. Crime and Punishment in Eighteenth-century England. London and New York: Routledge, 1989. P. 254.

³ Memories of the Life of Sir Samuel Romilly, written by himself; with a selection from his Correspondence / edited by his sons. In Three Volumes. Vol I. – 2nd ed. London: John Murray, Albemarle Street., 1840. P. 278.

то будет очевидна превентивная роль такой устрашающей силы»¹. Бентам, наполнив теорию соответствующим содержанием (Беккария изложил ее нравственную основу), был также сторонником ее практического воплощения. Гарантом конструктивности теории выступало должное и соразмерное преступлению наказание.

Учение И. Бентама нельзя не сопоставить с идеями Ч. Беккария, который в заслугу законодательной власти, по сути, также ставил общественную пользу. Однако утилитарная философия Ч. Бентама не церемонится с нравственной оценкой властных достижений. Так, по справедливому мнению И.С. Джабадари, человеческое правосудие у Беккария не может быть «воплощением правосудия абсолютного», поэтому итальянский ученый «за общественной пользой не забывал человека, его нравственного "я" и ставил ... границей уголовного закона – закон нравственный».²

Сформулированный и описанный «принцип полезности» был положен в основу главных начал назначения наказания, которые имеют актуальное значение и сегодня. Так, Бентам во «Введении в принципы морали и законодательства» излагает тринадцать правил «нравственной арифметики» соразмерности между преступлениями и наказаниями, которые могут быть обобщены в следующие пять групп: 1) зло и тяжесть наказания должны превосходить выгоды преступления; 2) чем меньше возмездия несет в себе наказание, тем более длительным и распространенным оно должно быть; 3) при совокупности преступлений более суровому наказанию должно подвергаться более вредное из них, для того чтобы преступник имел мотив остановиться на менее вредном; 4) суд должен с большей решимостью назначать более суровые наказания за наиболее тяжкие преступления, для того чтобы более успешно предупреждать преступления подобного рода; 5) карательная практика не должна строиться на одном наказании, но сочетаться со всеми имеющимися видами наказаний.³ Резюмируя данные правила, стоит отметить два общих бентамовских принципа, заложенных в основу функционирования указанных правил: любое наказание представляет собой зло, поэтому наказание допустимо лишь постольку, поскольку оно устраняет еще большее зло; принцип исправления, предполагающий исправительный эффект наказания не только одним его страхом, но и «переменой в характере и привычках» преступника.

¹ Цит. по: Bean P. Punishment. A Philosophical and Criminological Inquiry. Oxford: Martin Robertson, 1981. P. 30.

² Джабадари И.С. Смертная казнь в связи с правом наказания. СПб.: Типография Дома Призрения Малолетних Бедных. Лиг. ул., д. 26, 1896. С. 107.

³ См.: Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: Российская политическая энциклопедия, 1998. С. 231-241.

В унисон данным правилам Бентам обращает внимание на свойства, которые должен иметь комплекс (система) наказаний. К таковым, по мнению утилитариста, следует относить:

изменяемость – комплекс наказаний должен состоять из такого количества наказаний, чтобы адекватно предупреждать все разновидности преступных деяний;

равномерность, означающая обязательное наличие «лестницы» наказаний, позволяющей устанавливать адекватное соотношение между степенью страдания, причиняемого конкретным наказанием (в том числе в зависимости от условий и продолжительности тюремного заключения), и глубиной причиненного вреда от преступления;

соизмеримость, требующая ясной и очевидной разницы в свойствах и тяжести отдельных наказаний;

характерность, указывающая на взаимосвязь и соотносимость конкретного наказания и преступления. Так, Бентам отмечает: «Наказание может действовать только в той степени, насколько уму человека представляется идея этого наказания и его связи с преступлением. Если идея его не присутствует в уме человека, оно не может действовать вовсе»;

каждое наказание комплекса должно иметь особенную и отличную «церемонию», то есть собственный механизм его исполнения, для того чтобы подчеркнуть внутренние свойства каждого из них;

умеренность, требующая ограничить излишнее и ненужное страдание, то есть «не делать его больше, чем сколько требуется»;

содействие исправлению («свойство исправительности»), являющееся таким свойством наказания, которое посредством ужесточения условий, увеличением размера и (или) его продолжительности позволило бы вызвать у осужденного «отвращение к преступлению»;

«действенность наказания в отнятии способности к преступлению», то есть предупреждение преступлений посредством демонстрации и устрашающего эффекта государственной репрессии. Кроме того, «это свойство способно вообще становиться в противоречие со свойством умеренности; так как в большей части случаев нет верного средства лишить человека возможности делать вред не лишая его в то же время и в значительной степени возможности делать добро – и себе, и другим. Поэтому вред преступления должен быть так велик, чтобы он требовал весьма значительной доли наказания для цели примера»;

«удобство для воздаяния», заключающееся в исключительно карательной (возмездной) функции наказания, но строго пропорциональной характеру преступления и причиненному им вреду;

также Бентам рекомендует соблюдать свойство «популярности», однако оно является второстепенным и зависимым от свойства

«характерности», и означает «удобство» (допустимость) и одобряемость конкретного наказания для общества. По его мнению, назначение этого свойства «состоит в том, чтобы служить напоминанием законодателю – не вводить без настоящей необходимости никакого способа или доли наказания, к которым бы он заметил сильное отвращение в массе народа»;¹

отменяемость, то есть возможность освобождения от отбывания наказания вследствие обнаружения, например, невиновности осужденного лица.² Особенно важно данное свойство, по мнению Бентама, в случаях отбывания лицом тюремного заключения.

Отмеченные идеи реформаторов конца XVIII в. – начала XIX в. позволяют сказать, что дух гуманизма эпохи Просвещения проистекал из «старшей и младшей школ». К первой относились Монтескьё, Вольтер и Беккария, которые обрушили критику на теократическое учение о возмездии и одновременно с этим пытались рационализировать теорию устрашения. Главой «младшей школы» был неаполитанец Г. Филанджери, который в отличие от представителей «старшей школы» особое внимание обратил на исправление наказываемого. В одной из главных работ – «Наука законодательства», написанной в 1783 г.,³ он указывал на то обстоятельство, что наказание должно служить исправлению преступника. Развиваемая им идея о необходимости надзора, включая использование тюремного режима, за преступником послужила основой современной теории профилактики преступлений и предвосхитила кризис «идеи реабилитации» конца 70-х – начала 80-х гг. XX века. Не случайно специалисты, занимающиеся данной проблематикой, справедливо отмечают, что «кризис в системе целей уголовного наказания, который наметился еще в XVIII в., растянулся на XIX и XX столетия»⁴.

При этом Г. Филанджери активно выступал за наказание в виде депортации в качестве реабилитационного метода, тогда как Ч. Беккария видел в этом наказании простое дистанцирование пре-

¹ Bentham J. An Introduction to the Principles of Morals and Legislation (reprint). Oxford: At the Clarendon Press, 1823. P. 168-170.

² Ibid, P. 171.

³ Имя и работы этого представителя эпохи Просвещения указываются по-разному: как Филангери, «Законодательная наука» (Аннерс Э. История европейского права : пер. со швед. М.: Наука, 1996. С. 237-238) или Филанджери, «Наука законодательства» (Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней: в 3 т. Т. 3. Новое время / пер. С.Мальцевой; науч. ред. Э.Соколова. СПб.: Петрополис, 1996. С. 622-623).

⁴ Общее предупреждение преступлений: проблемы и перспективы : монография / А.И. Марцев [и др.]. Омск: ВШМ МВД РФ. 1993. С. 15.

ступника от правопослушного населения.¹ В связи с этим В.Н.Додонов совершенно точно отмечает: «с каждым десятилетием все более универсальный характер приобретает вектор уголовно-правового развития, заложенный более двух столетий назад основателями классической школы. Превратившись со временем в неоклассическую школу и восприняв некоторые идеи у социологического направления, учение просветителей XVIII в. и сегодня определяет дух уголовного права, систему его нравственных ориентиров»².

Таким образом, уголовно-правовая доктрина эпохи Просвещения, заключившая в себе теорию рационализованного устрашения (значительно улучшенную гуманитарным наполнением) и секуляризованное учение о возмездии³, сделав прорыв в нравственно-правовых теориях, стала приматом уголовно-судебной практики в Европе XIX в. Указанные обстоятельства послужили основой для движения в сторону тюремной реформы как на Западе, так и в России и способствовали возникновению новой научной отрасли – тюрьмоведению. В России распространяются идеи против жестоких наказаний и находят последователей призывы к гуманности в борьбе с преступниками. Как справедливо отмечает А.А. Иванов, «устрашение как цель наказания подвергается осуждению, и в результате многолетних дискуссий формируется качественно новое направление целей наказания – исправление и предупреждение»⁴.

Правовая интеграция России в европейское пространство в первой половине XIX в. привела к некоторым практически значимым заимствованиям наиболее прогрессивных пенитенциарных моделей. В частности, можно говорить о заимствовании идеи патронажа. Впервые подобная организация возникла в Англии в 1816 г. с образованием Общества улучшения условий тюремного заключения

¹ См.: Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В.С. Овчинского. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 120 (напечатана с изданной в 1939 году книги в переводе профессора М.М. Исаева).

² Международное право и национальное законодательство. М.: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Российской Федерации, Эксмо, 2009. С. 620.

³ Учение о возмездии секуляризовал (то есть перевел из разряда теократического в разряд светского) и тем самым придал ему адекватную тому времени идеологическую основу И.Кант в 80-е годы XVIII в. Смысл его идеи заключается в том, что преступление противоречит мировому, установленному метафизикой, состоянию всеобщего равновесия. Поэтому по принципу «переливающихся сосудов» для восстановления равновесия сил в природе последствия преступлений должны быть восполнены возмездием, иначе грех преступления останется на совести людей.

⁴ Иванов А.А. Российская правовая наука рубежа XIX-XX веков и формирование личностного подхода в наказании // Журнал российского права. 2005. № 5. С. 127.

(Society for the improvement of Prison discipline), оказывающего заботу о должной организации тюремного режима, а также осуществляющего попечение за освобождающимися, как правило, несовершеннолетними осужденными. В 1817 г. член данного Общества В. Венинг посетил Петербург, где, обследовав ряд тюрем, подготовил обстоятельный доклад на имя императора Александра I об условиях содержания заключенных и организации тюремного управления с предложениями совершенствования организации тюремного дела. По-видимому, доклад произвел на императора неизгладимое впечатление, поскольку Александр I три раза собственноручно исправлял и дополнял предложения английского филантропа относительно совершенствования условий содержания заключенных и управления тюрем. На основании данной работы Александр I утвердил соответствующие правила для так называемого Общества попечительского о тюрьмах¹, которые функционировали последующие 32 года. В соответствии с данными правилами выдвигались пять требований к организации обращения с осужденными: ближайший и постоянный надзор над заключенными, размещение их по роду преступления или обвинения, наставление заключенных в правилах христианского благочестия, занятие их приличными упражнениями, заключение провинившихся или буйствующих из них в уединенном месте.² Общество попечительское о тюрьмах явилось первой благотворительной организацией в России, не считая приказов призрания, деятельность которой была направлена на организацию централизации тюремной части. Так, у тюрем впервые появилось более или менее стройное организационное единство в лице объединяющего их в управленческом плане Общества. Как справедливо отмечает К.К. Кораблин, «...благодаря опыту стран Западной Европы и Америки в области исполнения наказаний, зародившейся в России благотворительной деятельности, направленной на улучшение состояния тюремного ведомства, ... во второй половине XIX в. в отечественной пенитенциарной системе начинается неизбежный процесс гуманизации наказания и реформирования не только тюремного хозяйства, но и в целом всего института исполнения наказаний»³. Однако, указывает А.П. Печников, большинство мероприятий, направ-

¹ Встречаются и другие наименования: «Попечительное о тюрьмах общество» или «Попечительское о тюрьмах общество».

² См.: Печников А.П. Тюремные учреждения российского государства (1649 г. – октябрь 1917 г.): историческая хроника. М.: Щит-М, 2004. С. 15-17, 242-243.

³ Кораблин К.К. История развития пенитенциарной системы в России : учебное пособие. Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2001. С. 51.

ленных на улучшение тюрем того периода, оставались на бумаге, будучи так и не реализованными на практике.¹

Дальнейший толчок к сближению России и Европы в пенитенциарной сфере был дан Николаем I. Известно, что император, находясь с визитом в Лондоне, посетил уже положительно зарекомендовавшую себя Пентонвильскую тюрьму² и после этого выступил инициатором внедрения британского опыта организации тюремного дела в России. В результате в 1845 г. были образованы специальные комитеты и комиссии по выработке рекомендаций о преобразовании отечественной пенитенциарной системы. В этом же году и в связи с принятием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных по инициативе Николая I был сформирован комитет, деятельность которого была направлена на устройство исправительных тюрем, организация которых во многом отражала принцип одиночного заключения, преобладающий в Пентонвильской тюрьме.³ При этом, как отмечали исследователи того периода, наибольший успех имело именно английское тюремное управление. Так, с точки зрения чиновника департамента исполнительной полиции А. Пассека, система тюремного управления в Англии сосредоточена «в особом учреждении, члены которого находятся в постоянных, непосредственных сношениях с тюрьмами, ежегодно объезжая их, а наблюдение за местными тюрьмами в графствах подлежит особой инспекции. Оба учреждения, конечно, подчиняются министру внутренних дел»⁴.

Однако встречаются и противоположные высказывания относительно политики Николая I в области рецепции западного пенитенциарного опыта, а именно – обвинения императора в деспотизме и указания на то, что он являлся «поклонником монастырского заключения».⁵ Думается, что данная «полюсность» представлений об отношении власти к реформированию тюремной системы и содержательных констант наказания обусловлена инициативным характером рецепции зарубежного пенитенциарного опыта, все еще отсутствием в первой половине XIX столетия понятной для всего общества и практически обоснованной, рациональной для государства исправительной идеи наказания. Ведь, как верно отмечает Л.М. Прозумен-

¹ См.: Печников А.П. Указ. соч. С. 30. Также см.: Галкин М.Н. Материалы к изучению тюремного вопроса. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1868. С. 7-48.

² Тюремный комплекс, который начал функционировать в 1842 г. в Англии (северная часть Лондона).

³ См.: Гернет М.Н. История царской тюрьмы: в 5 т. 3-е изд. Т. II. 1825-1870. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1961. С. 56-57.

⁴ Пассек А. Проект о преобразовании тюрем. СПб.: Типография А. Траншея, 1867. С. 90.

⁵ См.: Фруменков Г.Г. Узники Соловецкого монастыря. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1970. С. 118.

тов, «консерватизм и реакционность политической надстройки России первой половины XIX в. предопределили аналогичные особенности её правовой системы»¹. Ситуация начала меняться лишь с постепенным усилением воззрений в области гуманизации, исправительной идеи наказания и потребностей международного пенитенциарного сотрудничества. В первую очередь это привело к отмене либо сокращению применения смертной казни. Ведь, как справедливо отмечают А.Ю. Саломатин и Н.В. Долженкова, «...вопрос гуманизации уголовного права необходимо рассматривать через призму применения смертной казни»². Так, в первой половине XIX столетия от применения смертной казни отказались Португалия, Голландия, Италия, Норвегия, большинство швейцарских кантонов. На протяжении всего столетия с пересмотром в 1832 г. и 1848 г. Уголовного кодекса 1810 г. снижалось применение смертной казни во Франции. Например, если в 1811–1815 гг. ежегодно к данной мере наказания приговаривались в среднем по 264 человека, то в 1896–1900 гг. – уже только по 17 человек.³ Хотя полностью смертная казнь во Франции отменена в 1981 г., в Германии в 1949 г.

Посредством сравнительного исследования иностранных моделей обращения с осужденными вырабатывались конкретные рекомендации тюремных конгрессов, первая серия которых связана с проведением международного конгресса во Франкфурте-на-Майне, состоявшемся в 1846 г., вторая – с международным конгрессом в Лондоне, состоявшемся в 1872 г. Обсуждение иностранного пенитенциарного опыта с выработкой рекомендаций, еще пока не имеющих общепризнанного значения и во многом обязательного выполнения, происходило в рамках второй серии вплоть до 1950 г., в котором под эгидой Международной уголовной и пенитенциарной комиссии состоялся последний тюремный конгресс в Гааге. Однако именно в этот период закладывается информационная основа и предопределяется культурно-гуманистическая направленность норм международного пенитенциарного права, формировалась методика разработки стандартов в области обращения с осужденными.

Россия не оставалась в стороне от данных отношений. Так, на первом конгрессе, состоявшемся в 1872 г., впервые приняли участие русские пенологи. Кроме того, четвертый конгресс состоялся в Петербурге в 1890 г.

¹ Ольховик Н.В., Прокументов Л.М. Рецидивная преступность осужденных и её предупреждение. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2009. С. 15.

² Саломатин А.Ю., Долженкова Н.В. Гуманизация уголовной политики в контексте модернизации права в Западной Европе и США (конец XVIII – XIX вв.) // Правовая политика и правовая жизнь. 2004. № 2. С. 154.

³ См.: Пионтковский А.А. Смертная казнь в Европе. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1908. С. 6–20.

На данных конгрессах обсуждались вопросы, связанные не только с функционированием тюремных учреждений и проблемами исполнения соответствующих наказаний, но также вопросы общей профилактики преступности, исследованию подвергались криминологически значимые негативные «фоновые» явления преступности. В частности, на пятом Международном тюремном конгрессе, состоявшемся в 1895 г. в Париже, также была подвергнута обсуждению проблема роста алкоголизма и увеличения числа душевнобольных лиц, склонных к совершению общественно опасных деяний. Было рекомендовано ужесточить контроль за оборотом спиртосодержащей продукции и создать специальные заведения (приюты) для содержания подобных лиц.¹ На восьмом конгрессе, проходившем в Будапеште в 1905 г., программа работы четырех секций предполагала обсуждение следующих вопросов (данные вопросы в целях выработки программы работы конгресса в Будапеште были обсуждены на заседании международной пенитенциарной комиссии, проходившей в Берне в августе 1902 г.)²:

I секция: «Уголовное законодательство. Для каких преступлений следует установить штраф в качестве дополнительного наказания? Какие правила должны быть положены в основу при наложении ареста на имущество приговоренного к штрафу и к отбыванию дополнительного тюремного заключения? Каковы составные элементы мошенничества? Должно ли укрывательство краденого рассматриваться как отдельное преступление или же акт соучастия? Следует ли ввести реформы в институт суда присяжных, основываясь на результатах его?»;

II секция: «Пенитенциарные вопросы. Каковы наилучшие средства к нравственному разделению осужденных заключенных и как они могут быть последствия этого разделения? Можно ли принуждать работать подсудимых и обвиняемых, если они уже раньше были приговорены к лишению свободы? Если нельзя ввести обязательную работу для означенных подсудимых и обвиняемых, то не следует ли зачет предварительного заключения в срок наказания поставить в зависимость от добровольного участия их в работе во время предварительного заключения?» и другие вопросы;

III секция: «Предупредительные средства. Какие данные имеются в различных странах относительно влияния алкоголизма на преступность? К каким специальным средствам необходимо прибег-

¹ Подр. см.: Закревский И.П. Пятый Международный пенитенциарный конгресс // Журнал Министерства юстиции. 1895. № 10 (октябрь). С. 130-133, 138.

² Подр. см.: Малинин Ф. VIII Международный пенитенциарный конгресс в Будапеште в 1905 году // Журнал Министерства юстиции. 1902. № 9. С. 214-219 (хроника).

нать в отношении всех вообще осужденных в целях борьбы с алкоголизмом? Что имеется для борьбы и лечения туберкулеза. Для предупреждения распространения его в различных тюремных учреждениях? Ограничение вмешательства государства в дело патроната»;

IV секция: «Вопросы относительно детей и несовершеннолетних. Следует ли государству принимать какие-либо меры попечения над детьми осужденных? Какие меры для сего наиболее целесообразны? Нужно ли устраивать особые учреждения для наблюдения над несовершеннолетними преступниками, порочными детьми или нравственно заброшенными?» и другие.

Последний двенадцатый конгресс из этой серии прошел в Гааге в 1950 г., на котором Международная уголовная и пенитенциарная комиссия, постепенно расширив сферу своих интересов за пределы чисто пенитенциарной проблематики, была упразднена, а ее функции взяла на себя ООН.

В конце XIX в. – начале XX в. широко практиковались международные встречи официального уровня по обсуждению проблем патроната, исследованию проблем унификации уголовного законодательства. Например, на второй конференции по унификации уголовного законодательства, проходившей в Риме в 1928 г., была принята система мер интернациональной защиты и безопасности, включающей, в том числе, рекомендации по длительному тюремному заключению категории так называемых «неисправимых преступников».¹

Специалистами отмечается, что, начиная с 1862 г., отечественными правоприменителями и учеными исследовался пенитенциарный опыт практически всех ведущих в то время западноевропейских стран. Министерство внутренних дел Российской империи поставило перед собой весьма перспективную цель – изучение зарубежного пенитенциарного опыта, для того чтобы на его основе выбрать доступную для России модель пенитенциарной системы. Была проделана огромная аналитическая работа по изучению зарубежных пенитенциарных систем практически всех европейских государств с целью приспособления к российской тюремной действительности. При этом «исследователи обращали внимание не только на учреждения, исполняющие наказания в виде лишения свободы, но и на органы управления ими, включая кадровый состав, то есть на всю уголовно-исполнительную систему иностранного государства в целом, рассматривая её в самом широком смысле»². Вне всяких сомнений, работа по изучению зарубежного опыта послужила конструктивной

¹ Трайнин А.Н. Уголовная интервенция. Движение по унификации уголовного законодательства капиталистических стран / ред. и предисл. А.Я. Вышинского. М.: Советское законодательство, 1935. С. 55-57.

² Печников А.П. Указ. соч. С. 63-64.

организационно-правовой основой для создания цивилизованной тюремной системы России.

В 1877 г. при Государственном Совете из высших государственных чиновников была образована Особая комиссия по тюремным преобразованиям под председательством члена Государственного Совета К.К. Грота. Важно заметить, что для целей осуществления тюремной реформы комиссия основательно изучила и обобщила зарубежный пенитенциарный опыт. В материалах комиссии содержатся достаточно всесторонние характеристики пенитенциарных систем Англии, Австрии, Бельгии, Великого Герцогства Баденского, Германии, Голландии, Дании, Италии, Королевств Вюртембергского, Королевства Баварского, Королевства Прусского, Норвегии, Саксонии, США, Швейцарии, Франции.¹

Сложно не согласиться с А.В. Мелешниковым, указывающим, что «если историю российского права рассматривать вне контекста развития Западной Европы, то реформы второй половины XIX века можно было бы расценивать как «прорыв» в гуманитарном направлении. Но если, например, вспомнить, что английский Habeas corpus act (Акт о лучшем обеспечении свободы подданного) был принят уже в 1679 г., то следует признать, что Россия с данными реформами отстала от стран Запада на период, примерно равнозначный периоду татаро-монгольского господства на Руси»². При этом подобные ретроспективные особенности отечественной правовой системы отчасти характерны и для современной России.

Вместе с тем рецепция европейских моделей обращения с осужденными, осуществляемая посредством международного пенитенциарного сотрудничества, затормаживалась отсутствием законодательного закрепления ряда личных и гражданских прав, медленным действием результатов судебной реформы, незавершенностью отраслевой дифференциации законодательства. Указанные проблемы, безусловно, не могли быть устранены и после революционных событий в период непродолжительного существования – с марта по октябрь 1917 г. – Временного правительства. Соответственно, в данный период также не учитывался положительный опыт европейских моделей обращения с осужденными.

Как представляется, одной из причин неудавшейся реформы выступает тот факт, что в советский период характер международно-

¹ См.: Уголовно-исполнительная система, 130 лет / М.Г. Детков [и др.]. М.: Объединенная редакция ФСИН России, 2009. С. 17.

² Мелешников А.В. Историко-правовые предпосылки согласования российской и европейской правозащитных систем // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации : сборник статей. С. 30.

го сотрудничества имел сугубо политико-прагматичный характер, а исправительно-трудовая политика формировалась без соответствующего учета международного опыта в этой сфере.

При этом анализ результатов реализации международных стандартов и правил в области обращения с осужденными советской исправительно-трудовой системой и наукой приводит к выявлению возможного восприятия этого опыта в период 70–80-х годов XX столетия, когда делается попытка реформирования советской исправительно-трудовой системы, однако в ее рамках международным пенитенциарным стандартам и правилам также отводилась достаточно ограниченная и сугубо информационная роль. Так, проводится ряд экспериментов, связанных с классификацией осужденных, укрупнением отрядов по производственному принципу, внутриколлективному самоуправлению осужденных, организации воспитательной работы и ряд других. Кроме того, 18 декабря 1970 г. принимается ИТК РСФСР, вступивший в действие с 1 июля 1971 г. Вместе с тем именно с 1970-х гг. вновь после амнистии 1953 г. и реорганизации исправительно-трудовых лагерей в исправительно-трудовые колонии в 1956 г. начинает расти численность осужденных, отбывающих лишение свободы. Так, к 1986 г. число заключенных по сравнению с серединой 1950-х – концом 1960-х гг. фактически вновь удвоилось и составило 2 356 933 человека (846 заключенных на 100 тысяч населения).

Международные пенитенциарные стандарты, закрепленные, в частности, в Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными 1955 г., практически не были восприняты советской исправительно-трудовой системой и законодательством. Так, до «начала 1990-х гг. международные стандарты обращения с осужденными самостоятельно не освещались в учебниках по исправительно-трудовому праву и не были введены в повседневный широкий научный оборот. В условиях сложившегося в стране административно-командного механизма управления ведомственная закрытость уголовно-исполнительной системы не способствовала правильному восприятию общепризнанных международных стандартов практическими работниками и препятствовала объективной оценке существующего в данной системе фактического положения с позиций международных стандартов».¹ Кроме того, симптоматичным является тот факт, что специализированные международные пенитенциарные акты, например Минимальные стандартные правила обращения с за-

¹ Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX в. – начала XXI в.: учебник для вузов / под ред. А.И. Зубкова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство НОРМА, 2003. С. 128.

ключенными 1955 г., зачастую выходили в СССР под грифом «Для служебного пользования».

Справедливости ради необходимо отметить, что в рассматриваемый период СССР ратифицировал, но в достаточно незначительном объеме международно-правовые акты в области прав человека. Например, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 сентября 1973 г. ратифицирован и вступил в силу для СССР 23 марта 1976 г. Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 16 декабря 1966 г., Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 января 1987 г. ратифицирована Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, принятая резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1984 г. Однако эти международно-правовые акты носили отчасти общий характер и не имели целенаправленного отношения к пенитенциарной системе.

Из лишь информационного и в известной степени ограниченного значения этих стандартов в советский период они стали существенным фактором радикальных преобразований в современной пенитенциарной политике и одним из критериев «цивилизованности» отечественной уголовно-исполнительной системы в целом.

В настоящее время использование метода сравнительного правоведения проявляется во влиянии международных пенитенциарных стандартов на российскую практику исполнения уголовных наказаний, в первую очередь связанных с лишением свободы, что сказывается не только в отношении естественных прав осужденных, повышения средств их правовой защиты и безопасности, профессионализма персонала исправительных учреждений, но и дифференциации режимных требований и юридических условий отбывания наказания. При этом именно данный аспект функционирования отечественной уголовно-исполнительной системы нуждается в реформировании, внутренней и международно-правовой гармонизации. В частности, рассматривая проблему реализации международных стандартов в области прав человека при исполнении пожизненного лишения свободы В.Ф. Цепелев и Е.Н. Казакова справедливо отмечают: «жесткая степень изоляции и социальная депривация, бессрочность наказания, низкая степень дифференциации условий содержания, сроков перевода с одних условий на другие ... свидетельствуют, что условия содержания пожизненно осужденных в полной мере не соответствуют жизни в обществе, их человеческому достоинству и не способствуют

их ресоциализации»¹. Развивая данную мысль, исследователи приходят к выводу о том, что длительный период изменения условий отбывания наказания и высокие формальные требования к условно-досрочному освобождению данной категории осужденных приводят к утрате социально-адаптивных навыков поведения, потере навыков социально-одобряемого поведения, развитию регресса личности. Так, «согласно международным документам, применительно к пожизненному лишению свободы пересмотр приговора должен осуществляться после отбывания срока лишения свободы от восьми до четырнадцати лет и повторяться через регулярные промежутки времени»². В данном случае имеется в виду резолюция (76) 2 Комитета министров Совета Европы об обращении с лицами, осужденных к длительным срокам заключения, одобренная 17 февраля 1976 г.³

В связи с вышеизложенным необходимо обратить внимание на особенности функционирования отечественной прогрессивной системы исполнения наказания, которая уже давно не соответствует потребностям эффективного исправительного воздействия. В частности, как верно замечает старший прокурор управления по надзору за законностью исполнения уголовных наказаний Генеральной прокуратуры Российской Федерации С. Березиков, «в самом механизме исполнения лишения свободы заложены факторы, в определенной мере продуцирующие повторную преступность ... Совершенствование дифференциации исполнения наказания – одно из направлений предполагаемых изменений»⁴. В связи с этим им отмечается низкий показатель изменения условий в исправительных учреждениях, который в среднем по России составил в 2008 г. 9,4%, и предлагается выделить дополнительные подгруппы лиц, отбывающих наказание в обычных условиях. Также он правильно отмечает, что уголовно-исполнительное законодательство не раскрывает сущности института условий отбывания наказания, определения добросовестного отношения к труду, что препятствует их более глубокой дифференциации с учетом различных степеней исправления осужденных.⁵ В унисон подобной критике С.Л. Бабаян справедливо считает необходимым усилить дифференциацию условий отбывания наказания в различных видах исправительных учреждений (например, выделить

¹ Цепелев В.Ф., Казакова Е.Н. Международные стандарты в области прав человека и их реализация в процессе назначения и исполнения пожизненного лишения свободы // Российский криминологический взгляд. 2008. № 3. С. 257.

² Там же. С. 258-259.

³ Международные акты о правах человека : сборник документов. М., 1998. С. 217-225.

⁴ Березиков С. Условия отбывания наказания в исправительных учреждениях надо менять // Законность. 2009. № 6. С. 41.

⁵ Там же. С. 42-43.

усиленные условия отбывания наказания в исправительных колониях) и предельно точно формализовать критерии перевода из одного вида исправительного учреждения в другое (в частности, закрепить общее требование о переводе из исправительной колонии любого вида в колонию-поселение осужденных, отбывающих наказание только в облегченных условиях).¹ Как представляется, данные предложения в целом соответствуют европейским пенитенциарным стандартам в области дифференциации осужденных. Вместе с тем принципиальное решение данной проблемы должно быть неотделимо от гарантий соблюдения прав осужденных, связано с расширением процедурных механизмов регулирования уголовно-исполнительных отношений и как следствие – с созданием института пенитенциарного суда, в компетенцию которого необходимо включить и решение вопросов о переводе осужденных из одних условий отбывания наказания в другие. Кроме того, представляется целесообразным исключить их числа элементов прогрессивной системы исполнения наказания «дозирование» законодателем количества краткосрочных и длительных свиданий, посылок, передач, бандеролей. Подобное ограничение негативным образом влияет на социально-полезные связи осужденных и поэтому при выборе между идеей мотивации исправления осужденных (посредством увеличения или уменьшения количества свиданий и посылок) и задачами социальной адаптации предпочтение должно быть отдано последнему. Не случайно специалистами в области пенитенциарной психологии отмечается, что расширенное использование субъектных психологических показателей, то есть учет изменений просоциальной субъектной активности осужденных при их перемещении в новые условия отбытия наказания, соответствует моделям «контроля», реализуемым во многих развитых зарубежных странах (например, в Англии, Германии и др.).² Также следует привести выдержки из Правила 37 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными 1955 г.: «Заключенным следует давать возможность обращаться через регулярные промежутки с их семьями или пользующимися незапятнанной репутацией друзьями, как в порядке переписки, так и в ходе посещения» и Правил 43.1 Европейских пенитенциарных правил 1987 г.: «Заключенным разрешается общаться со своими семьями и, с учетом потребностей содержания безопасности или поддержания порядка в

¹ Бабаян С.Л. Совершенствование правового регулирования поощрительных институтов изменения условий отбывания наказания и вида исправительного учреждения // Человек: преступление и наказание. 2012. № 2(77). С. 46-50.

² Поздняков В.М. Задачи пенитенциарных психологов при современной реформе уголовно-исполнительной системы России // Психология и право. 2012. № 3. С. 132-142.

месте лишения свободы, с представителями внешних организаций, а также по возможности чаще иметь свидания с указанными лицами». Соответственно, «дозирование» законодателем количества краткосрочных и длительных свиданий, посылок, передач, бандеролей в зависимости от нахождения осужденного на строгих, обычных или облегченных условиях (общем и строгом режимах в тюрьме) не отвечает положениям международных пенитенциарных стандартов, поскольку не обеспечивает регулярные промежутки посещения их родственниками и иными положительного характера лицами и препятствует реализации закрепленной в ч. 2 ст. 1 УИК РФ задаче социальной адаптации осужденных. Также необходимо учитывать, что значительная часть исправительных учреждений расположена за пределами населенных пунктов, в отдаленных и труднодоступных местах (например, в случаях отсутствия паромной переправы в период весенней распутицы), что уже создает объективные препятствия для регулярных свиданий.

Настоятельно требуется усиление Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р¹, и Федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 5 сентября 2006 г. № 540², комплексными указаниями на конкретные пенитенциарные стандарты, которые должны быть реализованы Российской Федерацией. Ведь реализация стандартов только санитарно-бытового характера не в полной мере отражает потребности отечественной уголовно-исполнительной системы в гармоничном развитии и накоплении арсенала всех средств воздействия на осужденного. Кроме того, реализация изложенных в программе стандартов направлена в первую очередь на гуманизацию условий содержания подозреваемых, обвиняемых и подсудимых в следственных изоляторах, а не на создание условий для эффективного исправления осужденных в местах лишения свободы.

Так, обширный ретроспективный анализ известных мировых систем обращения с осужденными демонстрирует тот факт, что пенитенциарная реформа начиналась именно с улучшения условий содержания заключенных, но затем она постепенно перерастала в совершенствование средств исправительного воздействия. Например, усилия известного филантропа и реформатора Дж. Говарда изначально были направлены на демонстрацию, по сути, бесчеловечных условий содержания в тюрьмах и иных исправительных учреждени-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 43, ст. 5544.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 39, ст. 4075.

ях Европы в XVIII столетии. Его осмотр английских и европейских тюрем в течение 1773–1776 гг. показал, что в Англии и странах континентальной Европы фактически отсутствовала организация тюремного управления, должный государственный и общественный контроль за состоянием тюрем, условиями и формой содержания осужденных, повсеместно имела место экономия средств на их содержании, аверсивное отношение духовенства к тюремному вопросу. Затем на основе этих наблюдений им обращалось внимание не только на улучшение санитарно-бытовых условий содержания заключенных, но и на разрешение иных проблем устройства тюремной системы, эффективной организации исправительного воздействия на заключенных и улучшение правовых условий их содержания, чему была посвящена третья секция его известного сочинения – «Состояние тюрем в Англии и Уэльсе, с предварительными замечаниями и описанием некоторых зарубежных тюрем и больниц»¹. В предисловии сам реформатор в качестве лейтмотива написания книги делает следующую запись: «Сострадание к страждущим и любовь к своей стране». Также он отмечал: «Я не могу наслаждаться едой и бездельем, если Провидение предоставило мне возможность смягчить страдания страждущих».

Говардом были достаточно детально разработаны требования, касающиеся не только отдельного и одиночного содержания различных категорий заключенных в зависимости от тяжести совершенного ими деяния, возраста и пола, их обязательного привлечения к общественно полезному труду, дисциплинарно-режимных и религиозно-нравственных методов обращения с осужденными и создания соответствующих санитарно-бытовых условий проживания, но и архитектуры (в форме прямоугольника или квадрата), планировки тюремного учреждения (которое, по его мнению, должно быть расположено желательнее близ реки, для того чтобы обеспечить санитарные условия), наличия бань и прачечных для заключенных, а также организации специального контроля за функционированием тюрем инспектора, местного шерифа и мирового судьи.² Особое значение уделялось труду и религиозному воспитанию преступников. Так, труд, по его мнению, не обязательно должен иметь столь интенсивный и производительный характер, как труд свободный, однако должен способствовать «поддержанию добрых привычек», приобретению некоторых ремесленных и полезных в будущем навыков. Труд может быть оплачиваем, причем даже чисто символически, но это необходимо для того, чтобы вселить в заключенного положительное

¹ Как правило, используется сокращенный вариант работы – «Состояние тюрем в Англии и Уэльсе».

² Howard J. Op. cit. P. 19-45.

стремление к нравственному образу жизни, улучшить собственное положение (например, посредством приобретения дополнительных продуктов питания) либо хоть как-то поддержать семью. Однако труд следует признать обязательным лишь только для лиц, уже отбывающих наказание, но не для ожидающих суда. Говард настаивал на необходимости при каждой тюрьме иметь небольшую церковь и капеллана, который должен всячески ободрять заключенных, наставлять их на искупление своей вины и переосмысление содеянного.

Идеи реформатора далеко опередили фактическое развитие уголовной политики его времени. Можно заявить, что именно Говард стал идейным вдохновителем прогрессивной системы исполнения наказания. Именно он впервые предложил и обосновал критерии классификации осужденных по группам, движение по которым зависело от поведения заключенного в период отбывания наказания. Для исправляющихся предполагалось изменение костюма, улучшение пищевого рациона и помещения, применение различных по своему характеру наград (свидания, более легкий труд etc.). Под исправлением им понималось постоянное усердие в работе и безупречное поведение, которое могло привести и к досрочному освобождению – феномену, который в эпоху Говарда правоведами еще всерьез не рассматривался.

Дж. Говарда справедливо называют «отцом науки тюремоведения и главным творцом и в весьма многих отношениях инициатором тюремной реформы, для которой он указывал гуманные, практичные и плодотворные пути ... После Говарда ... впервые открылась возможность создать коренную реформу всей системы наказаний, поставив в центре её лишение свободы и устранив те варварские роды наказаний, за отмену которых боролись все лучшие умы XVIII в. Эта заслуга ставит имя Говарда в ряд имен величайших уголовных политиков мира»¹. В этом плане представляются интересными рассуждения известного отечественного юриста и ученого С.К. Гогеля, который указывал, что учение Говарда сводилось к обобщенному изложению следующих требований относительно «рациональной системы мер борьбы с преступностью: 1) главная предупредительная мера против развития преступности – обучение детей бедных родителей ремеслам; 2) отказ от ссылки и широкое применение труда в тюрьмах – знаменитое выражение: «сделайте людей трудолюбивыми и вы сделаете их честными»; 3) применение научного и религиозного образования как средства подготовки арестантов к жизни на воле; 4) отказ от наказаний, лишаящих арестантов надежды на будущее, а вместе с тем подрывающих всякую возможность достигать их исправления – таково, например, пожизненное заключение; 5) досроч-

¹ Чубинский М.П. Курс уголовной политики. Ярославль: Типография губернского правления, 1909. С. 163-164.

ное освобождение для трудолюбивых и хорошо учившихся арестантов; б) возведение тюрем по системе одиночного заключения. Эти положения, впоследствии развитые и дополненные, были положены в основу современной пенитенциарной системы, т.е. системы мер, направленных к исправлению преступников при посредстве особого тюремного режима, дисциплины с её наградами и взысканиями»¹. Вышеупомянутые и собственные исследования наследия Говарда показывают, что в его учении отсутствует четко разработанная система знаний в области исполнения наказания в виде тюремного заключения, но дана инвективная по характеру и обличающая фактическое положение дел в этой сфере картина, основы зарождающегося тюремоведения, давшие значительный толчок в развитие прогрессивных, цивилизованных и гуманных средств исправления преступников.

Исследователями наследия Дж. Говарда, например А. Кребсом, отмечается, что его идеи в части прав и обязанностей осужденных, по сути, положены в основу современных стандартов обращения с заключенными.² П. Корнил указывает, что система предъявляемых Говардом требований к организации режима и условий содержания заключенных в тюремных заведениях фактически полностью отражена в Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными, принятыми ООН в 1955 г.³ В унисон вышесказанному профессор пенологии Эдинбургского университета Д. Гарланд (David Garland) замечает: «изучение Джоном Говардом состояния тюрем осуществлялось в порядке благотворительности с целью проведения соответствующих реформ, но его методы были чисто эмпирическими и в его исследовании сделан упор на измерение и систематическое наблюдение как основу для выводов. Исследования, проведенные Д.Говардом в 70-х гг. XVIII в., явились первыми эмпирическими пенологическими исследованиями, которые с 30-х гг. XIX в. стали важным элементом Британской криминологической школы»⁴. Современные исследователи наследия Говарда приходят к научно обоснованному выводу, согласно которому он «стал не только реформатором карательной системы, но и идейным вдохновителем но-

¹ Гогель С.К. Вопросы уголовного права, процесса и тюремоведения. Собрание исследований. СПб.: Типография товарищества «Общественная Польза», 1906. С. 490.

² Krebs A. John Howard's Influence on the Prison System of Europe with Special Reference to Germany // Prisons Past and Future / Edited by J.C. Freeman. London: Heinemann, 1978. P. 42-43.

³ Cornil P. John Howard, European Penal Reformer // Changing Concepts of Crime and its Treatment / Edited by H.J. Klare. Oxford: Pergamon Press, 1966. P. 177-183.

⁴ Цит. по: Ведерникова О.Н. Теория и практика борьбы с преступностью в Великобритании. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2001. С. 44.

вого направления криминологических исследований, характерного для Британии, где социально-правовые проблемы назначения и исполнения уголовных наказаний являются неотъемлемой частью предмета криминологии в отличие, например, от других стран, где эти проблемы составляют содержание других наук – уголовного права или пенологии, как в странах Западной Европы, или уголовно-исполнительного права, как в России»¹.

В XIX столетии произошел отход от решения только санитарно-бытовых проблем обращения осужденными. Реформирование тюремной системы и формирование общечеловеческих стандартов обращения с осужденными проводилось в рамках становления и развития прогрессивной системы, разрешения вопросов труда и профессиональной подготовки осужденных, воспитательной и психологической работы с осужденными, общественного воздействия.

В настоящее время важно принимать активное участие в обсуждении и принятии «авангардных» пенитенциарных стандартов. В этом плане можно отметить положительный опыт работы представителя Российской Федерации в Совете по пенологическому сотрудничеству Комитета по проблемам преступности Совета Европы. Например, в апреле 2006 г. в рамках работы 55-го пленарного заседания Комитета по проблемам преступности представителем России обоснованно отрицалась необходимость разработки и принятия Тюремной хартии обязательной для всех государств-членов Совета Европы, но поддерживалась потребность в подготовке компендиума, содержащего свод основных европейских документов, отражающих пенитенциарные правила и стандарты.²

Таким образом, основой методологического осмысления использования метода сравнительного правоведения в повышении эффективности уголовно-исполнительного законодательства и права России выступает конвенциональная природа устанавливаемых естественных прав человека. Теоретическая оценка роли зарубежного пенитенциарного опыта в решении известных проблем отечественной уголовно-исполнительной системы демонстрирует приоритет прав человека как универсальной общечеловеческой ценности, позволяет выработать необходимые смысловые ориентиры и закрепить

¹ Водерникова О.Н. Указ. соч. С. 45. Значительный вклад Говарда в совершенствование не только практики исполнения наказания в виде тюремного заключения и применения средств и методов воздействия, но и карательной теории был высоко оценен научной общественностью, о чем свидетельствует создание в 1921 г. в честь великого британца «Говардской лиги за реформу карательной системы» и чуть позже – периодического издания «Говардский журнал».

² См.: Хуторская Н.Б. Опыт участия России в работе Совета по пенологическому сотрудничеству Совета Европы: теоретическое и практическое значение // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей. Часть 38 / под ред. В.Д. Филимонова, Н.Т. Водерникова. Томск: ДиВо, 2007. С. 79-80.

исторически апробированные формы обращения с осужденными. Как представляется, такой оценке способствует применение метода сравнительного правоведения, инструментальному значению которого посвящена следующая глава монографического исследования.

ГЛАВА 2

ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРИКЛАДНАЯ РОЛЬ МЕТОДА СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ НАУКЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

2.1. Инструментальная роль метода сравнительного правоведения в пенитенциарной науке России

Важным инструментом совершенствования уголовно-исполнительного законодательства России выступает метод сравнительного правоведения. На рубеже XX–XXI вв. данный метод способствовал процессу взаимопроникновения и взаимообогащения законодательных моделей различных стран мира. При этом интенсивно происходящие в мире интеграционные процессы, рост неподдельного научно-теоретического и прикладного интереса к зарубежному законодательству и правовым системам в целом привели к широкомасштабному внедрению в законотворческую деятельность компаративистских методов исследования правовой материи. Не случайно специалистами указывается на «процессы интеграции в рассматриваемой сфере», а также на «возрастание роли и значения зарубежного опыта исполнения наказаний, повышения уровня взаимопонимания между различными пенитенциарными системами»¹.

Весьма точной видится точка зрения А.Н. Тарбагаева, согласно которой «анализируя иностранное уголовное право и сравнивая его с национальным законодательством, исследователь получает своеобразный стереоскопический эффект, позволяющий объективно оценить достоинства и недостатки как отраслей права в целом, так и их отдельных институтов»², ведь «компаративисты по-прежнему счи-

¹ Первозванский В., Хуторская Н. Реализация европейских стандартов в деятельности исправительных учреждений УИС России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2009. № 11. С. 16.

² Тарбагаев А.Н. Введение в уголовное право Нидерландов: основные институты Общей части : учебное пособие. Красноярск: Государственный ун-т, 2000. С. 47.

тают своей главной задачей поиски наилучших моделей, которые могут быть использованы в ходе различного рода национального права»¹. Таким образом, метод сравнительного правоведения позволяет «высветить» направления эволюционирования уголовно-исполнительного законодательства и пенитенциарной системы России, понять его тенденции и перспективы развития.² Обозначенные аспекты использования метода сравнительного правоведения позволяют говорить о его важной роли в выработке наиболее эффективной уголовно-исполнительной политики государства. Непосредственно метод сравнительного правоведения выступает методологическим инструментарием гармонизации уголовно-исполнительного права.

Как было отмечено ранее, предметом сравнительно-правового исследования в науке уголовно-исполнительного права выступает правовая действительность России и зарубежных стран в сфере исполнения уголовных наказаний. Использование данного метода предполагает обращение к правовой культуре и правовым традициям тех стран, которые включаются в предмет компаративистского исследования. Данное обстоятельство приводит к необходимости исследования социально-исторических основ зарубежного права, и в первую очередь английского пенитенциарного законодательства. Так, английское тюремное дело представляет особый интерес для отечественных исследователей, что, прежде всего, обусловлено значительным вкладом английской теории и практики исполнения тюремного наказания в мировые достижения в области обращения с осужденными. Практика исполнения наказаний в Англии, бесспорно, и по настоящее время является общепризнанным эталоном мировых пенитенциарных реалий, имеет глубокий исторический опыт и функционирует на основе английского права как ядра правовой системы *common law* – общего права. Являясь родиной прогрессивной системы исполнения наказания, иных всемирно известных концепций исправления осужденных и получивших широкое признание научных идей выдающихся английских реформаторов, английское

¹ Карбонье Ж. Юридическая социология / пер. с фр. и вступ. статья В.А. Туманова. М.: Прогресс, 1986. С. 41.

² Причем в литературе отмечается и специально-прикладное значение использования метода сравнительного правоведения в решении известных организационно-технических, кадровых и оперативно-тактических аспектов функционирования исправительных учреждений. Напр.: Цаплин И.С. Правовые и организационные основы охраны исправительных учреждений Минюста России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Академия управления МВД России, 2003. С. 15-16; Максимова М.В. Проблемы использования зарубежного опыта по нейтрализации последствий криминального экстремизма органами внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Академия управления МВД России, 2003. С. 19, 22-23.

тюрьмоведение стало объектом пристального внимания научной общественности.

Использование данного метода предполагает обращение к иностранным правовой культуре и правовым традициям стран, включаемым в предмет компаративистского исследования. Представляется верным мнение А.В.Егорова, указывающего: «...сравнение является методом, используемым всеми юридическими науками. Сравнительное правоведение – наука более высокого порядка, изучающая не все, а лишь наиболее важные, устойчивые элементы закономерностей функционирования иностранных правообразований»¹. Данное обстоятельство приводит к необходимости исследования социально-исторических основ и закономерностей развития зарубежного права.

Содержание метода сравнительного правоведения применительно к уголовно-исполнительному праву позволяет говорить о формировании междисциплинарной системы знаний, охватывающих область иностранного пенитенциарного права и направления интерпретации зарубежного опыта исполнения уголовных наказаний отечественными правоведами. Более того, известный французский пенитенциарный юрист Ж. Прадель относит пенитенциарное право к «новой» ветви уголовного права, а сравнительное уголовное (следовательно, и уголовно-исполнительное) право – к относительно новому направлению в науке уголовного права.² Вместе с тем анализ зарубежного опыта обращения с осужденными носит в большей степени описательный³, нежели сопоставительно-сравнительный характер, свойственный методу сравнительного правоведения, и поэтому снижает конструктивную пользу проведения таких исследований.

Теоретические основы использования метода сравнительного правоведения в процессе гармонизации уголовно-исполнительного законодательства демонстрируют важность использования данного метода в науке уголовно-исполнительного права. Однако комплексный характер самого сравнительного правоведения как самостоятельной научной дисциплины указывает на то обстоятельство, что использование метода сравнительного правоведения в уголовно-исполнительном праве не сводится лишь к сопоставлению правовых норм, отраслей и отдельных институтов, принадлежащих к различ-

¹ Егоров А.В. К истории понятия сравнительного правоведения // Государство и право. 2009. № 3. С. 91.

² См.: Уголовное законодательство России и стран АТР: компаративное исследование. С. 10.

³ В частности, см.: Кораблин К.К., Тимошенко С.А. Пенитенциарные системы зарубежных стран: история и современность : учебное пособие. Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2002; Астемиров З.А. Исправительные учреждения в зарубежных странах : учебное пособие. Рязань: Высшая школа МВД СССР, 1972.

ным правовым либо национальным системам, но и предполагает сравнительное исследование правовых идеалов, правосознания, социально-исторической и культурной среды отдельных стран и правовых систем в целом.

В рамках обсуждения роли сравнительно-правового исследования в науке уголовно-исполнительного права можно встретить различные, в том числе диаметрально противоположные, мнения. Например, некоторые как отечественные, так и зарубежные исследователи этой социальной сферы полагают, что пенитенциарная система как таковая вряд ли пригодна для целей противодействия преступности, поскольку сама является источником повышенной опасности и дестабилизации обстановки в обществе, а следовательно, «настало время не просто реорганизации данной системы, а ее деструкции и создания новой модели минимизации социального зла»¹. Известный английский правозащитник П. Гитченс отмечает: «... парадокс английских тюрем сегодня состоит в том, что их внешняя оболочка скрывает не столь многозначительный секрет. Возможно, правительство заинтересовано в этом. Мы – жертвы или потенциальные жертвы преступности – можем обманывать себя, но до сих пор пенитенциарная система является мрачным оплотом унижения заключенных, которые в полосатых одеждах существуют на картошке и выполняют тяжелый физический труд. Между тем ... границы XIX столетия скрывают результаты едва намечившихся положительных тенденций, имевшая место работа не была успешной и по сути осталась лишь попыткой реформирования тюремной системы»². В начале прошлого века известный русский адвокат А.С. Гольденвейзер указывал, что карательная система является не только неудачным «инструментом, требующим той или иной реформы, не лишним только аппаратом в ряду других, а самоубийственным учреждением, одно существование которого исключает, по убеждению Толстого, возможность нравственных основ в общественных отношениях»³. Подобные суждения можно встретить у отечественных исследователей начала XXI столетия. Так, Л.М. Карнозова пишет: «Места лишения свободы изолируют лиц, совершивших преступление, но вряд ли происходящие там процессы можно назвать исправлением. Там вконец разрушаются спо-

¹ Шипунова Т.В. Аутопойесис пенитенциарной системы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2002. № 3 (4). С. 156.

² Hitchens P. History of Crime. The Decline of Order, Justice and Liberty in England. London: Atlantic Books, 2003. P. 115.

³ Гольденвейзер А.С. Преступление – как наказание, а наказание – как преступление (Мотивы Толстовского «Воскресения»). Издание товарищей в ознаменование 35-летнего юбилея адвокатской деятельности автора. Киев: Тип. Р.К. Лубковского, Б.-Владимирская ул., № 46, 1911. С. 63.

способности осужденного к социальной адаптации, к жизни в нормальном обществе, атрофируются элементарные социальные навыки, чувство ответственности за себя и близких ... Оказавшись в тюрьме вместе с другими изгоями, выброшенными из общества, осужденные больше склонны к самооправданию, к осознанию себя в качестве жертвы»¹.

Одной из проблем зарубежной пенитенциарной практики выступает постоянный поиск оптимальных вариантов исполнения наказаний, связанных с изоляцией от общества, в отношении категории так называемых исправимых преступников и в отношении рецидивистов и лиц, упорно не желающих встать на путь исправления. Здесь находится определенная «скрытая» угроза, заключающаяся в не всегда полезной критике традиционных форм и средств исправления осужденных и закрытии в общем-то перспективных программ обращения с осужденными. Наиболее остро данная проблема стоит в решении задач исполнения длительного и пожизненного лишения свободы, поскольку для данной категории осужденных свойственная глубокая социальная дезадаптация, при одновременно высокой степени криминализации и общественной опасности их личности. Так, в отношении длительных сроков лишения свободы В.Д. Филимонов отмечает, что для «стадии исправления виновного необходимо, чтобы примерное поведение, честное отношение к труду и обучению осуществлялось в течении продолжительного времени»².

В Канаде, где наблюдается широкая практика применения пожизненного лишения свободы, решаются следующие основные вопросы – понимание социальной роли и уголовно-правовой сущности данного уголовного наказания, оптимизация круга преступлений, за совершение которых возможно его применение, а также поиск оптимальной процедуры исполнения пожизненного лишения свободы.³ Ведь широко распространены мнение и практика, согласно которым в отношении лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы, нецелесообразно применять весь комплекс средств исправления (на-

¹ Карнозова Л.М. Уголовная юстиция и гражданское общество. Опыт парадигмального анализа. М.: Р. Валент, 2010. С. 251. Об отрицательном влиянии условий отбывания наказания в местах изоляции от общества на осужденного также см.: Водолазский Б.Ф. Психологические особенности личности осужденного. Омск: Высшая школа МВД СССР, 1982. С. 19-31; Антонян Ю.М. К чему приговаривает суд, когда приговаривает к лишению свободы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2005. № 4. С. 4-7.

² Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск: Изд-во ТГУ, 1981. С. 170-171.

³ Казакова Е.Н. Пожизненное лишение свободы в Канаде: законодательство и практика // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2006. №3. С. 25.

пример, зачастую происходит отказ, в том числе и в России, от обязательного труда осужденных, получения общего образования). В связи с рассматриваемым вопросом представляется верной позиция С.Ф. Милюкова, который на основе анализа пожизненного лишения свободы в ряде таких стран как Греция, Венгрия, Финляндия, США указывает и на такой важный недостаток рассматриваемого наказания, как его способность делать осужденного преступника «неуязвимым» для уголовной репрессии в случае совершения им новых преступлений (за исключением караемых смертной казнью).¹

По мнению венгерского ученого К. Барда, новые меры наказания, появившиеся в конце XX в., призваны не только заменить краткосрочное тюремное заключение и тем самым оградить правонарушителей от его негативных последствий. По его мнению, в последнее десятилетие XX столетия законодатели преследовали более масштабные цели. Признавая тот факт, что традиционные способы борьбы с преступностью малоэффективны, они стремились разработать новые виды санкций, которые должны решать самостоятельные задачи и потому рассчитаны не только на то, чтобы избежать тюремного заключения. Суть наказаний, отбываемых в рамках общества и разработанных в последние десять лет, заключается в том, чтобы добиться от правонарушителя выполнения неких требований, которые помогут ему или ей вновь стать нормальным членом общества. Это также означает, что некогда дискредитированные понятия «социальная реабилитация» и «социальная реинтеграция» вновь находят поддержку. Но все эти задачи законодатели стремятся решить в рамках общества, а не в тоталитарных условиях тюрьмы. Вводя общественные санкции, они предоставляют судам право выбора тех мер наказания, которые отличаются от традиционных. В результате К. Бард приходит к справедливому выводу о том, что такая уголовно-правовая мера, как probation, – это альтернатива традиционным мерам наказания в целом (например, штрафам), но не обязательно замена (подмена) наказания в виде лишения свободы. Данная мера имеет самостоятельный характер и преследует собственные цели.²

В условиях реформирования отечественной судебной и уголовно-исполнительной систем обращение к зарубежным правоохранительным моделям представляет особый интерес в силу того обстоятельства, что именно в этот момент отечественная правовая система нуждается в новых идеях, способных задать дальнейший прогрессивный вектор её развития. В связи с этим представляется важным обратиться к идее так называемых «неопределенных» пригово-

¹ См.: Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа : монография. СПб: СПбИВЭСЭП, 2000. С. 168.

² URL: <http://www.prison.org/lib/comments/bard001.htm>.

ров, безусловно, имеющей радикальный для отечественной правовой системы характер. Однако её критический анализ позволяет выявить скрытые резервы российской правоохранительной практики и откорректировать направления совершенствования моделей обращения с осужденными.

Идея «неопределенных» приговоров («indefinite sentence») впервые была закреплена в 1894 г. в США и являлась сутью американских реформаториев, существующих по подобию эльмирского исправительного заведения для преступников в возрасте до 30 лет (для «молодых» преступников). Данная тюрьма начала функционировать еще в 1877 г. в Эльмире, ее отличительной чертой было содержание в ней лиц, осужденных на неопределенные сроки заключения, то есть до их исправления, факт которого определялся администрацией заведения.¹

В 1970-х гг. в США была проведена реформа системы неопределенных приговоров, в результате которой суд перешел к практике установления для осужденного общих достаточно широких пределов тюремного заключения (например, от 1 года до 20 лет или от 5 до 50 лет). Решение вопроса об освобождении осужденного решается, как правило, ранее избранного судом срока Советом по условно-досрочному освобождению. В 1984 г. американским законодателем был принят закон «О реформе системы наказания», явившийся частью действующего по настоящее время «Комплексного закона о контроле над преступностью». Данные нормативные акты последовательно развивали концепцию максимальной индивидуализации наказания, влияния поведения и исправления осужденного на его условно-досрочное освобождение.²

Необходимо отметить, что рассматриваемая практика широкой индивидуализации наказания отражает особенности американского прецедентного права. Так, одним из современных отличий американской правовой системы от английской состоит в том, что при толковании казуса федеральные суды или суды штатов обращаются непосредственно к тексту Конституции США. Это обстоятельство

¹ Подр.: Дриль Д.Д. Исправительное заведение (Reformatory) в Конкорде (шт. Массачузетс) // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 4 (апрель). С. 249-258; Он же. О применении основных начал принудительного воспитания к взрослым осужденным // Журнал Министерства юстиции. 1901. № 7 (сентябрь). С. 128-136; Люблинский П.И. Условное освобождение и неопределенные приговоры в Северной Америке // Журнал уголовного права и процесса. 1913. № 2. С. 1-36; Он же. Условное освобождение и неопределенные приговоры в Северной Америке (окончание) // Журнал уголовного права и процесса. 1913. № 3. С. 1-54.

² См.: Тохова Е.А. Зарубежный опыт социально-правового контроля за лицами, освобожденными из исправительных учреждений // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2009. № 4. С. 32.

открыло путь для дальнейшего полностью легитимного формирования американского прецедентного права. Как справедливо отмечает Е.С. Кананыкина: «В прецедентном массиве США существует большой диапазон в выборе вариантов судебных решений и большая гибкость в выборе санкций»¹. Таким образом, почва для концепции неопределенных приговоров была заложена в практике судебных прецедентов, позволяющей значительно расширить фактические пределы уголовного наказания и при этом не попирая роль обвинительного приговора суда. В странах романо-германской системы права рассматриваемая концепция такой основы никогда не имела, поскольку правовой позитивизм привел к формализации не только источников законодательства, но и практики его применения с одновременным сдерживанием возможностей судебного-правового регулирования общественных отношений. Как верно отмечает К.В. Арановский, континентальное право «предлагает юристам комплекс давно принятых аналогов, содержание которых хорошо усвоено. Они введены в практику и окружены удобными атрибутами – теоретически исследованы, включены в законодательство, защищены судом»². Как представляется, наличие относительно определенных санкций, формализация требований к условно-досрочному освобождению и иные институты уголовного и уголовно-исполнительного права прошли проверку временем и в определенном смысле уже имеют заверченный вид, органически сочетающийся с общими принципами отечественной правовой системы.

Вызывают интерес результаты анкетирования 280 студентов-юристов. Так, на вопрос: «Будет ли способствовать исправлению виновного лица вынесение в отношении него приговора с неопределенным сроком уголовного наказания, предполагающего освобождение осужденного только в случае достижения исправительной цели?» – 68% респондентов ответили отрицательно, 14% затруднились с ответом и только 18% допустили возможность назначения такого наказания. Результаты анкетирования показывают гегемонию материальной составляющей преступления и нежелание «отрывать» приговор от общественной опасности посягательства. Ответы сотрудников ГУ ФСИН России по Красноярскому краю практически подтвердили данную гипотезу, поскольку при ответе на этот же вопрос 83% ответили отрицательно и только 7% допустили такую возможность, остальные затруднились ответить.

¹ Кананыкина Е.С. Правовая система Соединенных Штатов Америки // Международное публичное и частное право. 2009. № 1 (46). С. 42.

² Арановский К.В. В преддверии сравнительного правоведения // Правоведение. 1998. № 2. С. 59.

Вместе с тем на вопрос: «Можно ли считать, что идея неопределенного приговора проявляется в возможности условно-досрочного освобождения осужденного в период времени между появлением права на такое освобождение и отбытием всего срока назначенного наказания?» – ответили утвердительно 41% сотрудников, тогда как 35% – отрицательно, остальные затруднились ответить. Данные результаты показывают более лояльное отношение к идее неопределенных приговоров и фактически свидетельствуют о её осознании правоприменителем. Как представляется, следует конструктивно отнестись к идее постепенного снижения минимальных сроков отбывания наказания, необходимых для предоставления условно-досрочного освобождения. Минимальные сроки могут составлять нижний предел наказания, предусмотренный санкцией соответствующей части уголовно-правовой нормы, за нарушение которой было назначено наказание. Ведь пределы наказания, отраженные в конкретной санкции за совершенное деяние, отражают материальную сущность преступления, показывают его общественную опасность. Минимальные границы наказания демонстрируют тот минимум карательных притязаний государства к преступнику, который достаточен для удовлетворения идеи воздаяния и восстановления социальной справедливости. Более того, расширение возможностей судебного усмотрения с одновременным снижением карательных притязаний к значительной массе лиц, совершивших преступление, продемонстрировано фактом принятия Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»¹, которым в 68 санкций уголовно-правовых норм УК РФ нижний «порог» лишения свободы снижен до минимально предусмотренного данным видом наказания двухмесячного срока. Думается, что предлагаемая идея о снижении нижнего формального «порога» условно-досрочного освобождения находится в общем русле уголовно-правовой политики государства последних лет. Хотя можно и критически отнестись к данной политике, которая по известным причинам нивелирования категорий преступления² не в полной степени отражает идею гармонизации законодательства России, направленного на борьбу с преступностью в условиях интеграции правовых систем. Ведь такая политика, складывающаяся из гармоничного взаимодействия уголовной и уголовно-исполнительной политики, должна согласовываться с последующим карательно-исправительным воздействием на осужденного и, таким образом, демонстрировать эффективность правового воздействия на осужден-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 11, ст. 1495.

² Напр.: Кибальник А. К чему приведёт «гуманизация» уголовного законодательства? // Законность. 2011. № 9. С. 22-25.

ного, основанного на формально-юридических конструкциях и правоприменительном усмотрении. Для успешной практической реализации такого предложения необходимо использовать индивидуальную программу обращения с осужденным, выполнение которой должно выступать основой для признания исправления лица, отбывающего уголовное наказание (содержание данной программы изложено в параграфе 3.2). При этом специалистами в последнее время делается вывод о следовании судебной практики по пути смягчения мер уголовно-правовой репрессии вне зависимости от тяжести совершаемых преступлений и рамок, устанавливаемых юридическими свойствами самого наказания.¹ Следовательно, должны быть сделаны определенные шаги и в сторону более гибкого подхода в сфере исполнения уголовного наказания. Принципиальным в этом плане видится обозначенная выше трансформация института условно-досрочного освобождения.

В связи с анализом концепции неопределенных приговоров интересно мнение Е.Т. Байльдинова, который, с одной стороны, совершенно справедливо указывает, что лишение свободы на определенный фиксированный срок не всегда, а во многих случаях вообще не эффективно в смысле достижения таких целей наказания, как восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение совершения новых преступлений как осужденным, так и другими лицами. С другой стороны, достаточно сложно согласиться с его мнением о том, что срок наказания не должен быть фиксированным, а должен определяться объемом подлежащего восстановлению ущерба $2N+C$, то есть восстановление осужденным ущерба в двойном размере: одну часть непосредственно потерпевшему ($1N$), другую – обществу ($1N$), а также компенсировать расходы на его содержание в исправительном учреждении (C). Уголовное наказание должно «длиться до тех пор, пока осужденный своим трудом полностью не восстановит этот ущерб. Очевидно, что если срок наказания не фиксированный, а зависит от количества заработанных осужденным средств на восстановление ущерба, то вряд ли осужденный будет стараться уклониться от трудовой повинности»².

Предложение Е.Т. Байльдинова вызывает критику по причинам методологического и практического характера. Так, отечественная уголовно-исполнительная система не может воспринять такую модель эффективности уголовного наказания, поскольку для этого тре-

¹ Бавсун М.В. Целесообразность в уголовном праве : монография. Омск: Омская академия МВД России, 2004. С.103.

² Байльдинов Е.Т. Проблемы эффективности наказания и устойчивое развитие общества // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2010. № 2. С. 67.

буется значительное расширение диспозитивных и, по сути, частно-правовых начал правового регулирования уголовно-исполнительных отношений. Еще А.Л. Ременсон указывал на необходимость плюралистичности методов правового регулирования в данной отрасли права.¹ В одном из специально проведенных по данному вопросу исследований указывается широкая гамма факторов, которые делают более широкое использование диспозитивных основ правового регулирования исполнения лишения свободы не только возможным, но и необходимым: расширение сферы децентрализованного регулирования во всей системе общественных отношений, включая область исполнения уголовных наказаний, требования общепризнанных международных актов в области обращения с осужденными, внедрение в практику исполнения уголовных наказаний так называемой «педагогики сотрудничества» по отношению к осужденным, повышения значимости мотивированного труда осужденных и их позитивной активности, а также усиления гуманистических начал при исполнении уголовных наказаний.² Российское уголовно-исполнительное законодательство продолжает оставаться значительно формализованным и ущербным с точки зрения процедурных регуляторов. Парадоксальность состоит в том, что, регламентируя правовой статус осужденных – объем их субъективных прав, юридических обязанностей и законных интересов, оно одновременно с этим имеет слабые процессуально-исполнительные механизмы правового регулирования уголовно-исполнительных отношений, которые, безусловно, должны играть доминирующую роль в определении степени исправления осужденного. При этом факт исправления либо отдельные его степени зависят от комплексного применения средств исправления и не могут зависеть лишь от труда осужденного, направленного на восстановление ущерба, причиненного преступлением.

Осуществляя критику концепции «неопределенных» приговоров с практической точки зрения, важно отметить, что труд осужденных как одно из средств исправления не может быть положен в основу универсального эквивалентного механизма исправимости осужденного при нефиксированном временными границами приговоре. Во-первых, его нельзя будет использовать при осуждении лиц, имеющих инвалидность либо иные заболевания, препятствующие их трудовой деятельности. Во-вторых, определенная категория осуж-

¹ См.: Ременсон А.Л. К вопросу о методе исправительно-трудового права // Ременсон А.Л. Избранные труды. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2003. С. 74.

² См.: Киселев Н.В. Диспозитивные начала правового регулирования исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. Томск: Юридический институт Томского государственного университета, 1998. С. 28-33.

денных в силу своего криминологического статуса, обусловленного так называемой тюремной субкультурой, намеренно уклоняется от трудовой деятельности, что может привести к пролонгированию времени отбывания наказания и нежелательному увеличению их концентрации в исправительных учреждениях. В-третьих, даже в условиях неоспоримого признания труда как одного из лучших антикриминальных средств далеко не все исправительные учреждения России могут предложить осужденным выполнение труда, который бы не только не имел монотонный и психологически угнетающий характер, но и давал возможность приобрести либо повысить профессиональную трудовую квалификацию. Более того, В.Н. Кудрявцев не без основания отмечал, что «перестройка пенитенциарной системы ... должна быть ориентирована не на получение экономической выгоды от труда заключенных (как ранее на выполнение производственных планов), а исключительно на исправление осужденных, ... соответствовать европейским и мировым стандартам»¹. Всемирно известный английский пенолог М. Грюнхут отмечал: «Работа для заключенных – милость, её отсутствие – жестокое наказание. Принудительный труд может доставлять страдание, но лишение работы еще более тяготит заключенного»². Следовательно, труд осужденных в современных исправительных учреждениях нерентабелен и поэтому не способен в полной мере компенсировать и тем более «окупить» расходы на их содержание.

Таким образом, идея «неопределенных» приговоров, как в «чистом», так и «смешанном» виде, в настоящее время для отечественной правовой системы неприемлема. Для её реализации необходим длительный период не просто реформирования судебной и уголовно-исполнительной систем, но модернизации уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства в направлении расширения диспозитивных и судебно-прецедентных начал правового регулирования общественных отношений.

2.2. Функционально-прикладная роль метода сравнительного правоведения в пенитенциарной науке и уголовно-исполнительном законодательстве России

Функционально-прикладная роль метода сравнительного правоведения в исследуемой нами сфере общественных отношений про-

¹ Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М.: Юрист, 2003. С. 342.

² Grünhut M. Penal Reform. A comparative study. Oxford: At the Clarendon Press, 1948. P. 198.

является в непосредственном использовании материала, полученного с помощью данного метода, в совершенствовании юридической природы уголовных наказаний и практики их применения. Так, с позиций метода сравнительного правоведения представляет интерес такое наказание, как ограничение свободы, содержание которого демонстрирует попытки отечественного законодателя практически применить основы правовой компаративистики. Новая редакция уголовного наказания в виде ограничения свободы¹, которое широко известно под названием «домашний арест», фактически является копией «комендантского часа» («curfew»), выступающего одной из форм house arrest – англо-американского правового института. Как справедливо отмечает Л.В. Головкин, «мы имеем дело с заимствованием, а не самостоятельным отечественным правовым творчеством»². Вместе с тем объяснение в скоропостижном заимствовании такого уголовного наказания, как ограничение свободы в его новой редакции, видится в недостатке базовых сведений по сравнительному правоведению. В России сформировалась иная практика исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, нежели в государствах, где господствуют традиции «общего права». Уголовно-исполнительные инспекции значительно ограничены в возможностях наложения на осужденных каких-либо дополнительных обязанностей, выступая в этой части исполнителями воли суда. Можно привести следующий пример. В ноябре 2009 г. Красноярская краевая прокуратура в представлении указала на нарушение уголовно-исполнительного законодательства при сложившейся практике уголовно-исполнительных инспекций самостоятельно устанавливать периодичность явки условно осужденных на регистрацию. Как представляется, в целом расширение полномочий и функций уголовно-исполнительных инспекций по контролю за условно осужденными является закономерным процессом усиления исправительного воздействия на данных лиц. Вместе с этим деятельность уголовно-исполнительных инспекций направлена на регулирование определенных правоограничений, возлагаемых по решению суда на условно осужденных лиц. Данные правоограничения имеют не только исправительно-профилактический характер, на-

¹ Имеется в виду редакция в соответствии с Федеральным законом от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 52, ст. 6453.

² Головкин Л.В. Альтернатива лишению свободы – очередная химера? // ЭЖ-Юрист. 2010. № 3. С. 1, 10.

правленность на формирование правопослушного поведения условно осужденного и недопущение совершения им нового преступления, но и представляют, по сути, карательные притязания государства, выраженные посредством решений суда, отчасти затрагивающие конституционные права граждан (в частности, ограничение свободного передвижения). Обязанность периодически являться в уголовно-исполнительную инспекцию также ограничивает конституционные права гражданина на свободу передвижения и место пребывания, закрепленные в ст. 27 Конституции РФ. Кроме того, систематическое невыполнение условно осужденным обязанности являться в уголовно-исполнительную инспекцию с определенной периодичностью, согласно ч. 3 ст. 74 УК РФ, ч. 4 ст. 190 УИК РФ и п. 129 Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, утвержденной приказом Минюста России от 20 мая 2009 г. №142¹, влечет вынесение уголовно-исполнительной инспекцией представления об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда. Данное обстоятельство демонстрирует важную роль и место рассматриваемой обязанности в карательно-испытательном механизме условного осуждения, ее взаимосвязь с усилением уголовно-правовых притязаний государства к условно осужденному. Таким образом, исключительно суд должен в обязательном порядке указывать периодичность явки условно осужденного в уголовно-исполнительную инспекцию, учитывая влияние данной обязанности на достижение целей исправления условно осужденного и предупреждение совершения им новых преступлений. В результате в полной мере будет законным и обоснованным отмена условного осуждения и реальное исполнение наказания в случае уклонения условно осужденного от исполнения назначенной именно судом обязанности о периодичности явки условно осужденного в уголовно-исполнительную инспекцию. Изложенное в полной мере согласуется с известными особенностями российской правовой системы, относящейся к континентальному праву.

С точки зрения зарубежного опыта обращения с осужденными и использования метода сравнительного правоведения ограничение свободы как вид отечественного уголовного наказания может быть подвергнуто следующим критическим замечаниям.

Во-первых, в содержании данного уголовного наказания сложно «разглядеть» исправительный эффект. Так, ч. 1 ст. 53 УК РФ содержит комплекс ограничений («не уходить...», «не посещать...», «не выезжать...», «не участвовать...», «не изменять места жительст-

¹ Российская газета. 2009. 14 августа.

ва...»), по существу, являющихся запретами, применение которых направлено на предупреждение совершения новых преступлений осужденными к ограничению свободы, но не на их исправление.¹ Использование при исполнении ограничения свободы электронного мониторинга (технических средств надзора², подразделяющихся на мобильные и стационарные контрольные устройства), которое на 10 января 2012 г. применялось в 60 субъектов Российской Федерации в отношении 1429 осужденных³, также является не более чем технической мерой безопасности, направленной на контроль поведения осужденного, а не на коррекцию нравственных свойств личности. Ведь, как отмечает Н.В. Щедрин, меры безопасности выступают средством «принудительного ограничения поведения физических и деятельности юридических лиц, применяемым при наличии указанных в законе оснований и имеющим цель предотвращения вредоносного воздействия источника опасности»⁴ ... «либо ограждения объекта усиленной охраны от вредного влияния любых источников опасности»⁵.

При этом режим исполнения наказания кроме карательной, предупредительной и контролирующей функций предполагает также

¹ Необходимо отметить недостатки законодательной регламентации определения места отбывания осужденным ограничения свободы. Так, ч. 1 ст. 53 УК РФ предписывает не изменять не только место жительства, но и место пребывания осужденного, то есть место его временного проживания, тогда как согласно ч. 1 ст. 50 УИК РФ отбывание наказания в виде ограничения свободы осуществляется по месту жительства осужденного. Кроме того, следует согласиться с мнением М. Арзамасцева, который отмечает проблемы определения места отбывания рассматриваемого наказания и последующего надзора за осужденным со стороны уголовно-исполнительной инспекции в случаях, если осужденный имеет работу разъездного характера (например, водитель, экспедитор) или она организована вахтовым методом, а также в случае, если место работы или учебы осужденного находится в другом населенном пункте. При этом автор предлагает обратиться к опыту других стран (Польши, Англии) в решении данных вопросов. См.: Арзамасцев М. Проблемы определения места исполнения наказания в виде ограничения свободы // Уголовное право. 2010. № 4. С. 5-7.

² Об утверждении перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых уголовно-исполнительными инспекциями для обеспечения надзора за осужденными к наказанию в виде ограничения свободы : постановление Правительства Российской Федерации от 31 марта 2010 г. № 198 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 14, ст. 1663.

³ При этом в Российской Федерации, например, в 2011 г. на учете уголовно-исполнительных инспекций состояли 11702 осужденных к ограничению свободы.

⁴ Щедрин Н.В. Основы общей теории предупреждения преступности : учебное пособие. Красноярск: Государственный университет, 1999. С.11.

⁵ Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности : монография / под науч. ред. Н.В. Щедрина. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2010. С. 48.

исправительную (воспитательную), реализующуюся в первую очередь через дисциплинирование осужденного и переосмысление им своего поведения. Как отмечал А.Л. Ременсон, воздействие режимных требований уголовного наказания «способно приводить к образованию нового сознания, действуя как "восстановитель" положительного сознания, находящегося под спудом, и как "катализатор", резко ускоряющий развитие нужного нравственного развития ... тормозящее действие наказания способно мобилизовать положительную активность личности»¹. В.А. Елеонский констатировал, что «уголовное наказание наряду с другими средствами воздействия на осужденных, не обладающими свойствами кары, воспитывает у них позитивную уголовную ответственность, то есть правомерное поведение, соответствующее требованиям уголовно-правовых запретов»². При этом роль режима в формировании у осужденных к ограничению свободы уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулировании правопослушного поведения должна заключаться в корректировке таких негативных свойств личности лица, которые послужили основой формирования причин соответствующих преступлений. Вероятно, данная роль должна состоять в социальном дисциплинировании осужденного (в частности, своевременное посещение и возвращение с работы или учебы, своевременное проведение досуга). Эта роль режима проявляется и при исполнении других уголовных наказаний (например, при содержании в дисциплинарной воинской части соблюдение военнослужащим устава, нарушение которого лежало в основе воинского преступления, при исправительных работах соблюдение дисциплины по месту работы, нарушение которой привело к совершению преступления). Ведь практически невозможно нацелить режим на коррекцию всех девиантных и тем более преступных свойств личности лица, отбывающего уголовное наказание.

Режим может одновременно корректировать некоторые, в первую очередь морально-нравственные, дефекты личности лица, совершившего преступление (например, соблюдение правил гигиены и

¹ Ременсон А.Л. О воспитательной роли карательного воздействия в процессе деятельности исправительно-трудовых учреждений (статья третья) // Ременсон А.Л. Избранные труды. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2003. С. 58-59. Также см.: Стручков Н.А. Актуальные проблемы укрепления режима отбывания наказания и профилактики правонарушений в исправительно-трудовых учреждениях : материалы Всесоюзной научно-практической конференции, состоявшейся в г. Волгограде 30 ноября – 1 декабря 1978 г. / редкол.: А.И. Васильев [и др.]. Рязань, 1979. С. 55-61.

² Елеонский В.А. Уголовное наказание и воспитание позитивной ответственности личности. Рязань: Рязанская высшая школа МВД СССР, 1979. С. 8.

санитарии при отбывании наказания в виде лишения свободы), но основная исправительная направленность режима должна быть нацелена на ликвидацию тех свойств, которые непосредственно привели к совершению общественно опасного деяния. Можно привести следующий пример из правоприменительной практики. Приговором мирового судьи подсудимый С. за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 119, ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 130 УК РФ, был осужден к одному году и шести месяцам ограничения свободы. Одно из ограничений, закрепленное в приговоре, состояло в запрете покидать квартиру в период с 17.00 до 6.00 часов.¹ Безусловно, что такой длительный период обязательного пребывания дома значительно снижает возможности применения средств исправления данного осужденного. Более того, данная «отсидка», оказывая отрицательное психологическое воздействие на осужденного, практически не будет способствовать предупреждению совершения им новых преступлений, поскольку преступления были совершены С. именно дома. Кроме того, они были совершены в состоянии алкогольного опьянения. Однако судья не обязал осужденного пройти курс лечения от алкоголизма, которым, возможно, страдает осужденный.

Видится совершенно справедливым возмущение В.С. Овчинского, указывающего, что рассматриваемое наказание ориентировано на лиц, которые «в быту пьянствовали, хулиганили, потребляли наркотики, избивали соседей. И что, предлагается их вернуть в ту же среду, которая помогла им стать преступниками, и назвать это мерой наказания? Чтобы они, не испытав на себе реального наказания, вновь продолжали отравлять жизнь окружающим?»². Представляется справедливым мнение М. Арзамасцева, который пишет: «Вряд ли целесообразно назначение в качестве основного наказания ограничение свободы осужденным за насильственные преступления небольшой или средней тяжести (предусмотренные, например, ч. 1 ст. 112, ч. 1 ст. 117, ч. 1 ст. 119 УК РФ), если они совершены в семье, в сфере быта ... В такой ситуации жертва и преступник после

¹ Приговор мирового судьи судебного участка № 15 в Большемуртинском районе Красноярского края от 12 февраля 2010 г. в отношении С. Дело № 1-29/2010. Архив судебного участка № 15 в Большемуртинском районе Красноярского края.

² Овчинский В.С. О реформе российской пенитенциарной системы в условиях финансово-экономического кризиса // Уголовная политика и право в эпоху перемен : материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора П.С. Дагеля / науч. ред. А.И.Коробеев. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2010. С. 149-150.

осуждения остаются в тех же бытовых условиях, фактически один на один, что может привести к эскалации насилия»¹.

Также не понятно, какой исправительный эффект имеет режим ограничения свободы для лица, совершившего, например, кражу, мошенничество, присвоение или растрату, вымогательство, в том числе особо квалифицированные виды данных преступлений, нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики, нарушение требований пожарной безопасности, небрежное хранение огнестрельного оружия, нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного или водного транспорта. Режим ограничения свободы за счет лишь организационно-технических средств не будет обладать должным исправительным воздействием. Назначение ограничения свободы за преступления, связанные с нарушением специальных правил, будет выступать не более чем дополнительной мерой предупреждения совершения нового преступления, поскольку произойдет «дублирование» такого наказания, как лишение права заниматься определенной деятельностью или занимать определенные должности, которое, как правило, назначается за данные общественно опасные деяния. Достаточно показательными выглядят результаты анкетирования 170 сотрудников ГУ ФСИН России по Красноярскому краю (в том числе 65 из числа работников уголовно-исполнительных инспекций). Так, около 45% (75% из числа работников уголовно-исполнительных инспекций) из числа опрошенных считают абсолютно нецелесообразным назначение ограничения свободы лицам, совершившим семейно-бытовые преступления, должностные преступления, наркопреступления.

Отчасти средствами исправления осужденных к ограничению свободы выступает воспитательная работа, которую согласно ч. 1 ст. 54 УИК РФ уголовно-исполнительные инспекции могут проводить с осужденным. Однако законодатель не предусмотрел по отношению к лицам, отбывающим ограничение свободы, таких средств исправления, закрепленных в ч. 2 ст. 9 УИК РФ, как общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональная подготовка и общественное воздействие.² Предполагается, что дан-

¹ Арзамасцев М. Проблемы определения места исполнения наказания в виде ограничения свободы // Уголовное право. 2010. № 4. С. 5.

² Кроме того, специалисты справедливо признают существенным пробелом действующего уголовно-исполнительного законодательства факт отсутствия в законе ответственности осужденных к ограничению свободы за повреждение, уничтожение или утрату аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля. См.: Чернышёва Д.А. Проблемы ответственности осужденных к ограничению свободы за повреждение, уничтожение и утрату аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля // Человек: преступление и наказание. 2012. № 1(76). С. 17-19.

ные средства исправления либо уже до назначения наказания были «вплетены» в некоторые формы социальной деятельности осужденного (например, учеба), либо лишь частично проявились в его профессиональной трудовой деятельности. Более того, в ч. 1 ст. 53 УК РФ закреплен запрет на изменение места работы или учебы без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы. В связи с этим можно предположить нежелание работодателя или администрации учебного заведения брать на работу или учебу таких осужденных, уволить или отчислить которых можно будет только с согласия уголовно-исполнительной инспекции. Следовательно, ограничение свободы оказалось значительно «обездоленным» в средствах исправительного воздействия на осужденного.

Представляет интерес зарубежный опыт применения аналогичного наказания. Например, в Англии и Уэльсе домашний арест с использованием системы электронного мониторинга как мера наказания, не связанная с изоляцией от общества, исполняется в соответствии с Законом об уголовной юстиции 1991 г., но широкое применение данный институт нашел с декабря 1999 г.¹ Развитие в английской юридической науке новых концепций реакции общества и государства на преступление привело к принятию указанного закона, который ввел в действие новую модель наказаний, не связанных с изоляцией от общества, в том числе домашний арест. Закон утвердил данные наказания как самостоятельные и более не являющиеся только альтернативными мерами тюремному заключению. Было положено начало развитию концепции «переселения» осужденных из тюрьмы в общество, то есть исправления преступников, в том числе совершивших преступления высокой общественной опасности, вне изоляции, но под «присмотром» различных прогрессивных социальных и иных программ.² В силу этого с организационной точки зрения произошел «толчок» по направлению расширения различных форм взаимодействия между пробационными службами (которые в дальнейшем были трансформированы службы контроля за общественными наказаниями) и иными государственными, общественными и частными структурами.³ Была произведена переоценка роли офи-

¹ Whitfield D. Tacking the Tag. The Electronic Monitoring of Offenders. London: Waterside Press, 1997. P. 17-27.

² Worrall A. Punishment in the Community: The Future of the Criminal Justice. London and New York: Longman, 1997. P. 21-33; The Oxford Handbook of Criminology / Edited by M. Maguire, R. Morgan and R. Reiner. 3rd ed. Oxford: University Press, 2002. P. 1158-1159.

³ Handbook of Probation / edited by L. Gelsthorpe, R. Morgan. Oregon: Willam Publishing, 2007. P. 71. 91, 97-98, 521.

церов данных служб в деле исправления и реабилитации лиц, осужденных к рассматриваемым наказаниям. С одной стороны, они стали особым «звеном» между судом и осужденным лицом, находящимся в обществе под их надзором. С другой – под влиянием вышеобозначенного закона и Национальных Стандартов организации надзора за преступниками, отбывающими наказания, не связанные с изоляцией от общества, 1992 г. (и их пересмотренного варианта 1995 г.) офицеры служб контроля за общественными наказаниями до избрания меры наказания обязаны подготавливать и предоставлять суду отчет с рекомендациями о потенциальной возможности назначения «наказания в обществе», его форме и, если это необходимо, дополнительных условиях.¹ Практика предварительного исследования личности обвиняемого (подсудимого) офицерами данных служб и составления своеобразного «досье» на данное лицо известна также американскому правоприменителю и законодательству.² В частности, специалистами отмечается, что решение вопроса о применении probation американскими судами невозможно без предварительного изучения личности обвиняемого, так как ни материалы обвинения, ни личное мнение судьи во время процесса не дают достаточной информации для принятия обоснованного решения о назначении probation. «Характер, поведенческие проявления личности зависят не только от нынешнего положения, условий жизни и деятельности, но и от всей прошлой жизни, обуславливающей характер человека ... В связи с этим офицерами данных служб до суда могут проводиться предварительные исследования в отношении подозреваемых, когда те арестованы полицией ... Офицеры службы probation также исследуют предкриминальную ситуацию и составляют рекомендации к приговору (социальный доклад) для каждого правонарушителя. При этом рекомендации к приговору, перед передачей их в суд, обсуждаются с правонарушителями и их семьями. Офицеры могут привлекаться для дачи разъяснений в суде относительно их рекомендаций. Но социальные доклады передаются в суд только после установления виновности подсудимого»³. Данный опыт практики исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, заслуживает положительной оценки и поэтому должен быть внедрен в отечест-

¹ Brownlee I. Community Punishment. A Critical Introduction. London and New York: Longman, 1998. P. 81; Ashton J. and Wilson D. What Everyone in Britain should Know about Crime and Punishment. 2nd ed. Oxford: University Press, 2001. P. 161.

² Canton R. Probation: working with offender. New York: Oxon, 2011. P. 19-20, 203-206.

³ Кубанцев С.П. Применение probation и досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы в США // Журнал российского права. 2006. № 1. С. 128-129.

венную практику исполнения не только ограничения свободы, но и условного осуждения, исправительных работ, обязательных работ.

В английском законодательстве домашний арест регламентируется группой правовых актов, важнейшими из которых являются Уголовный закон о нарушении общественного порядка 1998 г. и Закон о полномочиях уголовных судов 2000 г. В частности, секции 99 и 100 первого из них указывают на дифференцированное (в зависимости от объема закрепленных обязанностей и продолжительности домашнего ареста) использование системы электронного мониторинга (электронных ярлыков) в отношении лиц, содержащихся под домашним арестом. Применение электронного мониторинга широко используется и в других странах. Например, в Швеции он применяется с 1993 г. в качестве специфической формы исполнения наказания в виде лишения свободы. Так, лица, осужденные к лишению свободы на срок до трех лет, имеют право обратиться в одно из местных представительств Службы по лишению свободы и условно-досрочному освобождению от наказания по поводу применением к ним данной меры. При положительном решении запроса осужденного его освобождают от реального отбывания лишения свободы, определяют место дальнейшего проживания осужденного (как правило, это постоянное место жительства осужденного) и его обязанности на оставшийся срок назначенного наказания (в Норвегии уголовное наказание в виде электронного контроля применяется на срок только до 4 месяцев с возможностью на 5 часов в неделю покидать жилое помещение в установленное время¹). К одной ноге осужденного прикрепляется специальный электронный ободок, который путем отправления в контролирующий компьютер радиосигналов, позволяет осуществлять надзор за соблюдением со стороны осужденного составленного для него индивидуального плана поведения. Данное электронно-техническое устройство дает возможность следить не только за передвижением осужденного, но и состоянием некоторых показателей его организма (в частности, степень физической активности).² Таким образом, эту меру можно иначе именовать ограниче-

¹ См.: Багреева Е.Г., Багреева Е.В. О специфике деятельности тюремной системы Норвегии // Российский следователь. 2012. № 11. С. 43.

² С организационно-технической стороны универсальный вариант системы электронного наблюдения (мониторинга) состоит из радиопередатчика, наружного контролирующего устройства и базового компьютера. Радиопередатчик прикрепляется резиновым ремешком к лодыжке арестованного, поскольку на этой части тела возможность повреждения радиопередатчика минимальна. Наружное контролирующее устройство размещается в квартире осужденного и принимает сигналы с радиопередатчика, которые затем передаются на базовый компьютер. Если осужденный сорвал пломбу с передатчика контролирующего устройства или произошло прерывание электрической цепи, информация об этом

нием свободы. Кроме этого, сотрудники местных представительств Службы систематически посещают зарегистрированное место жительства осужденного, осуществляют контроль за злоупотреблением наркотических средств и алкоголя. Также к лицам, содержащимся под контролем электронного мониторинга, применяются специальные программы по их исправлению, заключающиеся в осуществлении индивидуальной воспитательно-профилактической и психологической работы с осужденными.

Обращает на себя внимание длительность сроков ограничения свободы. Как представляется, возможность назначения ограничения свободы сроком до четырех лет в качестве основного наказания демонстрирует случаи неподготовленного в сравнительно-правовом смысле обращения с инациональным правом. Например, «комендантский час» в Англии применяется сроком до 6 месяцев, в течение которых осужденное лицо может быть не только ограничено в посещении определенных общественных мест, увеселительно-развлекательных центров, пабов, управлении транспортным средством, но и обязано пройти антинаркотическую либо антиалкогольную программу, курс первоначального профессионального обучения, принять участие в волонтерской либо иной общественной деятельности.¹ Можно согласиться с мнением Л.В. Головки, сомневающегося в эффективности длительного помещения лица в «социально замороженное состояние», в отношении которого «надзор превратится в нечто вялотекущее и сугубо формальное».² При этом качество исполнения данного наказания во многом зависит от осуществления так называемого электронного мониторинга. Однако, например, в Красноярском крае в 2010 г. за 12 месяцев применения ограничения свободы ни по одному из 108 вступивших в законную силу приговоров не применялись технические средства надзора и контроля.

Вызывает возражение законодательно предусмотренная возможность назначения ограничения свободы в качестве дополнительного вида наказания. Так, ч. 2 ст. 53 УК РФ регламентирует назна-

немедленно поступает на базовый компьютер. После получения информации сотрудники отдела электронного наблюдения обязаны незамедлительно отреагировать на сигнал. Сотрудники патрульного подразделения, обслуживающие район проживания арестованного, осуществляют внезапные контрольные посещения его квартиры в любое время суток. В ходе их проведения изучаются состояние радиопередатчика, контролирующего устройства, а также условия проживания арестованного. См.: Овчинников Ю.Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Омск: Академия МВД России, 2006. С. 130.

¹ Doherty M. Criminal Justice and Penology. London: Old Bailey Press, 2000. P. 195.

² Головка Л.В. Указ. соч. С. 10.

чение ограничения свободы на срок от шести месяцев до двух лет в качестве дополнительного вида наказания к лишению свободы в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части уголовного закона. Однако проблемы постпенитенциарной адаптации, высокая вероятность потери социально полезных связей, сложности в трудоустройстве и связанные с отсутствием жилой площади несовместимы с дополнительными ограничениями, которые несет ограничение свободы. В связи с этим видится достаточно верным мнение Ю.В. Баранова, полагающего, что «наибольшую трудность для процесса ресоциализации освобожденных может представлять их изолированность, создаваемая как представителями общества, так и ими самими»¹. Как представляется, применение рассматриваемого наказания после освобождения из мест лишения свободы будет связано с нежелательной «стигматизацией» освобожденного, дополнительной демонстрацией его упречности перед окружающими людьми, способной привести к нежелательным психическим процессам, связанным с формированием подозрительности, негативизма, агрессивности. Применение уголовного наказания в виде ограничения свободы в отношении лиц, освобожденных из исправительного учреждения, не гармонирует с задачами их ресоциализации и фактически препятствует процессу ресоциализации, поскольку в соответствии с замыслом законодателя доминирующее назначение ограничения свободы как дополнительного наказания – это не возобновление социализации осужденного, а карательно-исправительное воздействие на те негативные свойства личности, которые не могут быть исправлены (откорректированы) в период лишения свободы.

Исполнение ограничения свободы после освобождения лица из мест лишения свободы будет нецелесообразно, поскольку либо создаст объективные трудности в социальной адаптации (например, значительно затруднит поиск работы, трудоустройство, включая работу вахтовым методом или в ночное время суток), либо автоматически превратит освобожденное лицо в злостного нарушителя порядка отбывания ограничения свободы (например, в случае отсутствия места жительства последнего) с последующим осуждением по ч. 1 ст. 314 УК РФ. Кстати, в уголовно-правовых последствиях уклонения от отбывания ограничения свободы, назначенного в качестве дополнительного уголовного наказания, также видится, по справедливому замечанию Г. Веринной, «нарушение законодательной логики», поскольку «...такое решение вопроса не отражает реальной общественной опасности поведения лица, осужденного к ограничению

¹ Баранов Ю.В. Стадии ресоциализации осужденных в свете новых социолого-антропологических воззрений и социальной философии. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. С.191.

свободы в качестве дополнительного наказания. Она значительно преувеличена, тем более если учитывать новую позицию законодателя в отношении существа ограничений и лишения прав и свобод осужденного, характерных для данного наказания»¹. Также исследователь совершенно верно отмечает тот факт, что при действующей редакции ограничения свободы, относящегося к так называемым смешанным наказаниям, репрессивный потенциал которых не может быть жестче основных наказаний², данная уголовно-правовая мера в «лестнице» уголовных наказаний должна занимать четвертое место – между лишением специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград и обязательными работами³. По мнению Р.С. Рыжова, ограничение свободы должно занимать второе место в иерархии уголовных наказаний после штрафа.⁴ Данная позиция не бесспорна, но в целом отражает объективную тенденцию отечественного законодательства по расширению альтернативных лишению свободы уголовных наказаний.

Более того, суд по объективным причинам не может предвидеть характер и перечень ограничений, которым должно будет подвергнуться лицо через достаточно длительное время (например, через 12 лет лишения свободы при отбытии наказания за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 162 УК РФ). Ограничения в подобных случаях будут носить предельно абстрактный характер без учета тех возможных изменений, которые произойдут в личной сфере осужденного и среди его социального окружения. Как верно отмечает Л.В. Головкин, в развитых странах существует «совершенно иной механизм: государство сначала решает социальные проблемы освобожденного, а затем уже накладывает на него соответствующие обязанности (этим чаще всего занимается специальный судья по исполнению наказания) и следит за их исполнением»⁵. Как представляется, в России контроль за поведением лиц, освобожденных из мест отбывания лишения свободы, и оказание помощи в их социальной адаптации и ресоциализации должны осуществляться специализированной пробационной службой в рамках института постпенитенци-

¹ Верина Г. Ограничение свободы как вид уголовного наказания в свете законодательных новелл // Уголовное право. 2010. № 5. С. 9-10.

² Более того, в новой редакции ограничения свободы устанавливается иная более мягкая пропорция замены данного наказания на лишение свободы – один день лишения свободы за два дня (ранее – за один день) ограничения свободы (ч. 5 ст. 53 УК РФ), что свидетельствует о смягчении объема правоограничений рассматриваемого наказания.

³ Верина Г. Указ. соч. С. 10.

⁴ Рыжов Р.С. Ограничение свободы и его место в системе уголовных наказаний // Человек: преступление и наказание. 2010. № 1(68). С. 83.

⁵ Головкин Л.В. Указ. соч. С. 10.

арного контроля (воздействия). Так, В.И. Горобцов под мерами постпенитенциарного воздействия рассматривает уголовно-правовое принуждение, выступающее разновидностью фактически сложившейся в отечественном законодательстве системы мер безопасности¹, перспективная модель которых отражает отход пенологической практики от «идеала реабилитации» к концепции «контроля», что обусловлено более общим явлением интеграции правовых систем.

Законодательно предусмотренная возможность назначения ограничения свободы в качестве дополнительного наказания к лишению свободы уже приводит к существенным проблемам. Дело в том, что нередко суды назначают ограничение свободы как дополнительное наказание при условном осуждении к лишению свободы. Формально данная весьма сложная конструкция сочетания различных мер уголовно-правового характера не противоречит ч. 4 ст. 73 УК РФ. Однако ч. 3 ст. 47.1 УИК РФ предписывает сначала осужденного, которому ограничение свободы назначено в качестве дополнительного наказания, освободить из исправительного учреждения после отбытия лишения свободы, назначенного в качестве основного наказания, а лишь затем направлять к месту жительства для дальнейшего отбывания ограничения свободы. Более того, согласно ч. 2 ст. 49 УИК РФ срок ограничения свободы, назначенного в качестве дополнительного наказания, исчисляется со дня освобождения осужденного из исправительного учреждения. В целях гармонизации уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в части регламентации исполнения ограничения свободы как дополнительного наказания и закрепления новых пенологических ожиданий перехода от исправительной (реабилитационной) идеи наказания к практической реализации концепции контроля необходимо внести соответствующие изменения в ч. 4 ст. 73 УК РФ, сформулировав её в следующей редакции: «При условном осуждении также могут быть назначены дополнительные виды наказаний за исключением ограничения свободы».

Но в случаях, когда суд все же назначает лишение свободы условно и ограничение свободы в отношении осужденного устанавливаются во многом дублирующие обязанности и ограничения. В этой части у условного осуждения как иной меры уголовно-правового характера и ограничения свободы как вида уголовного наказания много общих уголовно-правовых свойств, которые не просто сущест-

¹ См.: Горобцов В.И. Проблемы реализации мер постпенитенциарного воздействия: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 1995. С. 7, 10-11; Он же. Предмет уголовно-исполнительного права: эволюция, современное состояние, перспективы развития : учебное пособие. Красноярск: Красноярская высшая школа МВД России, 1998. С. 21.

венно осложняют задачи инспектора уголовно-исполнительной инспекции, но и нарушают принцип справедливости. Ведь согласно ч. 1 ст. 6 УК РФ наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Следовательно, «двойной эффект» одновременного применения обязанностей, вытекающих из испытательного срока условного осуждения, и ограничений, отражающих содержание ограничения свободы, не адекватен характеру и степени общественной опасности совершенного преступления. В связи с этим показателен следующий пример. Байкитским районным судом Красноярского края подсудимый П. за совершение преступления, предусмотренного п.п. «в» и «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, был осужден к трем годам шести месяцам лишения свободы условно и ограничению свободы на один год. При этом требование не изменять место жительства и не выезжать за пределы территории села Байкит без согласия уголовно-исполнительной инспекции №58 ГУ ФСИН по Красноярскому краю одновременно явилось обязанностью и ограничением применительно как к условному осуждению, так и к ограничению свободы. Еще в качестве двух обязанностей при условном осуждении выступили курс лечения от алкоголизма и обязанность трудоустроиться. В качестве ограничений в приговоре закреплены запреты уходить из дома в период с 23.00 до 7.00, посещать места проведения массовых мероприятий и участвовать в них, а также требование явки в уголовно-исполнительную инспекцию №58 ГУ ФСИН по Красноярскому краю один раз в месяц для регистрации.¹ В другом приговоре Дудинским районным судом Красноярского края подсудимый П. за совершение преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, был осужден к четырем годам лишения свободы условно и ограничению свободы на один год и шесть месяцев. При этом требование не менять место жительства и не покидать пределы Таймырского без согласия уголовно-исполнительной инспекции также одновременно явилось обязанностью и ограничением применительно как к условному осуждению, так и к ограничению свободы. Кроме того, на осужденного возлагалась обязанность в течение срока ограничения свободы находиться в месте своего постоянного проживания в период с 23.00 до 6.00.²

¹ Приговор Байкитского районного суда Красноярского края от 8 апреля 2010 г. в отношении П. Дело № 1-05/2010. Архив Байкитского районного суда Красноярского края.

² Приговор Дудинского районного суда Красноярского края от 18 марта 2010 г. в отношении П. Архив Дудинского районного суда Красноярского края.

В этой связи представляют интерес результаты анкетирования сотрудников ГУ ФСИН России по Красноярскому краю (в том числе 65 из числа работников уголовно-исполнительных инспекций), которые показали, что 55% (85% из числа работников уголовно-исполнительных инспекций) из числа опрошенных считают нецелесообразным назначение ограничения свободы одновременно с лишением свободы условно. Фактически данный вопрос имеет дезориентированный характер, поскольку 30% опрошенных затруднились с ответом.

Остается не понятным, какой исправительный и предупредительный эффект имеет назначение одновременно двух мер уголовно-правового характера. Ведь ограничения, закрепленные в уголовном наказании в виде ограничения свободы, могли быть изложены в качестве обязанностей при условном осуждении. Более того, обязанности при условном осуждении носят более «стратегический» в исправительном смысле характер и могут быть связаны, например, с обязанностью пройти курс лечения от алкоголизма, трудоустроиться, продолжить обучение.

В плане сопоставления ограничения свободы с обязанностями при условном осуждении показателен соответствующий зарубежный опыт. В зарубежных европейских странах рассматриваемый институт именуется, как правило, пробацией. В семантическом смысле под пробацией следует понимать «испытание». Главная отличительная черта пробации – это условное неисполнение наказания (либо наказание, вообще, не назначается, как, например, в Англии, США и Франции) с назначением специального должностного лица (агента, помощника, уполномоченного и т.п.), который осуществляет контроль поведения осужденного и выполнения им определенных обязанностей и условий пробации. Как правило, пробация предусматривает соблюдение следующих условий: 1) несвершение новых преступлений; 2) выполнение обязанностей, специально определенных судом в приговоре, в случае соблюдения которых правовыми последствиями пробации является полное освобождение от какого бы то ни было наказания за совершенное преступление и отсутствие судимости как определенных правоограничений, являющихся следствием осуждения за преступление.

Период пробации в таких странах, как Германия, Италия, Финляндия, Венгрия, то есть в основе правовой системы которых лежит романо-германская (континентальная) правовая модель, длится, как правило, от одного года до пяти лет, при этом законодательство отдельных стран предусматривает более короткие максимальные сроки – три года в Финляндии.

Исследователями теории и практики отсрочки лишения свободы в зарубежном уголовном праве отмечается, что постепенно сло-

жились две основные системы условного осуждения, различные с точки зрения юридической техники: англо-американская пробация (англ. probation) и бельгийско-французская сурси (фр. sursis). Существенное отличие между ними состоит в том, что «пробация предполагает отсрочку назначения лишения свободы, тогда как сурси заключается в том, что лишение свободы назначается, однако его исполнение откладывается на неопределенный срок».¹ В настоящее время пробация осталась ограниченной в основном системой англо-американского права, сурси распространилась на большинство стран с континентальной системой права.

В отношении обязательств, лежащих в основе испытательного срока и налагаемых на преступника при пробации, следует заметить, что в классической (или консервативной) форме осуждение правонарушителя на условное тюремное заключение не предусматривает никаких конкретных обязательств, кроме недопустимости повторного совершения правонарушения. Так, в Венгрии установление надзора со стороны сотрудника службы пробации обязательно только в отношении несовершеннолетних и рецидивистов, в остальных случаях решение данного вопроса отдается на усмотрение суда.² Такая «чистая» форма условного тюремного заключения преследует исключительную цель оградить правонарушителя от вредного влияния реального тюремного заключения (в основном краткосрочного). Например, в Италии это вызывает критику со стороны оппонентов простой отсрочки: она не предусматривает общих мер пресечения, воспринимается как своего рода юридическое помилование, что подрывает доверие к системе уголовного правосудия.

Таким образом, налицо возврат к условному тюремному заключению. Так, со времени проведения реформы в 1976 г. финское законодательство более не предусматривает других ограничений или условий в отношении поведения правонарушителя. Во многих странах для повышения интенсивности воздействия санкции на правонарушителя в качестве дополнительного наказания налагается штраф.³

Что касается обязанностей, сопутствующих условному лишению свободы, большинство законодателей предусматривают различ-

¹ Пергатая А.А. Уголовная ответственность несовершеннолетних по законодательству Федеративной Республики Германии: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск: Государственный университет, 1999. С. 135-136.

² См.: Гилязова О.Г. К вопросу об альтернативных видах исполнения уголовных наказаний в России и за рубежом // Уголовно-исполнительное право. 2011. № 1. С. 14.

³ Организация воспитательно-профилактической работы с осужденными, отбывающими наказания, не связанные с лишением свободы : учебное пособие / под общ. ред. С.Н. Пономарева. Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2002. С. 15.

ные варианты. Помимо традиционных методов, таких как надзор со стороны сотрудника службы пробации или предписания в отношении образа жизни, налагаются обязательства, которые рассчитаны на возмещение, или репарацию, ущерба, вызванного уголовным преступлением. Надежность условных наказаний зависит от последствий несоблюдения предписаний и от условий, при которых приводится в действие приговор к лишению свободы. Замена условного наказания реальным зависит от условий, которые ставятся перед правонарушителем. Если никаких ограничений в отношении поведения нет, то замена может иметь место только в случае повторного нарушения закона.

Почти во всех законах повторное правонарушение приводит к реальному исполнению отсроченного приговора к тюремному заключению, если вновь совершенное правонарушение имеет определенную степень тяжести. В Финляндии, например, в случае совершения нового правонарушения, караемого тюремным заключением, условный приговор аннулируется. В Германии условием аннулирования является то, что, повторно нарушив закон, правонарушитель фактически показал, что он не соответствует ожиданиям, послужившим основанием для отсрочки. Кроме того, аннулирование не имеет места, если дальнейшие правонарушения могут быть предотвращены посредством изменения условий пробации.

В законодательстве тех стран, где отсрочка сопровождается предписаниями относительно поведения, она аннулируется в случае серьезных нарушений предписаний. Так, в Германии существует условие для аннулирования, в соответствии с которым оно осуществляется, если изменение условий пробации не может предотвратить дальнейшее совершение правонарушений. В некоторых странах условной может быть также часть приговора к тюремному заключению. Например, в Бельгии введение частично условных наказаний преследовало цель дать возможность применить условное наказание, несмотря на досудебное содержание правонарушителя под стражей, а также назначить в качестве карательной санкции краткосрочное тюремное заключение, после которого следует более длительный период условного приговора в качестве сдерживающей санкции. В отличие от условного тюремного заключения, когда суд назначает срок лишения свободы, а затем откладывает его исполнение на определенный период, в случае назначения пробации вынесение приговора откладывается на период пробации. Если не соблюдаются установленные условия, дело переходит в стадию вынесения приговора за первоначальное преступление. В связи с этим необходимо учитывать, что термин «пробация» употребляется также в другом зна-

чении – как институт, сопровождающий условное лишение свободы или отсрочку вынесенного приговора.¹

Возможность применения probation может быть установлена на абстрактном уровне: законодатель определяет уголовные преступления, к которым может применяться probation, указав максимальный срок наказания, установленного за эти преступления. Обычно probation предусматривается в отношении уголовных преступлений, которые влекут за собой наказание в виде лишения свободы сроком максимум до двух-трех лет.

Преступник, в отношении которого вынесен приказ о probation, обычно подвергается определенному надзору со стороны сотрудника службы probation в течение установленного срока. В некоторых странах исполнение приговора может быть отсрочено и без установления надзора за правонарушителем. Так, в Венгрии установление надзора со стороны сотрудника службы probation обязательно только в отношении несовершеннолетних и рецидивистов, а в других случаях решение этого вопроса отдается на усмотрение суда.²

В правоприменительной деятельности суды зачастую фактически подменяют ограничения, отражающие содержание уголовного наказания в виде ограничения свободы, обязанностями, составляющими содержание испытательного срока при условном осуждении. В некоторых случаях в приговорах указывается, что на осужденных к ограничению свободы возлагаются обязанности. Так, из 108 изученных приговоров об осуждении лиц к ограничению свободы как основному виду наказания, вынесенных в 2010 г. судами Красноярского края, в 21 из них суды указывают именно на те или иные обязанности осужденного. Так, Тасеевским районным судом Красноярского края подсудимый Л. за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 166 УК РФ, был осужден к уголовному наказанию в виде ограничения свободы на шесть месяцев. В приговоре указывается: «Обязать Л. являться на регистрацию в уголовно-исполнительную инспекцию два раза в месяц в дни, установленные инспекцией, не изменять место жительства без согласования с УИИ № 53, не покидать место жительства после 22 часов и не появляться в общественных местах после 22 часов, не пропускать занятия без уважительных причин, не покидать пределы Тасеевского района без разрешения УИИ № 53»³. В данном приговоре сделана не только формальная ошибка в использовании термина «обязать», но и содержательная,

¹ McAuley, M. *Children in Custody. Anglo-Russian Perspectives*. London-New York: Bloomsbury Academic, 2010. P. 191-215.

² McAuley, M. *Children in Custody. Anglo-Russian Perspectives*. С. 102-103.

³ Приговор Тасеевского районного суда Красноярского края от 23 августа 2010 г. в отношении Л. Архив Тасеевского районного суда Красноярского края.

поскольку такая обязанность, как «не пропускать занятия без уважительных причин». в большей степени отражает смысл условного осуждения, а не ограничения.

В целом необходимо согласиться с теми специалистами, которые указывают на значительное сходство между ограничением свободы и условным осуждением – «одни и те же обязанности могут налагаться в одном случае в качестве самостоятельного наказания, а в другом – как элемент испытания при условном осуждении»¹. А. Разогреева и М. Миньков совершенно справедливо отмечают то обстоятельство, что в сравнении с теоретическими предположениями в практическом аспекте площадь содержательного пересечения и интенсивность взаимопроникновения норм, регламентирующих условное осуждение и ограничение свободы, значительно возрастает.² Кроме того, процедура фиксации злостного уклонения лица от обязанностей и ограничений, наложенных в рамках различных мер уголовно-правового характера, и сами последствия такого уклонения будут иметь разнопорядковый характер, что создаст «путаницу» и даже конкуренцию в применении соответствующих норм уголовно-исполнительного законодательства. Например, выезжая за пределы территории проживания без согласия уголовно-исполнительной инспекции, осужденный одновременно нарушит и обязанность, и ограничение. В качестве реакции на такие нарушения выступает предупреждение о недопустимости такого поведения. В случае повторного нарушения этих предписаний в соответствии с требованиями об ответственности условно осужденных, предусмотренных ст. 190 УИК РФ, в отношении осужденного может быть подготовлено представление о продлении испытательного срока либо об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда, в соответствии же с требованиями ст. 58 УИК РФ об ответственности осужденных к ограничению свободы в отношении осужденного должно быть подготовлено официальное предостережение о недопустимости нарушения установленных судом ограничений. Лишь после последующего нарушения порядка отбывания ограничения свободы и уже вынесенного официального предостережения о недопустимости нарушения установленных судом ограничений уголовно-исполнительная инспекция может подготовить представление в суд о факте злостного нарушения порядка отбывания наказания и необ-

¹ Титаренко А.П. Тенденция изменений юридической природы мер уголовно-правового принуждения на современном этапе развития общественных отношений // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2010. № 1(18). С. 116-117.

² См.: Разогреева А., Миньков М. Условное осуждение и ограничение свободы: контроль и (или) ресоциализация // Уголовное право. 2010. № 4. С. 47.

ходимости привлечения осужденного к ответственности по ч. 1 ст. 314 УК РФ.

В силу отмеченного необходимо признать упречным мнение А.П. Титаренко, полагающего, что для увеличения карательного потенциала ограничения свободы в сравнении с условным осуждением «целесообразнее в ч. 5 ст. 53 УК РФ внести изменение, согласно которому в случае злостного уклонения осужденного от отбывания ограничения свободы суд может заменить неотбытую часть наказания лишением свободы из расчета один день лишения свободы за один день ограничения свободы, а не за два дня как это предусмотрено действующим законодательством»¹. Во-первых, нарушается идея о «лестнице» уголовных наказаний, поскольку тем самым ограничение свободы по своему карательному потенциалу необоснованно ставится на один уровень с уголовным наказанием в виде лишения свободы на определенный срок. Во-вторых, данное предложение не решает проблемы необоснованного «расщепления» таких уголовно-правовых мер принуждения, как условное осуждение и ограничение свободы, одновременное применение которых не только дискредитирует социальный и специально-криминологический смысл уголовно-правового воздействия, но и значительно усложняет процесс их легитимного исполнения.

Таким образом, опыт английского уголовного правосудия, являющегося «классическим» представителем англосаксонской системы права, показывает его поверхностный анализ и недостаточный учет отечественным законодателем при конструировании уголовно-правовых и уголовно-исполнительных параметров уголовного наказания в виде ограничения свободы. Следует отметить достаточно прогрессивные и согласующиеся с отечественной практикой исполнения уголовных наказаний, но вместе с тем не учтенные нашим законодателем достижения соответствующего зарубежного опыта.

Задачи гармоничного сочетания иностранных образцов в области обращения с осужденными и соответствующей отечественной практики позволяют внести в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство следующие новеллы и корректировки:

1) введение норм, регламентирующих предварительное изучение специалистами уголовно-исполнительной инспекции личности осужденного, подпадающего под возможное применение к нему наказания в виде ограничения свободы, с целью подготовки индивидуальной программы обращения с данным лицом в случае его осуждения к рассматриваемому наказанию. При этом ограничения и обязанности могут быть разнообразными, отражающими потребности в

¹ Титаренко А.П. Указ. соч. С. 117.

исправлении конкретного осужденного, позволяющими максимально индивидуализировать наказание и исправительное воздействие с учетом совершенного преступления;

2) установление срока ограничения свободы до двух лет в отношении совершеннолетних осужденных и до одного года в отношении несовершеннолетних осужденных;

3) исключение возможности применения ограничения свободы в качестве дополнительного наказания.

Данные предложения законодательного характера выступают лишь частным случаем гармонизации уголовно-исполнительного законодательства России в условиях интеграции правовых системы, показывая необходимость гармоничного сочетания иностранных образцов в области обращения с осужденными и соответствующей отечественной практики исполнения уголовных наказаний. В рамках настоящего монографического исследования не представляется возможным даже поверхностно охватить все проблемы заимствования зарубежного пенитенциарного опыта. Более того, этому посвящаются специальные исследования.¹

¹ Напр.: Жабский В.А. Основные направления гармонизации норм законодательства зарубежных стран в соответствующие законодательные акты Российской Федерации // Субъекты современных правоотношений: теория, законодательство, практика : материалы Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. В.С. Песоцкий, А.М. Соловьев, И.А. Уваров. Невинномысск: НГГТИ, 2010. С. 235-239; Смирнов С.Н. Тюремный омбудсман: зарубежный опыт в России // Проблемы и перспективы развития уголовно-правовой науки : сборник материалов международной научно-практической конференции (г. Пенза, 20-21 декабря 2005 г.) / под ред. Е.А. Лукиной, А.К. Суменкова. Пенза: ИИЦ ПГУ, 2005. С. 163-167.

ГЛАВА 3

**РОЛЬ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ
В РЕФОРМИРОВАНИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ
СИСТЕМЫ РОССИИ И ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ИСПРАВИТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОСУЖДЕННЫХ**

**3.1. Роль метода сравнительного правоведения в обеспечении
реформы уголовно-исполнительной системы России**

Современная реформа отечественной уголовно-исполнительной системы, отражая влияние на неё европейской пенологической политики¹, фактически связана с переходом от «колониально-отрядной» к «тюремно-покамерной» модели размещения осужденных, расширением практики технического надзора за осужденными (имеется в виду новая модель ограничения свободы) и «трудотерапии» с перспективами введения нового наказания в виде принудительных работ. Так, первостепенной целью Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. выступает повышение эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания, до уровня европейских стандартов обращения с осужденными и потребностей общественного развития.

В частности, для лиц, не представляющих высокой общественной опасности, но социально маргинализированных, планируется создание системы колоний-поселений (с усиленным наблюдением и без такового) с высоким качеством профессионального обучения и подготовки. Данные колонии-поселения должны выполнять роль «социальных фильтров», выпускающих людей, адаптированных к выполнению физического труда, требующего определенного уровня профессиональной подготовки. Причем в данном виде исправительного учреждения предполагается создание полусвободного режима, что позволит вывести их за пределы собственно мест лишения свободы, однако, по мнению В.Б. Малинина, возможно, приведет к криминализации близлежащих территорий и росту пенитенциарной

¹ Подр. см.: Реформирование уголовно-исполнительной системы: теоретический проект : учебное пособие / под общ. ред. А.А. Реймера. М., Рязань: Академия ФСИН России, 2009. С. 4-58.

преступности.¹ Новую систему колоний-поселений предлагается создать по примеру открытых и полуоткрытых тюрем, функционирующих в ряде европейских стран (в частности, Англия, Голландия, Финляндия, Германия), а также на основе рекомендаций Европейских тюремных правил 2006 г.²

Однако идея о раздельном содержании лиц с различными степенями общественной опасности в полной мере отражена в действующем уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве. Более того, изучение европейского пенитенциарного опыта показывает, что в основу отечественной классификации осужденных положены более разнообразные криминологические критерии, нежели чем в законодательстве зарубежных стран. Так, если в России в рамках одной социально-демографической группы осужденных с целью недопущения отрицательного влияния друг на друга используются три критерия: рецидив, факт прежнего реального отбывания наказания и категория преступления, то, например, в Англии только один – риск побега осужденного. Существующая же в некоторых регионах России практика совместного проживания осужденных, «вставших» на путь исправления, и лиц, не поддающихся нравственному реформированию, имеет место в тех исправительных учреждениях, где такую задачу невозможно или достаточно сложно решить технически, то есть отсутствует достаточное количество площадей.

Основным пунктом реформы выступает расширение практики применения тюремного режима содержания осужденных (как правило, по 4 человека в камере). В течение 2013–2016 гг. планируется реорганизация действующих исправительных колоний под тюрьмы и строительство новых тюрем для содержания до 300 (по некоторым данным, до 500) тысяч осужденных. Как отмечает В.И. Селиверстов, «согласно предварительным расчетам для содержания осужденных к лишению свободы потребуется открыть 246 тюрем общего режима, в том числе 58 тюрем для женщин, 161 тюрьму усиленного режима и 21 тюрьму особого режима, всего 428 тюрем»³. Для примера: в 2010 г. в России насчитывалось 7 тюрем, в которых содержались всего 2,8 тысяч осужденных.

¹ Малинин В.Б. Поиск оптимальной модели уголовно-исполнительной системы // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая– 1 июня 2012 года). М.: Проспект, 2012. С. 489-490.

² Хуторская Н.Б. Исполнение наказания в виде лишения свободы в учреждениях открытого и полуоткрытого типа (зарубежный опыт) // Российский криминологический взгляд. 2010. № 3. С. 195-205.

³ Селиверстов В.И. Основные направления эффективности научных исследований в свете реформирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Российский криминологический взгляд. 2011. № 1. С. 52.

Также предполагаются почти полная ликвидация исправительных колоний (возможно, будут оставлены колонии особого режима) и переход от «колонийской» к «тюремной» системе исполнения лишения свободы. Предполагается обратиться к европейскому опыту размещения осужденных покамерно, что якобы снизит отрицательное взаимовлияние осужденных и приведет к полному уничтожению неформальной субкультуры среди осужденных.

Особого внимания заслуживает новая структура исправительных учреждений. Вызывает сомнение резонность решения о размещении значительной части лиц, осужденных к лишению свободы, в тюрьмах, причем по несколько осужденных в камере. Проблема заключается даже не в том, что эту идею сложно реализовать с финансовой точки зрения. Она состоит и в организации профессионального обучения, общественно полезного труда, культурно-массовых мероприятий и психолого-воспитательной работы с осужденными при такой модели их размещения. При этом если в западноевропейских тюрьмах широко практикуется принцип творческого труда, формирующий позитивные свойства личности (например, выращивание цветов, художественная лепка, дизайн мебели и т.п.), то в отечественных тюрьмах, выступающих, по сути, способом усиленного дисциплинарного воздействия на осужденных, используется и, вероятно, будет использоваться как правило монотонный и зачастую неквалифицированный труд. Д.В. Вороненков и Н.И. Полищук отмечают: «Переход на "камерную систему" содержания осужденных практически исключает возможность привлечения их к труду, следовательно, станет экономически еще более ущербным для страны, приведет к проблемам вутрикамерной несовместимости, увеличению межличностных конфликтов»¹. Так, покамерное размещение осужденных в тюремной модели не обеспечит полного исключения их отрицательного влияния друг на друга при совместном приеме пищи или досуге, работе в цехах или массовых мероприятиях, а лишь снизит эффект позитивного влияния на осужденного со стороны коллектива, упразднит идею совета отряда (имеется в виду совет коллектива отряда и иные самостоятельные организации осужденных исправительного учреждения²) как вполне приемлемого вос-

¹ Вороненков Д.Н., Полищук Н.И. Правовые реформы и развитие национальной пенитенциарной системы // Современное право. 2013. № 5. С. 91.

² Вместе с тем, необходимо заметить, что подзаконная правовая база деятельности таких самостоятельных организаций осужденных недостаточно разработана. При этом уже более года как утратил силу приказ Минюста России от 8 июня 2005 г. № 79 «Об утверждении Положения о порядке формирования и деятельности самостоятельных организаций осужденных в исправительном учреждении Федеральной службы исполнения наказаний» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 26.

питательного органа и приведет к попранию такого принципа уголовно-исполнительного законодательства, как демократизм, то есть рассмотрение осужденного не только как объект исправительного воздействия, но и как субъекта такого воздействия.

При этом справедливым будет подход, согласно которому национальная модель тюремной системы отражает основные признаки ее пенитенциарной науки, но вместе с этим (с практической позиции) не равнозначна способу размещения заключенных и буквальному восприятию термина «тюрьма». Так, последний – это «вопрос второстепенный по отношению к вопросу о системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы. Если способ размещения заключенных в конкретном месте лишения свободы лишь косвенно зависит от экономических и политических факторов, то тюремная система связана с ним теснейшим образом»¹. Не случайно в России на протяжении XI–XIX столетий для обозначения места фактического лишения свободы преступника употреблялись различные термины – «тюрьма», «поруб», «темница», «погреб», «острог», «каземат», «яма».² Следовательно, тюремная система поглощала систему размещения заключенных в местах изоляции от общества, зависела от социально-экономического и духовно-политического строя конкретного государства и включала определенные формы, средства и методы воздействия на осужденных с целью их исправления. При этом исправление, при всем многообразии подходов к определению данного термина, в целом воспринималось как насаждение и укрепление альтруистических, социально полезных мотивов (В.В.Пржевальский³), преобразование преступника в безвредную для правопорядка и общества личность (Gross, Ahrens, Röder), «развитие чувства распознавания добра и зла, предостерегающего от возможных нарушений в будущем» (Steltzer).⁴ На основании анализа указанных опреде-

¹ Туманов Г.А. Реакционный характер тюремной политики и тюремоведения в капиталистических странах : лекция. М.: Высшая школа МООП РСФСР, 1965. С. 8.

² Подр.: Нарышкина Н.И. К вопросу о трактовке термина «тюрьма» и о видах тюрем, существовавших в России в XI–XIX веках // Человек: преступление и наказание. 2012. № 2(77). С. 56-59.

³ См.: Пржевальский В.В. Профессор Франц Лист и его основные воззрения на преступление и наказание // Сборник правоведения и общественных знаний : труды юридического общества, состоящего при Императорском московском университете, и его статистического отделения. Том 6. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 л., 28, 1896. С. 106.

⁴ См. в кн.: Фалиев Н.И. Условное осуждение. Новая область его применения. М.: Издание книжного магазина «Правоведение», 1904. С. 24-25. Также см.: Ewing A.C. The Morality of Punishment with some Suggestions for a General Theory of Ethics / With a Foreword by W.D. Ross. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & CO, 1929. P. 13-72. Собственно исправление представляет наполнение соответ-

лений и собственного видения проблемы мы приходим к выводу о наличии нравственной (реформирование духовной сферы преступника, приводящее к сознательной необходимости добропорядочного поведения и уважительного отношения к социально-правовым нормам) и юридической (формирование того понимания, что противоправное поведение крайне невыгодно с позиций неизбежного наступления негативных последствий такого поведения) компонент исправительного воздействия. Тогда как уголовное наказание воспринималось как принудительное правоохранительное средство, заключающееся «во вторжении в сферу правовых благ личности»¹, как нравственно законная мера, необходимая «для осуществления в общезжитии (в государстве) всего возможного в данный момент прогресса, как мера психического противодействия деяниям (то есть устраняющая такое состояние психики преступника, которое угрожает повторным возникновением решимости совершить преступление), недопустимых с точки зрения общих интересов граждан»². Из этого определения усматриваются исправительная и политическая цели наказания, формирование которых началось еще с уголовно-правовой доктрины XIX в. При этом ближайшей целью наказания стала общая превенция, которая при возрастании многофункциональности тюремного заключения несколько изменила форму проявления. Общая превенция социально опасных проявлений стала отражать исправительно-воспитательные механизмы воздействия на преступника на каждом условно выделяемом историческом этапе их применения (религиозная обработка осужденных, каторжный труд, прогрессивная классификация осужденных и т.д.). Карательный эффект тюремного заключения воспринимался через призму функционирования данных механизмов, неизбежные дефекты которых и изменяли форму проявления общей превенции. Постепенное выдавливание (как представляется, этот процесс имел вполне волевой и сознательный характер) из пенитенциарной сферы издержек и «перегибов» тюремной практики приводило к поэтапному элиминированию превосходства общей превенции над специальным предупреждением

ствующей теории наказания, которых всего в мировой уголовно-правовой мысли насчитывается более ста разновидностей, например теория божественного возмездия, теория устрашения, теория психического принуждения Фейербаха, утилитарная теория Бентама, теория диалектического возмездия Гегеля, теория нравственного возмездия Канта, теория общего предостережения Бауера, теории Росси, Бернера и др., сочетающие принципы воздаяния и полезности.

¹ Жижиленко А.А. Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных средств. Петроград: Типография «Правда», Разъезжая, 16-18, 1914. С. 62.

² Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права (Общая часть уголовного права). М.: Изд-е А.А. Карцева, 1912. С. 77, 114-115.

ем. Данная тенденция осуществлялась на фоне научно обоснованного и криминологически значимого появления различных типов преступников и причин преступного поведения, приводила к настоящему и отчетливому проявлению цели специального предупреждения (в частности, появление борстальских тюремных заведений для несовершеннолетних, института пробации, превентивного тюремного заключения).¹

Ретроспективное исследование систем тюремного заключения приводит к выводу о том, что заключение в исправительное учреждение с одновременной изоляцией преступника от общества «как в более суровой, так и в более мягкой форме, сделалось центром существующих карательных систем и до сих пор удерживает это положение»². Данный вывод объясняется высоким карательным (репрессивным) эффектом тюремного заключения, способного лишать человека одного из его главных благ – физической (нередко и духовной) свободы, а также возможностью в рамках лишения свободы применения широкой гаммы средств и методов воздействия на преступника. Так, М.Н. Галкин в свое время указывал на то обстоятельство, что данное наказание «может быть применяемо с самою разнообразною продолжительностью и строгостью, смотря по преступности и развитию каждого, и которое имеет еще то преимущество, что дает наибольшую возможность исправить преступника»³. Н.Д. Сергеевский отмечал преимущество тюремного заключения перед всеми другими видами наказаний в силу его «постепенности» и «делимости», «устранения излишних мучений» и «хорошего влияния на преступника». По мнению ученого, наказание в виде тюремного заключения вполне соответствует положению личности гражданина в современном государстве и современной общественной нравственности, поэтому оно «заслонило собою и смертную казнь, и наказания телесные, и наказания, направляющиеся на честь, и, наконец, все другие формы лишения свободы. Необходимость специальных работ и исследований по вопросу об организации наказания лишением свободы вызвало выделение этой части учения о наказаниях в особую науку, *тюрьмоведение*, как систему специальных знаний о наилуч-

¹ Подпр.: Тепляшин П.В. Становление и развитие теории специального предупреждения (частной превенции) преступности в контексте социально-правовой гармонизации тюремного заключения // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2007. № 3-4 (2). С. 10-14.

² Чубинский М.П. Курс уголовной политики. Ярославль: Типография губернского правления, 1909. С. 429.

³ Галкин М.Н. Материалы к изучению тюремного вопроса. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1868. С. 8-9.

шей организации тюремного лишения свободы»¹. Наука тюремоведения все более однозначно приходила к становившемуся непреложным выводу о том, что тюремное заключение в сравнении с иными наказаниями обладает наиболее широким спектром средств исправления, а рациональная организация тюремного дела позволит перевести в ранг исправившихся большую часть преступников. Не случайно известный английский исследователь проблем наказания Л. Фокс указывает на то, что впервые функции исправления осужденного были введены в тюрьмах.² В результате развития карательной деятельности того или иного государства на философской, социально-этической и правовой основе создавались разнообразные теории наказания и это приводило к формированию специфической отрасли знания – пенологии.³ Поэтому тюремоведение непреложно выступило универсальной площадкой научных исследований «наказания как средства для борьбы с преступлением... наказания в его внешнем, фактическом применении и его внутреннем, выводимом из фактов, действий»⁴, то есть самостоятельным направлением уголовной политики, получившим теоретическое обоснование и закрепление представителями социологической школы уголовного права, в частности Францем фон Листом.

В процессе становления различных моделей тюремного заключения выработался перечень основных требований к должному функционированию любой пенитенциарной системы, или, как указывает Мишель Фуко, «семь универсальных максим хорошего «пенитенциарного состояния»: 1) реформирование поведения заключенного преступника (исправление); 2) распределение заключенных в зависимости от правовой характеристики совершенного деяния; 3) изменение характера исправительного воздействия в зависимости от достигнутых результатов в преобразовании их поведения; 4) воспитание осужденных путем религиозного и педагогического воздействия, общего и профессионального обучения; 5) труд осужденных должен выступать главным средством реформирования и постепенной социализации преступника; 6) контроль тюремного режима со

¹ Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право : пособие к лекциям. СПб.: Типография Х.Ш. Гельперн, 1890. С.191.

² Fox L.W. The English Prison and Borstal Systems. London: Routledge&Kegan Paul Limited, 1952. P. 24.

³ См.: Ривман Д.В., Смирнов Л.Б. Возникновение и развитие пенологии и пенитенциарной науки // Предпринимательство в России: опыт, проблемы, уроки : материалы межрегиональной научно-практической конференции (19 апреля 2001 года). Ч. II. СПб.: Институт внешнеэкономических связей, экономики и права, 2001. С. 47; Смирнов Л.Б. Возникновение и развитие пенологии // История государства и права. 2003. № 4. С. 8-10.

⁴ Пржевальский В.В. Указ. соч. С. 79.

стороны специального персонала; 7) содействие заключенным вплоть до их полной реадaptации.¹ При определенной интерпретации данных требований отступление от них не позволяли умалять и дискредитировать наказание в виде тюремного заключения.

Так, на протяжении XIX в. «места лишения свободы представлялись чем-то желательным для их обитателей, которые в настоящее время в суровую зиму, по очевидной и крайне опасной несправедливости, становятся предметом зависти для честного, бедного земледельца, прозябающего в своей хижине или даже для честного работника, еле укрывающегося от холода в бедном жилище»². Также по этому поводу М. Фуко как нельзя лучше замечает: «Ирония, с какой судья пытается окружить недисциплинированность величием закона, и дерзость, с какой обвиняемый возвращает её в число фундаментальных прав человека, создают показательную сцену для уголовного правосудия»³. Законодательные предписания более страдали не от совокупности преступных посягательств, но в результате несоответствия «духа закона» социальным условиям. Ответная карательная реакция государства, в основе которой лежало наказание с его исправительной сутью, зачастую оказывалась малоэффективной, если не бесполезной, перед лицом тех преступлений, которые совершались, по существу, на почве стремления человека к удовлетворению своих естественных потребностей (пища, кров и т.п.) в силу врожденных свойств человека к борьбе за свое существование. Следовательно, перед наказанием ставилась задача исправления не самого «преступника», но фактически реформирование всего общества с его экономическими недостатками и лакунами в процессе цивилизованного развития. Данная ситуация представляла сердцевину проблемы эффективного наказания в XIX столетии.

Наказание в виде тюремного заключения необходимо воспринимать с учетом вышеотмеченного обстоятельства. Более того, реформаторам и ученым было сложно добиться понимания смысла данного наказания (масштабов, глубины карательного воздействия, продолжительности) как меры средней между смертной казнью и наказаниями, не связанными с изоляцией от общества. По сути, единообразность тюремного заключения за различные по степени тяжести и характеру преступления длительное время приводила к представлению о бессмысленной аллегории: «одно единственное лекарство от всех болезней». Данный образ «разбивал» многие, в принци-

¹ См.: Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова ; под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. С. 393-396.

² Ферри Э. Уголовная социология: в 2 ч. Ч. 2 / пер. с 5 французского издания 1905 г. ; под ред. С.В. Познышева. М.: Тип. М. Саблина, 1908. С. 373.

³ Фуко М. Указ. соч. С. 427.

пе, прогрессивные идеи, препятствовал их воплощению в жизнь. Однако достаточно быстро данное препятствие было преодолено с помощью карательно-исправительного феномена тюремного заключения в совокупности с прогрессивной системой исполнения наказания.¹ В контексте сказанного будет уместно привести слова известного русского ученого-юриста С.В. Познышева, указывающего, что «в конце XVIII столетия явственно обозначился переход к новой эпохе в развитии карательной деятельности, к эпохе, отмеченной вымиранием тех карательных мер, которые господствовали в старинных законодательствах. В это время и в литературе, и в общественном мнении возникло новое гуманное течение, настойчиво требовавшее уничтожения некоторых кровавых форм уголовной репрессии, восставшее вообще против жестокости наказаний и проводившее иной уже взгляд на преступление и преступника»².

Более того, происходит постепенное изменение общих представлений о телесных наказаниях, в том числе калечащих, возвышение исправительной идеи наказания и роли тюремного заключения, что образно описал М. Фуко: «Следует или вовсе не касаться тела, или касаться его как можно меньше, причем не ради самого тела. Возразят: тюрьма, лишение свободы, принудительные работы, каторга, запрет на проживание в определенных местах, высылка – занимавшие столь важное место в уголовно-правовых системах нового времени – являются физическими наказаниями; в отличие от взысканий, например, они воздействуют непосредственно на тело. Однако ... тело служит теперь своего рода орудием или посредником: если на него воздействуют тюремным заключением или принудительным трудом, то единственно для того, чтобы лишить индивида свободы, которая считается его правом и собственностью. В соответствии с такой уголовно-исполнительной системой тело окружается целой системой принуждений и лишений, обязанностей и запретов. Физическое страдание, собственно телесная боль больше не являются составными элементами наказания. Перестав быть искусством причинения невыносимых страданий, наказание становится экономией приостановленных прав»³. Можно заключить, что история исправительного наказания, в том числе в виде тюремного заключения, отталкивается от моральных идей и гуманистических

¹ Хотя имеются и противоположные точки зрения. В частности, В.В. Оксамытный указывает на то обстоятельство, что в XIX столетии в частности в Англии в качестве конечной цели наказания в виде тюремного заключения выступало устрашение. См.: Оксамытный В.В. Система уголовных наказаний в Англии. Киев: Наукова думка, 1977. С. 20.

² Познышев С.В. Указ. соч. С. 81.

³ Фуко М. Указ. соч. С. 18.

тенденций.¹ Ведь, как справедливо отмечает В.И. Алексеев, функция изоляции арестантов до 1879 г. (в дореформенный период) представляет собой физическое или телесное страдание.² Затем в условиях реформы «прослеживается явная тенденция индивидуализации наказания заключенных с учетом особенностей личности и социальных обстоятельств, гуманизации обращения, направленной на минимизацию возможных страданий, причиняемых осужденному, особенно при исполнении наказания в виде одиночного заключения»³. Следовательно, попытка положить тюремную модель гуманного обращения с осужденными в основу пенитенциарной практики имела место в период русской реформы пенитенциарной системы (начиная с 1879 г.). После 1917 г. произошло фактическое формирование лагерной модели обращения с осужденными, которая была нацелена на интернирование иностранных граждан и представителей ранее господствующих классов.⁴ Проводится негативно-обличительная критика тюремной политики капиталистических стран со стороны зарождающейся советской пенитенциарной теории. Например, известные советские пенитенциаристы Е.Г. Ширвиндт и Б.С. Утевский указывают на исключительно классовый характер, отсутствие открытости для публики и реального исправительно-воспитательного эффекта тюремного заключения и «мучительные условия» содержания в тюрьме.⁵

С образованием в апреле 1919 г. лагерей принудительных работ постепенно стала трансформировать и модель размещения осужденных.⁶ Так, «система исполнения уголовного наказания в виде исправительно-трудовых лагерей превратилась со временем в мощный лагерно-промышленный комплекс, игравший значительную роль в экономической и политической жизни страны»⁷. В результате в со-

¹ Подр.: Тепляшин П.В. Истоки и развитие английского тюрьмоведения: монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2005. С.18-32.

² См.: Алексеев В.И. Тюремный режим в механизме правового регулирования (1879-1917 гг.) // Российский следователь. 2011. № 11. С. 36.

³ Алексеев В.И. Указ. соч. С. 36.

⁴ См.: Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века: учебник для вузов / под ред. А.И. Зубкова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство НОРМА, 2003. С. 274.

⁵ См.: Ширвиндт Е.Г., Утевский Б.С. Советское пенитенциарное право. М.: Юриздат., 1927. С. 11-13, 20, 28-29, 40, 44-45.

⁶ При этом, данное отношение к роли труда осужденных в местах лишения свободы имело место и в пенитенциарной науке европейских социалистических государств. См.: Леленталь С., Вежбицкий П. Исполнение наказания в виде лишения свободы в европейских социалистических государствах : пер. с польск. / предисл. и отв. ред. Н.А. Стручков. М.: Юрид. лит., 1978. С. 76-87, 156.

⁷ Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918-1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Наука; Ин-т рос. истории РАН, 2006. С. 10.

ветский период прочно укоренилась коллективная модель обращения с осужденными, которая не только закрепила меры исправительно-трудового воздействия, но и постепенно видоизменила психолого-педагогические приемы работы с осужденными. Как отмечает В.А. Уткин, с принятием ИТК РСФСР 1924 г. «законодательные основы применения мер исправительно-трудового воздействия в полной мере распространяются на всех лишенных свободы. Вместо реформаториев и земледельческих колоний в системе ИТУ создаются трудовые колонии сельскохозяйственного, ремесленного и фабричного типов»¹. Более того, внедрение прогрессивной системы исполнения лишения свободы потребовало создание «колонийской» системы размещения осужденных, поскольку одним из основных показателей исправления осужденных, необходимый для его перевода из одних условий отбывания наказания в другие, выступал труд осужденных, повсеместная реализация которого в советский период была возможна только в трудовых колониях, исправительно-трудовых лагерях и иных аналогичных исправительных учреждениях. В специальных исследованиях указывается, что основным отличием формирующейся прогрессивной системы от английской выступало отсутствие единого начального одиночного заключения.² Как представляется, это можно объяснить не только экономическими особенностями, состоящими в более высокой стоимости содержания осужденных в тюрьмах, но и нецелесообразностью организации в советский период труда заключенных в тюрьмах.

Самобытность и даже уникальность уголовно-исполнительной системы России состоит именно в идее сочетания тюремного заключения и коллективного отбывания уголовного наказания.³ В связи с этой гипотезой можно привести мнение А.И. Зубкова, отмечающего, что «доктрина российской пенитенциарной педагогики как раз и базируется на стимулировании законопослушного поведения, на сочетании коллективных и индивидуальных форм воздействия на личность осужденных, на развитии у них трудовой инициативы и заин-

¹ Уткин В.А. Наказание и исправительно-трудовое воздействие. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. С. 28.

² См.: Ткачевский Ю.М. Российская прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. М.: Городец, 2007. С. 45.

³ Не случайно специалистами по истории дореволюционной тюремной системы отмечается, что в «тюрьмах царской России основной формой реализации лишения свободы было тюремно-камерное и тюремное каторжное содержание», отражающее индивидуальный и коллективный подход к осужденному. См.: Гиляров Е.М., Михайличенко А.В. Становление и развитие ИТУ советского государства (1917-1925 гг.) : учебное пособие. Домодедово: ВИПК МВД СССР, 1990. С. 5.

тересованности в достижении общих положительных результатов коллектива»¹.

Исследователи вопроса о достоинствах коллективной формы отбывания наказания отмечают коллективистскую культуру россиян, для которой «становится естественным повседневное, тесное общение ... поощрение взаимной зависимости, чувство локтя, потребность в идентификации, ожидание помощи. Именно эти особенности коллективистского типа культуры всего общества легли в основу принципа организации исправительной системы России. Реализуя их на практике, основной заботой государства было, наряду с обеспечением безопасности и условий содержания осужденных, направить усилия на воспитательную и психолого-педагогическую работу с ними именно в рамках коллективных форм»². При этом «уголовно-исполнительная система не может измениться сама по себе, в отрыве от общества в целом»³. Видные советские пенитенциаристы И.В. Шмаров и М.П. Мелентьев отмечали, что в тюрьмах не могут быть созданы необходимые предпосылки для эффективного применения политико-воспитательной работы с осужденными, их трудового воспитания, общеобразовательного и профессионально-технического обучения.

Также известна позиция обличения тюремной модели размещения осужденных с точки зрения эскалации капиталистических отношений, при которой тюрьма, и в частности одиночное заключение, выполняли обеспечительную, но не подлинно исправительную роль успешного роста трудовой эксплуатации, склоняя трудящихся к покорности и извлекая из их труда экономическую выгоду. Так, С.Я. Булатов отмечает, что содержание исправительного воздействия, «принимającego в действительности буржуазной тюрьмы неизбежно форму «донимающего исправления», определяется не теоретическими построениями буржуазных тюремоведов и не либеральными лозунгами идеологов буржуазной тюрьмы, а классовой природой буржуазного государства, объективными закономерностями

¹ Зубков А.И. Основные направления развития пенитенциарного законодательства и практика его реализации в истории России и в современный период // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2007. № 1. С. 7. Влияние коллективной и индивидуальной форм отбывания лишения свободы выступало предметом анализа и 40 лет назад. См.: Михлин, А. С. Личность осужденных к лишению свободы и проблемы их исправления и перевоспитания : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М.: Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1974.

² Багреева Е.В. Историко-сравнительный анализ психологической практики в пенитенциарных учреждениях скандинавских стран : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань: Научно-исследовательский институт ФСИН России, 2006. С. 14.

³ Калинин Ю.И. Пенитенциарная система России: прошлое, настоящее, будущее : лекция. Лондон: Кингс Колледж Лондонского университета, 2002. С. 7.

классовой борьбы. Буржуазное государство, как всякое эксплуататорское государство, покоится на системе подавления большинства населения эксплуататорским меньшинством. Исправленным в таком государстве считается только тот преступник, который подавлен настолько, что в нем сломлена воля, притупилось совершенно сознание и понимание своего классового положения, уничтожена способность к сопротивлению... Истязание преступника надо было перенести в глухие камеры тюрьмы. пытки, ломание костей и пускание крови пришлось бы заменить невидной и незаметной "работой", которая ломала бы не кости, а психику заключенного. Буржуазные тюремщики изобрели, а теоретики-тюрьмоведы и законодательство санкционировали различные методы такого верно действующего подавления психики. Наряду с одиночным заключением, правилами молчания и религиозным одурманиванием стали применять обязательное ношение форменной уродливой и унижающей человеческое достоинство арестантской одежды...»¹.

Вместе с тем смена пенологических ожиданий и влияние на уголовно-исполнительное право интеграции правовых систем привели к реформированию отечественной уголовно-исполнительной системы. Так, если основные предпосылки реформы отечественной пенитенциарной системы, стартовавшей в 1988 г., были обусловлены «перестройкой всех сфер общественной жизни. Важнейшими внешними предпосылками её преобразования явились демократизация, гласность, экономическая, политическая и правовая реформы...рост противоправных действий массового характера, резкое обострение ситуации в местах лишения свободы»², то современная реформа пенитенциарной системы фактически связана с переходом от «колонийско-отрядной» к «тюремно-покамерной» модели размещения осужденных, которая отражает европейские особенности организации пенитенциарных систем.

В соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года «современное реформирование системы учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, предполагает изменение видов исправительных учреждений для содержания осужденных в местах лишения свободы

¹ Булатов С.Я. Лишение свободы в буржуазной уголовной политике // Тюрьма капиталистических стран: сборник статей / под ред. А.Я. Вышинского. М.: Советское законодательство, 1937. С. 10-11. Также см.: Граднауэр Г. Характеристика карательной системы // Уголовное право и социализм : сборник статей / пер. под ред. и с предисл. М.Н. Гернета. М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1908. С. 130-136, 151, 154-159.

² Зубарев С.М. Правовое обеспечение реформы уголовно-исполнительной системы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Академия управления МВД России, 1999. С. 12-13.

с фактическим прекращением их коллективного содержания, постоянного пребывания осужденных в состоянии стресса, обусловленного необходимостью лавирования между требованиями администрации и основной массы осужденных». При этом мнения о необходимости перехода к тюремной системе лишения свободы и покамерному размещению осужденных наиболее активно стали высказываться в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого столетия, то есть в условиях фактической модернизации правовой системы Российской Федерации и обращения к европейским стандартам в области обращения с осужденными. Так, А.Ф. Сизый настаивал на том, что покамерное «содержание осужденных должно стать основным, что может исключить случаи глумления и издевательства осужденных друг над другом, защитить их честь и достоинство»¹. Подобной позиции придерживался и В.А. Фефелов.² Данные вопросы, по сути, остались неразрешенными и по настоящее время. И сегодня достаточно остро встала проблема гармоничного сочетания идеи коллективного отбывания наказания и покамерной модели обращения с осужденными.

Так, с одной стороны, известное отрицательное действие идеи коллективного размещения осужденных можно минимизировать путем использования системы дортуаров, то есть размещения осужденных по одному или несколько человек в отдельных помещениях, отгороженных друг от друга перегородками, не прилегающими к потолку и полу на 15-20 см. Такое размещение, с одной стороны, обеспечит их физическую безопасность, с другой – создаст чувство психологического комфорта. Более того, позволит при наименьших финансовых затратах перевести многие исправительные колонии в разряд тюрем (с подобной системой размещения осужденных). Более того, в соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года на втором этапе ее реализации (2013–2016 годы) предусматривается перепрофилирование большей части исправительных учреждений в тюрьмы общего, усиленного и особого режима, что, безусловно, будет связано с решением сложнейших организационно-технических и правовых вопросов, включая конкретный тип размещения осужденных.

¹ Сизый А.Ф. К вопросу о концепции совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства // Лишение свободы: виды, содержание, исполнение : материалы заседания координационного бюро ВНИИ МВД СССР по исправительно-трудовому праву. Рязань: РВШ МВД РСФСР, 1991. С. 63.

² См.: Маслихин А.В. Лишение свободы: виды, содержание, исполнение // Лишение свободы: виды, содержание, исполнение: материалы заседания координационного бюро ВНИИ МВД СССР по исправительно-трудовому праву. Рязань: РВШ МВД РСФСР, 1991. С. 10.

Некоторые замечания необходимо отметить и относительно введения такого наказания, как принудительные работы. В специальной литературе отмечается значительное количество проблем, связанных с юридической природой данного уголовного наказания, введенного Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹. В частности, указывается на соединение в данном наказании разных уголовно-правовых институтов, а именно сближение принудительных работ с исправительными работами по признаку удержания из заработной платы осужденного в доход государства от 5% до 20%, с ограничением свободы, поскольку при определенных условиях возможно проживание с семьей, но в условиях фактического ограничения свободы передвижения.² Е. Благов отмечает «несамостоятельность» данного наказания и фактическую, но не совсем удачную трансформацию принудительных работ из условного осуждения, что привело к ряду проблем как уголовно-правового, так и уголовно-исполнительного характера.³ Такое свойство принудительных работ, как альтернативность лишению свободы и соотношение «один к одному» при определении сроков наказаний согласно ст. 71 УК РФ приводят к значительному нивелированию отличий между данными наказаниями, особенно если говорить об отбывании лишения свободы в таком виде исправительного учреждения, как колония-поселение, где степень карательных притязаний к осужденному даже меньше, чем в исправительном центре.

Вместе с тем гармоничное сочетание практики применения принудительных работ с европейским пенологическим опытом, задаваемое объективными процессами интеграции правовых систем, приводит к критическому анализу данного уголовного наказания через призму категорий «свобода» и «труд». Так, согласно ст. 2 Конвенции № 29 Международной организации труда от 28 июня 1930 года «Относительно принудительного или обязательного труда»⁴, ратифицированной СССР 4 июня 1956 г.⁵, труд носит принудитель-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 50, ст. 7362.

² См.: Крылова Н. К вопросу о гармонизации и гуманизации уголовного закона // Уголовное право. 2011. № 6. С. 32-33.

³ Благов Е. Принудительные работы // Уголовное право. 2012. № 2. С. 15-18.

⁴ Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1919-1956. Т. I. Женева: Международное бюро труда, 1991. С. 197-208.

⁵ О ратификации Конвенций Международной организации труда № 29 от 28 июня 1930 г. относительно принудительного ли обязательного труда и № 47 от 22 июня 1935 г. о сокращении рабочего времени до сорока часов в неделю : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1956 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1956. № 12, ст. 253.

ный характер в силу отсутствия добровольности выполнения каких-либо работ. Более того, в соответствии с п. «b» ст. 1 Конвенции № 105 Международной организации труда от 25 июня 1957 г. «Об упразднении принудительного труда»¹, ратифицированной Российской Федерацией в 1998 г.², одной из форм принудительного труда является его использование в качестве метода мобилизации и использование рабочей силы для нужд экономического развития. Однако зачастую можно услышать мнение о том, что на принудительные работы также возлагается надежда, например, в строительстве автомобильных дорог на Дальнем Востоке и железнодорожных путей до Магадана и Чукотки.³ Однако направление осужденных в конкретные места строительства и регионы, в которых испытывается недостаток рабочей силы, как раз выступает своеобразным методом мобилизации рабочей силы и её использование для нужд экономического развития. При этом могут возникнуть проблемы с организацией санитарно-бытовых, медико-социальных и иных условий пребывания осужденных к принудительным работам в исправительных центрах. В современную эпоху от осужденных потребуются квалифицированные навыки выполнения определенного вида работ, что также потребует предварительной переподготовки или повышения квалификации осужденных либо создаст объективный дефицит в квалифицированной рабочей силе.

В этой связи можно привести опыт применения принудительных работ в 1928–1934 гг. Так, в отдельных регионах РСФСР в 1928 г. не исполнялись от 20% до 50% приговоров о назначении принудительных работ по причине неудовлетворительного состояния здоровья осужденных, невозможности организовать исполнение данного наказания в сельской местности и нехватки квалифицированных работников.⁴ Ситуация была исправлена путем издания специального циркуляра № 5 НКЮ РСФСР от 14 января 1929 г. «О реальном применении Закона от 21/V-28 г. о принудительных работах», в котором указывалось на возможность направления лиц, возглавлявших административные отделы в порядке судебного приговора, на принудительные работы в случае, если они «не будут исполнять распоряжения центрального правительства»⁵. Очевидно, что

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 50, ст. 4649

² О ратификации Конвенции об упразднении принудительного труда : Федеральный закон от 23 марта 1998 г. № 35-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 12, ст. 148.

³ URL: <http://www.yurist-online.net/article/19>.

⁴ Мигущенко О.Н. Применение меры социальной защиты «принудительные работы» в 1928-1934 гг. // История государства и права. 2009. № 22. С. 37-39.

⁵ См.: Мигущенко О.Н. Указ. соч. С. 39.

в настоящее время принятие подобных мер, направленных на повышение эффективности исполнения уголовных наказаний, недопустимо. Поэтому необходимо совершенствовать содержание уголовно-правовой регламентации уголовного наказания в виде принудительных работ, которая должна гармонизировать с социально-экономическими возможностями государства и международными стандартами в области прав человека, а также учитывать исторический опыт применения алогичных уголовных наказаний.

Принудительный труд заключается не только в применении к принуждаемому насилия либо наказания, но и в выполнении работ на безвозмездной или иначе неоплачиваемой основе, поэтому в ряде европейских государств, в частности во Франции, для применения неоплачиваемых общественно-полезных работ необходимо согласие самого подсудимого.¹ Согласно ч. 5 ст. 53.1 УК РФ из заработной платы осужденного к принудительным работам производятся удержания в доход государства в размере, установленном приговором суда, и в пределах от 5% до 20%. Соответственно, в целях гармоничного сочетания данного наказания с требованиями международных требований в области труда и зарубежного опыта использования труда осужденных целесообразно переименовать данное наказание, назвав его «Содержание в исправительном центре». Также необходимо закрепить принцип добровольности осужденного на применение к нему данного наказания как альтернативы лишению свободы, а следовательно, и согласие осужденного на ограничение его некоторых трудовых прав и адекватности оплаты труда. Интересно заметить, что законодатель в иных уголовно-правовых институтах использует принцип добровольности. В частности, отсрочка отбывания наказания больным наркоманией, предусмотренная ст. 82.1 УК РФ, так же как и принудительные работы, по юридической природе выступает альтернативным правовым институтом. При данной отсрочке осужденному к лишению свободы, признанному больным наркоманией, предлагается пройти курс лечения от наркомании и медико-социальную реабилитацию только в случае изъявления добровольного желания. Данная мера уголовно-правового характера не ущемляет прав осужденного, признанного больным наркоманией, и альтернатива лишению свободы носит добровольный характер, что нельзя сказать о принудительных работах, при которых перспектива ограничения трудовых прав осужденного не зависит от его волеизъявления. Таким образом, обнаруживается дисгармония между юридической природой принудительных работ и цивилизованной прак-

¹ См.: Крылова Н. Указ. соч. С. 33.

тикой использования труда осужденных, которую возможно устранить посредством предлагаемых корректив.

На этом основании предлагаем наименование ст. 53.1 УК РФ, а также соответствующих статей УИК РФ и подзаконных правовых актов, регламентирующих порядок исполнения данного наказания, заменить на следующее: «Содержание в исправительном центре». В ч. 2 ст. 53.1 УК РФ после слов «заменить осужденному» добавить слова «изъявившему желание добровольно отбыть наказание в виде содержания в исправительном центре».

В рамках проводимой реформы уголовно-исполнительной системы необходимо постулировать усиление концепции «контроля» не только в сфере исполнения уголовных наказаний, но и в области постпенитенциарного воздействия, модель которого в редакции Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»¹, как представляется, отражает отход пенологической практики от «идеала реабилитации» к концепции «контроля».

В соответствии со ст. 1 закона административный надзор – это осуществляемое органами внутренних дел наблюдение за соблюдением лицом, освобожденным из мест лишения свободы, установленных судом в соответствии с указанным Федеральным законом временных ограничений его прав и свобод, а также за выполнением им обязанностей, им предусмотренных. Административное ограничение представляет собой временное ограничение прав и свобод лица, освобожденного из мест лишения свободы, установленное судом в соответствии с законом.

Как представляется, «реанимация» института административного надзора отражает не только очевидное усиление концепции «контроля» в правовой системе России, но и является вполне необходимой и своевременной мерой. Однако законодательная регламентация данного института имеет ряд недостатков, не позволяющих закрепить прочную функциональную связь между поведением осужденного в исправительном учреждении и объемом ограничительных притязаний государства после его освобождения, как следствие – снижающих предупредительный эффект административного надзора.

Согласно ст. 3 Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» административный надзор устанавливается судом в отношении совершеннолетнего лица, освобождаемого или освобожденного из мест лишения свободы и имеющего непогашенную либо неснятую судимость, за совершение: 1) тяжкого или особо тяжкого преступления;

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 15, ст. 2037.

2) преступления при рецидиве преступлений; 3) умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего. Необходимо отметить, что первых два основания отражают сущность административного надзора, поскольку именно «общественная опасность личности, сохраняющаяся у некоторой части лиц, освобожденных от отбывания наказания в виде лишения свободы и выражающаяся в угрозе совершения ими новых преступлений» выступает основанием установления административного надзора.¹ Третье основание отражает особенности определенного вида преступности и показывает особые социальные потребности его профилактики. В связи с этим можно предположить, что в будущем основания установления административного надзора будут распространяться и на ряд иных преступлений, вызывающих особую тревогу в обществе и нуждающихся в первоочередной профилактике (например, на преступления экстремистского характера).

Важнейшими условиями установления административного надзора в отношении указанных категорий лиц выступают: признание лица в период отбывания наказания в местах лишения свободы злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания либо совершение лицом, отбывшим уголовное наказание в виде лишения свободы и имеющим непогашенную либо неснятую судимость, в течение одного года два и более административных правонарушений против порядка управления и (или) административных правонарушения, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность и (или) на здоровье населения и общественную нравственность. В соответствии с ч. 2 ст. 3 Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» данные условия не распространяются на преступления, совершенные совершеннолетними лицами, освобождаемыми или освобожденными из мест лишения свободы и имеющими непогашенную либо неснятую судимость, за совершение преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего, а также за совершение преступления при опасном или особо опасном рецидиве преступлений.

Вызывает критику слабая степень корреляции между поведением осужденного в исправительном учреждении и содержанием административных ограничений, устанавливаемых при административном надзоре. Единственным уголовно-исполнительным фактором, влияющим на установление административного надзора, вы-

¹ См.: Бондаренко А.С. Основания установления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Правовые вопросы борьбы с преступностью : сборник / под ред. В.Д. Филимонова. Томск: Изд-во ТГУ, 1988. С. 102.

стует признание лица в период отбывания наказания в местах лишения свободы злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания. Как представляется, такой подход законодателя не будет способствовать индивидуализации административных ограничений, которые должны не только иметь общий для всех лиц, подвергаемых административному надзору, характер, но и выступать логическим продолжением процесса правового воздействия на лиц, совершивших преступление. Критика административного надзора, применяемого однотипно ко всем поднадзорным, имела место и в 1980-х гг., когда попытки повысить эффективность данной меры не увенчались успехом. Так, указывалось, что практика применения одних и тех же немногочисленных административных ограничений к осужденным, в отношении которых устанавливался административный надзор, «ведет к нарушению требований закона об индивидуальном подходе к поднадзорным... Такой подход исключает возможности индивидуализации средств административного надзора в процессе его осуществления»¹. Как представляется, подобные проблемы реализации административного надзора будут иметь место и в настоящее время. Метод ретроспективно-сравнительного анализа в данном случае выступает достаточно репрезентативным средством анализа эффективности правового института, поскольку «социально-правовой институт формируется, закрепляется и применяется на основе исторического, так называемого социально-усредненного опыта»².

При институционализации административного надзора следует учитывать грядущие изменения в структуре исправительных учреждений. Вместе с тем его современная редакция мало чем отличается от административного надзора советского периода, базируется на архаичных по своей сути представлениях о характере правового воздействия на лицо, совершившее преступление, не учитывает основных позиций современной реформы уголовно-исполнительной системы.

Соответственно, требуется расширить перечень уголовно-исполнительных оснований установления административного надзора. В частности, с учетом планируемого разделения исправительных учреждений на два основных вида – тюрьмы и колонии-поселения следует более дифференцированно подойти к административным ограничениям, устанавливаемым в отношении лиц освобождаемых из

¹ Уткин В.А. Применение дополнительных ограничений при административном надзоре и некоторые вопросы его совершенствования // Актуальные проблемы государства и права на современном этапе : сборник статей / отв.ред. В.Ф. Волович. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1985. С. 211.

² Уткин В.А. Мера исправительно-трудового воздействия // Актуальные вопросы правоведения в период совершенствования социалистического общества : сборник статей / отв. ред. В.Ф. Волович. Томск: Изд-во Томского университета, 1988. С. 171.

мест лишения свободы. При этом видится достаточно обоснованным обязательное установление административного надзора в отношении лиц, освобождаемых из тюрем (как особого, так и усиленного и общего режимов), поскольку в этот вид исправительного учреждения предположительно будут направляться лица, осужденные за тяжкие и особо тяжкие преступления либо при рецидиве преступлений. Вместе с тем административный надзор не следует устанавливать в отношении лиц, переведенных из тюрьмы в колонию-поселение в порядке поощрения позитивного поведения осужденных, вставших на путь исправления. Кроме того, представляется целесообразным установление тех или иных ограничений при административном надзоре пропорционально поведению осужденного в местах лишения свободы. В частности, суду при установлении административного надзора следует учитывать, с каких условий отбывания наказания освободился осужденный – обычных или облегченных, что должно приводить к соответствующему дозированию ограничений, налагаемых на поднадзорного. На строгих условиях отбывают наказание злостные нарушители порядка отбывания наказания, что автоматически выступает условием установления административного надзора.

Как представляется, в отечественной практике реализации концепции «контроля» можно говорить о некоторых случаях её гипертрофированного проявления. В частности, административный надзор может быть установлен не только после отбывания осужденным лишения свободы, но и после отбывания ограничения свободы как дополнительного наказания, которое может быть назначено на срок от шести месяцев до двух лет. Так, ч. 3 ст. 47.1 УИК РФ предписывает сначала осужденного, которому ограничение свободы назначено в качестве дополнительного наказания, освободить из исправительного учреждения после отбытия лишения свободы, назначенного в качестве основного наказания, а лишь затем направлять к месту жительства для дальнейшего отбывания ограничения свободы. В свою очередь ч. 1.1 ст. 54 УИК РФ регламентирует, что в случаях, когда осужденный, отбывающий наказание в виде ограничения свободы, назначенное в качестве дополнительного вида наказания, или при замене неотбытой части наказания в виде лишения свободы, подлежит административному надзору в соответствии с законодательством Российской Федерации, уголовно-исполнительная инспекция не позднее чем за два месяца до истечения срока отбывания ограничения свободы информирует орган внутренних дел по месту жительства или пребывания осужденного об истечении такого срока.

При этом перечень ограничений назначенного в качестве дополнительного наказания ограничения свободы по многим позициями сопоставим с административными ограничениями, устанавливаемыми при административном надзоре. Согласно ч. 1 ст. 53 УК РФ

при назначении ограничения свободы судом могут быть установлены следующие ограничения: не уходить из дома (квартиры, иного жилища) в определенное время суток, не посещать определенные места, расположенные в пределах территории соответствующего муниципального образования, не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования, не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в указанных мероприятиях, не изменять место жительства или пребывания, место работы и (или) учебы без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы. При этом суд возлагает на осужденного обязанность являться в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, от одного до четырех раз в месяц для регистрации.

В соответствии с ч. 1 ст. 4 Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» устанавливает следующие административные ограничения, устанавливаемые при административном надзоре:

- 1) запрещение пребывания в определенных местах;
- 2) запрещение посещения мест проведения массовых и иных мероприятий и участия в указанных мероприятиях;
- 3) запрещение пребывания вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства либо пребывания поднадзорного лица, в определенное время суток;
- 4) запрещение выезда за установленные судом пределы территории;
- 5) обязательная явка от одного до четырех раз в месяц в орган внутренних дел по месту жительства или пребывания для регистрации.

Сопоставительный анализ указанных уголовно-правовых и административных ограничений показывает их фактическое тождество. Более того, основным карательным элементом режимов ограничения свободы и административного надзора выступает запрет на оставление дома (квартиры, иного жилища) либо иначе – запрет на пребывание вне жилого или иного помещения в определенное время суток. При этом обращение к практике исполнения административного надзора в советский период показывает, что в абсолютном большинстве к уголовной ответственности по ст. 198² УК РСФСР «Злостное нарушение правил административного надзора» привлекались лица, нарушавшие ограничение, предусмотренное п. «а» (запрещение ухода из дома (квартиры) в определенное время) ст. 3 Положения об административном надзоре органов внутренних дел за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

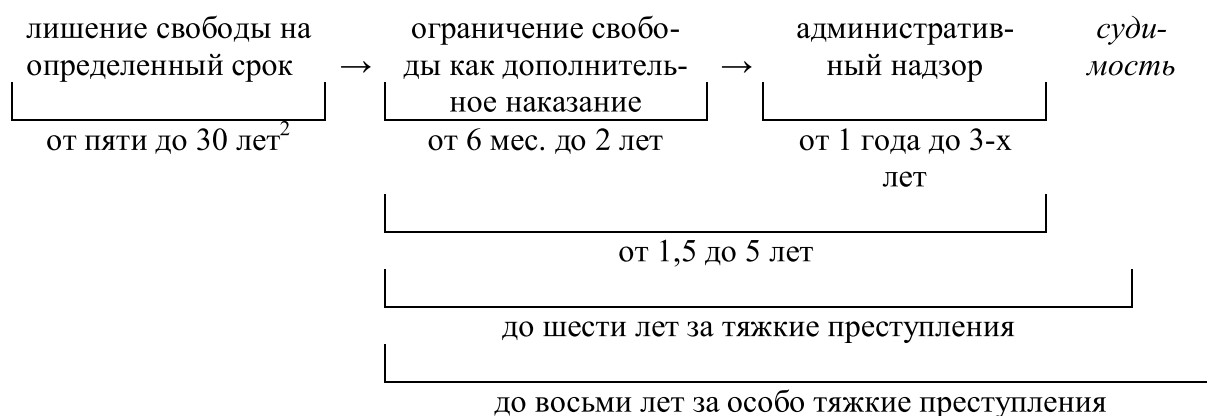
денными из мест лишения свободы, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. № 5364-VI.¹

Следовательно, при последовательном применении ограничения свободы и административного надзора происходит пролонгация фактических и юридических ограничений только под другим наименованием и со сменой контролирующих субъектов. Причем продолжительность административного надзора превышает продолжительность ограничения свободы как дополнительного наказания и в соответствии со ст. 5 Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» может быть установлена от одного года до трех лет либо ограничена сроками погашения судимости. Кроме того, согласно ст. 7 указанного закона административный надзор может быть продлен судом до 6 месяцев в связи с совершением поднадзорным лицом в течение одного года двух и более административных правонарушений против порядка управления и (или) административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность и (или) на здоровье населения и общественную нравственность.

Различие между данными ограничениями только формальное, но не содержательное. Таким образом, законодатель дает возможность реализации дискретной схемы пенитенциарного и постпенитенциарного правового воздействия на лиц, совершивших преступление (см. схему).

Схема

Пенитенциарное и постпенитенциарное стандартное правовое воздействие на лиц, совершивших преступление

¹ Уткин В.А. Применение дополнительных ограничений при административном надзоре и некоторые вопросы его совершенствования // Актуальные проблемы государства и права на современном этапе : сборник статей / отв. ред. В.Ф. Волович. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1985. С. 212.

² При назначении наказания за тяжкое и особо тяжкое преступление и с учетом возможности назначения наказания по совокупности приговоров.

Следовательно, фактическое постпенитенциарное воздействие может достигать пяти лет. В случаях же продления административного надзора доходить до пяти с половиной лет. При этом в случаях приостановления административного надзора сроки так называемой криминологической давности могут выходить далеко за пределы стандартного постпенитенциарного воздействия, ограниченного в основном сроками погашения судимости. Ведь, по существу, административный надзор устанавливается в целях предупреждения рецидива преступлений посредством индивидуальной профилактики.

Следует поддержать мнение Н.В. Щедрина о том, что период, в течение которого тот или иной поступок может быть юридическим основанием применения мер индивидуальной профилактики, и следует считать сроком криминологической давности.¹ Полагаем, что меры индивидуальной профилактики охватывают не только применение административных ограничений при надзоре, но и меры, которые в соответствии с ч. 5 ст. 5 Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» выступают случаями приостановления течения срока административного надзора: объявление поднадзорного лица в розыск, признание поднадзорного лица безвестно отсутствующим, заключение поднадзорного лица под стражу.

Думается, что последовательное применение ограничения свободы (причем назначенного как в качестве основного, так и в качестве дополнительного наказания), а затем административного надзора не только в сугубо правовом смысле «размывает» границы между уголовно-правовыми и административно-правовыми мерами, но и нецелесообразно с социальных позиций, поскольку либо создаст объективные трудности в социальной адаптации (например, значительно затруднит поиск работы, трудоустройство, включая работу вахтовым методом или в ночное время суток), либо автоматически превратит лицо в злостного нарушителя порядка отбывания ограничения свободы или нахождения под административным надзором (например, в случае отсутствия места жительства последнего) с последующим осуждением по ч. 1 ст. 314 УК РФ или ст. 314.1 УК РФ соответственно. На этом основании представляется излишним установление административного надзора в отношении лиц, которым назначено наказание в виде ограничения свободы.

Изложенное свидетельствует о сложности и неоднозначности проводимой реформы уголовно-исполнительной системы России, которая рискует остаться во власти стихийных процессов заимство-

¹ Щедрин Н.В. Основания применения индивидуально-профилактических мер к освобожденным из ВТК // Правовые вопросы борьбы с преступностью : сборник / под ред. В.Д. Филимонова. Томск: Издательство ТГУ, 1988. С. 110.

вания зарубежных пенитенциарных эталонов и сплошных экспериментов. Без гармоничной системы уголовных наказаний, направленного применения исправительного воздействия, основанного на комплексной реализации всех средств исправления, закрепленных в ч. 2 ст. 9 УИК РФ, расширения судебного компонента в механизме регулирования уголовно-исполнительных отношений и диспозитивных основ уголовно-исполнительного законодательства, создания программ индивидуального обращения с осужденными результаты такой реформы не будут иметь скорого эффекта профилактического воздействия на преступность.

3.2. Индивидуальная программа отбывания лишения свободы: перспективы реализации в уголовно-исполнительном законодательстве и зарубежный опыт

В соответствии с ч. 2 ст. 1 УИК РФ одной из задач уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации выступает охрана прав, свобод и законных интересов осужденных. Следовательно, законные интересы осужденных являются относительно самостоятельным объектом правовой защиты.

Анализ рассматриваемой категории приводит к мысли о том, что потребность в ее использовании обусловлена необходимостью отражения в законодательстве фактически складывающихся общественных отношений и расширения арсенала юридических средств воздействия на поведение субъектов. Однако думается, что закрепление данной категории в уголовно-исполнительном законодательстве больше носит декларативный характер, является данью формального закрепления международных стандартов в области прав человека, нежели чем вторит реальным потребностям в повышении исправительного эффекта уголовного наказания. Вероятно, ценностная установка уголовно-исполнительного права в части закрепления важности охраны законного интереса как раз и состоит в возвышении практической значимости законодательства и исправительного воздействия уголовного наказания.

Роль законного интереса в регулировании уголовно-исполнительных отношений заключается в его функциональной направленности. Речь идет в первую очередь о воспитательной и регулятивной функциях, которые, безусловно, тесно взаимосвязаны и поэтому не проявляются в «чистом» виде. Так, стремление осужденного лица к обладанию различными социально-правовыми благами позволяет обнаружить его нравственные потребности и, возможно, степень исправления. Например, предоставление осужденному лицу в соответ-

ствии со ст. 97 УИК РФ возможности краткосрочного выезда за пределы исправительного учреждения имеет высокую воспитательную функцию и предполагает своеобразное «высвечивание» позитивных свойств данной личности через механизм оказания доверия.

Регулятивная функция проявляется в маневрировании законного интереса между диалектическим взаимодействием императивных и диспозитивных начал в праве, публично-правовых и частноправовых юридических конструкций, то есть позволяет в рамках уголовно-исполнительных отношений, являющихся, по сути, императивными, учитывать частные интересы как осужденного, так и администрации учреждения, исполняющего уголовное наказание. Так, предоставление осужденному лицу на основании ст. 96 УИК РФ возможности передвижения без конвоя или сопровождения за пределами исправительного учреждения позволяет учитывать как интересы осужденного лица в обладании им большей свободой в условиях изоляции от общества, так и интересы администрации исправительного учреждения в решении необходимых хозяйственных вопросов.

При этом важно заметить, что общественные отношения, выступающие предметом регулирования публичного и частного права, постоянно находятся в соответствующей динамике. В этом случае приоритет публично-правовым или частноправовым юридическим конструкциям всегда отдавался с учетом характера потребностей общества и государства. Повышение значимости уголовно-исполнительных отношений, основанных на самоответственности субъектов по своим обязательствам и действиям, гарантированной судебной защите, учитывающих расширение свободы волеизъявления лиц, отбывающих наказание, по вопросам санитарно-бытового, медико-гигиенического и адаптационного характера привело к активному использованию частноправовых конструкций в регулировании процесса отбывания уголовного наказания.

Важность законных интересов в уголовно-исполнительных отношениях обусловила постепенное расширение их нормативного закрепления. Не случайно отмечается тенденция «повышения значимости законных интересов как инструмента, раскрывающего свой потенциал в механизме правового регулирования»¹.

¹ Субочев В.В. Установление законных интересов в юридических предписаниях: проблемы правотворческой дефиниции // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы : материалы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21–23 сентября 2006 года) / под ред. В.М. Баранова, П.С. Пацуркивского, Г.О. Матюшкина. Нижний Новгород: Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2007. С. 436.

Однако в уголовно-исполнительном законодательстве отсутствует единообразный подход к отнесению конкретных социально-правовых благ к законным интересам либо субъективным правам и происходит это, по существу, в условиях, когда ценность конкретного блага не может быть охвачена определенной нормой права. В этом случае используется прием декларирования соответствующих социально-правовых ценностей, тогда как их регулирование «выпадает» из-под механизма нормативного воздействия на общественные отношения. В частности, понятие «исправление осужденных» в ч. 1 ст. 9 УИК РФ закреплено как «формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения», а конкретная формализация процесса исправления, по существу, отсутствует. В связи с неспособностью уголовно-исполнительных норм «вплестаться» в фактический процесс исправительного воздействия и абстрагированностью нормативных предписаний от данного процесса в последнее время возрос научно-практический интерес к двум проблемам – понятию исправления осужденных и степеням такого исправления.

Реализация законных интересов и их толкование возложено на правоприменителя, которые в силу систематической практики их применения создают своеобразные прецеденты, отражающие естественно-правовое понимание типичных жизненных ситуаций. Во многих случаях именно имеющийся «удачный» либо «авторитетный» прецедент приобретает руководящий характер для разрешения типичных случаев в дальнейшем. Данный правовой феномен отражает модель правового регулирования, при которой конкретные жизненные ситуации, по существу, не разрешаются нормой права, но регулируются правоприменителем.

Оптимальным проявлением «жизни» законного интереса выступает договор (соглашение, контракт), поскольку каждая из сторон договорного правоотношения действует в соответствии со своими законными устремлениями, ориентируясь лишь на законодательные требования к форме и условиям таких отношений. В связи с этим достаточно конструктивным видится заключение с лицами, осужденными к отбыванию уголовного наказания в виде лишения свободы, своеобразного соглашения, реализуемого в форме индивидуальной программы отбывания наказания.¹ Данная программа позволила бы, во-первых, закрепить соответствующие позиции сторон, опирающиеся на те интересы, которые опосредовать в правовых нормах невозможно, во-вторых, максимально учесть особенности личности осуж-

¹ Образец модели индивидуальной программы отбывания лишения свободы представлена в приложении.

денного лица и, в третьих, предельно персонифицированно закрепить взаимообусловленный порядок отбывания наказания, включающий особенности прав и обязанностей, режима, воспитательной и психологической работы, профессиональной подготовки, труда осужденного, его ресоциализацию. При этом в науке уголовно-исполнительного права уже давно ставится вопрос о закреплении такой цели уголовно-исполнительного законодательства России, как ресоциализация осужденных.¹ Вместе тем необходим механизм достижения данной цели, иначе её постановка окажется очередным декларированием.

Выполнение данной программы должно способствовать повышению профессионально-трудовой компетенции и социального облика осужденного. Так, согласно специальной переписи осужденных 2009 г. из общего числа осужденных, отбывающих лишение свободы, 52,9% до осуждения не учились и не работали, 49,7% вели паразитический образ жизни, не имея трудовых навыков.²

Результаты анкетирования 170 сотрудников ГУ ФСИН России по Красноярскому краю показали, что 65 % опрошенных полагают целесообразным заключать с осужденными, направленными в места лишения свободы, индивидуальную программу отбывания наказания, которая не только явилась бы дополнительным инструментом исправительного воздействия на осужденных и мотивацией их правопослушного поведения, но и облегчила бы решение вопросов соблюдения режима и подготовки осужденных к освобождению.

Определенный интерес представляют результаты анкетирования студентов-юристов. Так, на вопрос: «Можно ли с осужденным, отбывающим лишение свободы, «договориться» о взаимовыгодных правилах поведения посредством заключения между ним и администрацией исправительного учреждения индивидуальной программы отбывания наказания, включающей особенности прав и обязанностей, режима, воспитательной и психологической работы, профессиональной подготовки, труда осужденного, его ресоциализацию, вплоть до предоставления возможности краткосрочных выездов?» – 72% ответили положительно, что показывает перспективу более гибкого подхода к идее исправления осужденного и положительный настрой относительно самой возможности исправления.

Как представляется, рассматриваемая программа достаточно адекватно отражает такую цель уголовно-исполнительного законо-

¹ В частности, см.: Баранов Ю.В. О целях уголовного и уголовно-исполнительного законодательства // Человек: преступление и наказание. 2012. № 1 (76). С. 8-10.

² См.: Характеристика осужденных, отбывающих лишение свободы (по материалам специальной переписи осужденных 2009 г.) Выпуск 1 / науч. ред. В.И. Селиверстов. М.: Юриспруденция, 2010. С. 3.

дательства, как специальная превенция преступности, поскольку основывается на рефлекторном подходе в работе с осужденным. Ведь по мере развития общества даже характер общепредупредительного воздействия будет меняться, как отмечает А.И. Марцев, от мотивационного к рефлекторному¹, при большем предпочтении специальному предупреждению преступности².

Данная программа должна носить добровольный характер для осужденных совершеннолетнего возраста и в случае отказа последнего от её заключения не должна влечь каких-либо негативных последствий. Как справедливо отмечает А.В. Усс, исправительная задача как раз и состоит в том, чтобы привести правонарушителя к подлинной свободе, то есть сделать его способным принимать поведенческие решения со знанием дела.³ Вместе с тем добровольный принцип заключения данной программы может привести к «выпадению» части осужденных из сферы её действия и, соответственно, исправительного воздействия. В этой связи следует опять же согласиться с А.В. Уссом, аргументированно показывающим, что «принудительная помощь взрослому дееспособному человеку может считаться помощью лишь чисто формально ... Нет никаких оснований полагать, что отказ какой-то части лишенных свободы от участия в исправительно-воспитательных программах отрицательно скажется на результатах деятельности уголовно-исправительных учреждений и приведет к росту рецидива»⁴.

Теоретическую основу предлагаемой индивидуальной программы отбывания лишения свободы составляет проект базовой программы исправления лиц, осужденных к лишению свободы, предложенный Ю.А. Алферовым, который включает следующие основные блоки:

- создание комплекса методик психолого-педагогического изучения личности осужденного и апробирование их в целях последующей индивидуализации воспитательной работы;
- составление программы аутотренинга и проверка её эффективности на различных категориях осужденных;
- разработка методических рекомендаций по проведению индивидуальной воспитательной работы;
- консультирование и подготовка персонала исправительного учреждения;

¹ См.: Марцев А.И. Уголовная ответственность и общее предупреждение преступлений. Омск: Омская высшая школа МВД СССР, 1973. С. 53.

² См.: Марцев А.И. Диалектика и вопросы теории уголовного права. Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1990. С. 60.

³ См.: Усс А.В. Социально-интегративная роль уголовного права: монография. Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1993. С. 229-230.

⁴ Там же. С.231.

- осуществление мероприятий по снятию негативных психических состояний у осужденных;
- формирование психологической готовности к жизни на свободе и нравственной устойчивости к вероятному криминогенному влиянию в будущем.¹

Имеющийся в индивидуальной программе отбывания лишения свободы блок оценки степени исправления осужденного опирается на достижение пенитенциарной теории в соответствующей области. В частности, Н.И. Макаренко совершенно справедливо отмечает, что программа исправления осужденных к лишению свободы способствует достижению цели исправления осужденных на основе оптимальной организации их жизнедеятельности в условиях исполнения уголовного наказания.² Обращает на себя внимание и разработка основ систематизации института исправления осужденных.³ А.А. Синичкин аргументированно показывает, что применительно к исправлению осужденных сущностью оценочной деятельности является познание их исправленческих тенденций. Вместе с тем в комплекс мероприятий по оценке входит также деятельность и по фиксации полученных результатов с помощью системы степеней исправления осужденных. Познание и фиксация направленности личности осужденного не будут логически завершенным процессом, если не определять конкретные стимулирующие меры, основанные на результатах проведенной оценки. При этом автор считает, что специфика таких критериев оценки, как «поведение осужденного в период отбывания наказания», «отношение осужденного к общественно-полезному труду», «отношение осужденного к обучению» и «отношение осужденного к совершенному им противоправному деянию», заключается в том, что они характеризуют основную часть в структуре направленности личности осужденного. Оценивая поведение осужденного, можно получить информацию о том, как осужденный относится к требованиям администрации исправительного учреждения, касающихся правил отбывания наказания. В свою очередь, эти сведения могут дать информацию о возможной форме поведения человека уже в условиях свободы, а не ее изоляции.⁴

¹ Алферов Ю.А. Пенитенциарная социология и перевоспитание осужденных : монография. Домодедово: РИПК МВД РФ, 1994. С. 85.

² Макаренко Н.И. Исправление осужденных к лишению свободы: вопросы теории и практики (уголовно-исполнительный аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск: Государственный университет, 2006. С. 8.

³ Исмаилов В.Д. Систематизация института исправления осужденных к лишению свободы // Современное право. 2013. № 1. С. 99-101.

⁴ Синичкин А.А. Оценка степени исправления осужденных к лишению свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. С. 8-9, 15-20. Также см.: Васильев А.И. О критериях оценки степени исправления и перевоспитания

Вместе с тем, организуемая в настоящее время с осужденным индивидуальная (воспитательная) работа носит фрагментарный характер и направлена на решение отдельных задач в работе с осужденными: психокоррекция, решение социальных задач, связанных с их трудовой адаптацией, либо осуществляется планирование данной работы с отдельными категориями осужденных. Например, согласно Положению об отряде осужденных исправительного учреждения Федеральной службы исполнения наказаний, утвержденному приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 30 декабря 2005 г. № 259 допускается планирование индивидуальной работы с осужденными, состоящими на профилактическом учете.¹ Дневник индивидуальной воспитательной работы с осужденным в исправительном учреждении не позволяет закрепить целесообразные интересы осужденного и строить работу с осужденным на паритетных началах. Выполнение позиций программы должно самым непосредственным образом влиять на предоставление осужденному условно-досрочного освобождения. При этом, выполнение лицом, отбывающим лишение свободы, тех или иных позиций индивидуальной программы отнюдь не ставит судьбу в механическую зависимость от определенного объема выполненных осужденным пунктов программы (см. приложение). По сути, в основу данной программы положены как качественные, так и количественные методы исследования. Хотя даже использование количественных методов отражает диалектику познания окружающей действительности, закономерно показывая в определенных случаях переход количества в качество. Так, в специальных исследованиях отмечается, что «всемерное развертывание количественных методов исследования уголовно-правовых и криминологических явлений настоятельно необходимо, поскольку такие исследования способны положительно воздействовать на дальнейшее развитие правовых наук, а в итоге – содействовать совершенствованию практики борьбы с преступностью»².

Также необходимо отметить, что планирование в рамках проводимой реформы уголовно-исполнительной системы России перефилировать исправительные колонии под тюрьмы различных режимом и соответственно принципиально изменить формат размещения осужденных предполагает гармонизацию мер организационного

// Исправительно-трудовые учреждения. 1980. № 13. С. 24-26; Макаренко Н.И. Указ. соч. С. 22-25.

¹ Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 10.

² Чубарев В.Л. Общественная опасность преступления и наказание (Количественные методы изучения) / ред. Ю.Д. Блувштейн. М.: Киевский филиал ВНИИ МВД СССР, 1982. С. 83.

характера с мерами исправительного воздействия на осужденного. Ведь покамерное размещение осужденных неизбежно изменит подход к работе с осужденными, потребует персонифицированного обращения с ними с учетом принципов диспозитивности и взаимовыгодности. Значительную роль в этом должна играть индивидуальная программа обращения с осужденным, которая может основываться на психологических закономерностях и механизмах ресоциализации осужденных при их включении в разноплановые исправительные мероприятия (режимно-поведенческого, социально-правового, образовательного, трудового, психокоррекционного, нравственно-духовного (религиозного) и досугово-бытового и иного характера).

В связи с этим можно сослаться на Правило 66 Европейских пенитенциарных правил, которое предусматривает процедуру разработки и пересмотра индивидуальных программ исправления и обучения заключенных в соответствии с потребностями индивидуализированного исправительного воздействия на заключенных.¹ Достаточно показателен и зарубежный опыт. Так, начиная с конца 1990-х гг. в практику обращения с заключенными в тюрьмах Швеции, США, Англии и некоторых других стран активно внедряется составление индивидуальной программы поведения осужденного лица. Детализация правового статуса заключенного в данной программе основывается на всестороннем учете всех индивидуальных социально-психологических особенностей его личности. Программа закрепляет ряд персональных мер, отражающих как режимные мероприятия, направленные на предупреждение угрозы самоповреждения, суицида, побега, насилия со стороны других осужденных и персонала, так и сугубо исправительные, предусматривающие особенности лечебно-оздоровительных, досуговых, спортивных, коммуникативно-социализирующих и адаптационных мероприятий.² В частности, международный советник по вопросам заключения и условного освобождения Б.Л. Йоханссон отмечает, что в разрабатываемом в Швеции для каждого заключенного индивидуальном плане «уточняются возможности контактов с семьей и окружающими, обязательного отпуска»³. В содержании рассматриваемой программы

¹ Приложение к Рекомендации № R (87)3 (Европейские пенитенциарные правила) Комитета Министров государствам-членам относительно Европейских пенитенциарных правил, принятое Комитетом Министров Совета Европы 12 февраля 1987 года // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М.: СПАРК, 1998. С. 209-263.

² Wortley R. *Situational Prison Control. Crime Prevention in Correctional Institutions*. Cambridge: University Press, 2002. P. 95-96, 113, 151, 204.

³ Йоханссон Б.Л. Общие сведения о системе исполнения наказаний в Швеции // Пути взаимодействия пенитенциарных учреждений и некоммерческих организаций в области образования : материалы международной конференции,

«осевым» моментом должна выступать идея юридической дозволенности, вытекающая из общего смысла исправительного воздействия и воплощающая не только максимально возможное, желаемое для осужденного лица поведение, но и гарантированность такого поведения со стороны государства.

Таким образом, индивидуальная программа отбывания наказания демонстрирует естественно-правовой тип правопонимания и является способом преодоления недостаточно гибкой позитивистско-нормативной модели регулирования уголовно-исполнительных отношений, требующих более рельефного учета интересов их участников. Ведь правовая норма, бесспорно, являясь универсальным регулятором общественных отношений, все же не может выступать формой опосредования разнообразных интересов личности, ее стремлений на обладание социально-правовым благом.

3.3. Перспективы расширения судебного-правового регулирования уголовно-исполнительных отношений

В настоящее время применительно к национальным правовым системам обнаруживается тенденция целенаправленного поиска наиболее адекватных и эффективных средств и форм правового регулирования общественных отношений. В связи с этим обстоятельством М.Н. Марченко отмечает: «закон, сохраняя свое доминирующее положение в системе источников права в подавляющем большинстве стран, в особенности тех, которые относятся к странам романо-германского права, все чаще сочетается, а в ряде случаев последовательно вытесняется такими формами права, как прецедент, создаваемый не только национальными, но и наднациональными судами»¹. По существу, это тенденция проявляется на межнациональном и национальном уровнях, отражая очевидное и повсеместное усиление «роли и значения судейского права, а вместе с ним и его источников в виде прецедента и судебной практики»². И.Я. Козаченко считает, что «роль судебных прецедентов в качестве источника права и предмета анализа юридической науки в Российской Федерации будет постоянно возрастать. Правда, существенным тормозом на пути внедрения в отечественную правоприменительную практику судебного прецедента выступает присущий российской уголовно-правовой действительности

Санкт-Петербург, п. Репино, 7–10 октября 2004 г. / сост. И.М. Княжева. СПб., РОО «Центр женских инициатив», 2004. С. 30.

¹ Марченко М.Н. Об основных тенденциях развития права в условиях глобализации // Государство и право. 2009. № 6. С. 7.

² Там же. С. 8.

консерватизм с гипертрофированным чувством собственного достоинства»¹. Обобщая вышеуказанные точки зрения, необходимо заключить, что весь вопрос состоит в степени обязательности прецедента толкования нормы права для последующего применения данной нормы судами.

Как представляется, повышение роли судебного правотворчества повышает авторитет и социальную значимость судебной практики и правовых позиций суда. Так, Н.А. Власенко отмечает значительную роль в регулировании общественных отношений судебных правовых позиций, то есть адаптированную в решении суда норму права.²

Категория «судебная практика» используется в доктрине романо-германского права уже давно, однако только во второй половине прошлого столетия она стала наполняться несколько иным содержанием, отражающим тенденцию усиления роли решений вышестоящих судебных органов над нижестоящими.³ В настоящее время рассматриваемая категория предполагает возможность быть включенной в систему источников права. Так, по справедливому мнению И.В. Воронцовой, «исключать возможность признания судебной практики в качестве источника российского права только лишь на том основании, что суд не может создавать норму права, было бы неверным. Высшие суды компетентны принимать соответствующие постановления, которые становятся обязательными для всех, а нижестоящие суды обязаны ссылаться на эти постановления, содержащие официальное толкование отдельных норм права и рекомендации»⁴. А.И. Рарог указывает, что разъяснения, например, Пленума Верховного Суда РФ по вопросам судебной практики носят и должны носить рекомендательный характер, но с учетом высокого авторитета этого органа, квалифицированности и научной обоснованности его рекомендаций служат ориентиром для правильного и единообразного применения закона.⁵ Таким образом, подобные разъяснения *de facto* обладают силой закона, но *de jure* источником права не являются. В связи с этим представляется возможным привести результаты анкетирования студентов-юристов, 71% которых допускают признание постановлений

¹ Козаченко И.Я., Койстинена Я. Проблемы сравнительного правоведения в сфере уголовного права России и Финляндии // Российский юридический журнал. 2010. №1. С. 21.

² См.: Власенко Н. «Тревожные» вопросы по поводу судебных правовых позиций // Новая юстиция. 2008. № 1. С. 25, 27-28.

³ Подр.: Марченко М.Н. Особенности судебного прецедента в системе романо-германского права // Государство и право. 2006. № 8. С. 22-28.

⁴ Воронцова И.В. Судебное правотворчество: домыслы или реальность? // Современное право. 2009. № 6. С. 82.

⁵ См.: Рарог А.И. Правовое значение разъяснений Пленума Верховного Суда РФ // Государство и право. 2001. № 2. С. 53, 57.

Пленума Верховного Суда РФ обобщенным прецедентом, имеющим эталонный и общеобязательный характер для всех нижестоящих судов.

Однако, как отмечает М.Н. Марченко, «в романо-германской правовой семье реальный статус и реальная юридическая сила прецедента определяется не формально-юридическими актами, а фактическими жизненными обстоятельствами... решающим для определения его реального правового статуса и его юридической силы будет не статут или любой иной формально-юридический акт, а реальные жизненные обстоятельства, а также практическая необходимость и потребность в прецеденте как источнике права. Это касается прецедента не только в системе романо-германского права, но и в любой иной правовой семье и системе, включая правовую систему современной России»¹. При этом специфика уголовно-исполнительных отношений состоит именно в наличии особых жизненных обстоятельств, свидетельствующих о достижении или, наоборот, не достижении важнейшей практически значимой цели уголовно-исполнительного законодательства – исправлении осужденного. Об исправлении осужденного может свидетельствовать неограниченный круг поведенческих актов, опосредованных в особых жизненных обстоятельствах (например, специфика режима исполнения и отбывания наказаний как связанных, так и не связанных с изоляцией осужденного от общества, потребности и интересы осужденных в условиях правоограничений, вытекающих из факта осуждения).

Также определенный интерес представляет судебное усмотрение, являющееся неотъемлемой частью правоприменения. Специалистами отмечается, что «под судебским усмотрением следует понимать имеющееся у суда правомочие выбирать одно из нескольких законных решений при осуществлении судопроизводства»². Немного детальнее данный феномен определяет Ю.В. Грачева – как использование предоставленных судье уголовно-правовыми нормами правомочий по выбору решения в пределах, установленных законом, в соответствии с его правосознанием и волей законодателя, исходя из принципов права и конкретных обстоятельств совершения преступления.³ Вместе с тем судебное усмотрение зачастую обуславливается предельно расширительным характером правовых предписаний, не выполняющих в этом случае своей искомой правоустанавливающей роли. При этом границы такого усмотрения могут быть необоснованно расширены и как следствие иметь размытые правовые пределы.

¹ Марченко М.Н. Особенности судебного прецедента... С. 28.

² Лозовская С.В. Соотношение судебного усмотрения и судебного правотворчества // Российский судья. 2012. № 9. С.25.

³ Грачева Ю.В. Судейское усмотрение в реализации уголовно-правовых норм: проблемы законотворчества, теории и практики : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2011. С. 8.

Авторы, специально исследующие категорию судебного усмотрения, отмечают, что «судебное усмотрение, объективное существование и практическая необходимость которого не вызывают сомнений, может осуществляться только в рамках его правовых пределов, выраженных в основополагающих принципах права и нормах права, исходя из правил толкования оценочных понятий, правил аналогии, а также коллизионных правил»¹. Так, показателен следующий пример. Постановлением мирового судьи ранее осужденному к штрафу в размере 5000 рублей за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 245 УК РФ, У. неотбытое наказание в силу злостного от него уклонения было заменено на ограничение свободы на срок три месяца.² В другом случае постановлением Ленинского районного суда г. Красноярска ранее осужденной к штрафу в размере 3000 рублей за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ, Г. неотбытое наказание в силу злостного от него уклонения было заменено на ограничение свободы на один год.³ Сравнение данных дел показывает: в первом случае произведена замена более значительного размера штрафа на менее продолжительный срок ограничения свободы. Данное обстоятельство показывает значительный «люфт» карательно-исправительного воздействия наказания, что, безусловно, «расшатывает» единую практику применения наказания и не в полной мере учитывает соблюдение принципа справедливости.

При исследовании перспектив внедрения судебного прецедентного компонента в регулирование уголовно-исполнительных отношений следует исходить из рассмотренных выше теоретических положений, выполняющих роль методологических ориентиров.

Как представляется, в правоприменительной судебной практике содержится важная методологическая предпосылка повышения роли судебного регулирования уголовно-исполнительных правоотношений, поскольку формальная практика судов, отчасти вызванная тяготением национального права к романо-германской правовой системе, приводит к качественно негативному нивелированию применения многих институтов, связанных с процессом исполнения и отбывания уголовных наказаний. В частности, в современных условиях институт условно-досрочного освобождения

¹ Ермакова К.П. Правовые пределы судебного усмотрения // Журнал российского права. 2010. № 8. С. 57.

² Постановление мирового судьи судебного участка № 25 в Ермаковском районе Красноярского края в отношении У. о замене штрафа на ограничение свободы от 21 апреля 2010 г. Архив судебного участка № 25 в Ермаковском районе Красноярского края.

³ Постановление Ленинского районного суда г. Красноярска в отношении Г. о замене штрафа на ограничение свободы от 10 августа 2010 г. Архив Ленинского районного суда г. Красноярска.

имеет очень низкую эффективность как раз в силу формального единообразного отношения судов к его применению. Однако оставить непоколебимым принцип формального и единообразного соблюдения нормативных установок возможно посредством признания необходимости соблюдения «эталонных» решений суда по вопросам условно-досрочного освобождения. Безусловно, можно ориентироваться на разъяснения постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. №8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания»¹. Однако разъяснения, изложенные в данном постановлении, носят максимально обобщенный характер, не содержат четких критериев о признании осужденного досрочно исправившимся и не имеют четко определенной связи с конкретным судебным решением, которое могло бы иметь эталонный характер и отражать ценность естественного типа правопонимания. Так, С.Ю. Скобелин справедливо отмечает: «Пленум Верховного Суда не до конца последователен и нарушает сложившуюся практику условно-досрочного освобождения»². Роль суда в условно-досрочном освобождении сводится к механическому рассмотрению типичных обстоятельств дела и формальному принятию, по сути, заранее известного решения. Справедливости ради важно заметить, что обращение в суд с ходатайством об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, согласно ч. 1 ст. 175 УИК РФ, является правом осужденного (его адвоката либо законного представителя), но такое обращение должно находиться в непосредственной зависимости от выполнения условий персональной (индивидуальной) программы отбывания наказания (см. приложение). Так, зачастую суды рассматривают поступившие материалы об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, характер которых практически однозначно свидетельствует о том, что осужденного нельзя признать исправившимся. Например, в Советский районный суд г. Красноярска поступили материалы с ходатайством осужденного К. об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания в виде лишения свободы следующего содержания: постановление начальника отряда исправительной колонии №27 о признании осужденного К. злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, представление дисциплинарной комиссии исправительной колонии о признании осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, постановление начальника колонии о водворении осужденного в штрафной изолятор, акт выявления нарушения, признанного злостным наруше-

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 7. С. 2-6.

² Скобелин С.Ю. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания и замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания // Уголовное право. 2009. № 6. С. 65.

нием порядка, рапорт и пояснительные от дневального о факте злостного нарушения порядка отбывания наказания. С учетом имеющихся материалов осужденному К. в удовлетворении ходатайства об условно-досрочном освобождении судом было отказано.¹

Однако бывают ситуации, когда суды удовлетворяют ходатайства осужденных об условно-досрочном освобождении и при наличии отрицательной характеристики и возражений представителей исправительного учреждения об удовлетворении данного ходатайства. При этом отрицательная характеристика осужденного и возражения представителей прописываются в самом постановлении суда об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания. Например, федеральным судом Советского района г. Красноярска 17 ноября 2008 г. вынесено постановление об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания осужденного Р., несмотря на то, что представитель администрации ИК-31, в которой осужденный отбывал наказание, его ходатайство не поддержал, указав: «осужденный нарушал установленный порядок отбывания наказания, окончательно на путь исправления не встал, имеет не выплаченные исполнительные листы, не имеет четкой установки на будущую жизнь, не исключен рецидив преступления, цели исправления не достигнуты»².

В результате исследования 362 ходатайств с материалами об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, поступивших в суды г. Красноярска в период с 1 февраля 2007 г. по 1 октября 2012 г. (путем случайной выборки), в 79 материалах (21,8%) были обнаружены отрицательные характеристики осужденного, однако 54 ходатайства из них (14,9% от общего количества) были удовлетворены судами. При этом только в 122 (33,7 %) постановлениях об условно-досрочном освобождении суд оперировал четырем и более критериями досрочного достижения или недостижения целей исправления (как правило, отношение к внутреннему распорядку исправительного учреждения, выплаты по исполнительным листам, отношение к труду, признание вины или раскаяние). В остальных случаях таких критериев менее четырех.

К сожалению, подобная практика достаточно архаична. Так, еще в 1965 г. Н.И. Титов обращал на неё внимание, указывая, что число используемых доказательств, которые, по мнению суда, в каждом конкретном случае свидетельствуют об исправлении (перевоспитании) лица, чрезвычайно незначительно. При оценке исправления

¹ Дело № 1-142/07. Материалы ИК-27 по ходатайству осужденного К. об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания. Архив федерального суда Советского района г. Красноярска.

² Постановление федерального суда Советского района г. Красноярска от 17 ноября 2008 г. об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания осужденного Р. Архив федерального суда Советского района г. Красноярска.

(перевоспитания) каждого осужденного суд, как правило, приводил всего лишь два-три доказательства: из рассмотренных 500 определений с двумя и менее критериями исправления было вынесено 185 (37%), с тремя критериями – 249 (49,8%), с четырьмя – лишь 66 (13,2%).

Также Н.И. Титов отмечал, что перечень критериев, которыми руководствуются суды, чрезвычайно узок: а) добросовестное отношение к труду (492 определения); б) примерное поведение, т. е. строгое соблюдение режима и правил внутреннего распорядка (460 определений); в) участие в общественной жизни (319 определений); г) забота о повышении общеобразовательного и профессионально-технического уровня (66 определений); д) скромное поведение в быту, вежливое отношение к товарищам (24 определения); е) осознание своей вины (10 определений). Суды не использовали таких важных доказательств исправления и перевоспитания, как раскаяние лица в совершенном преступлении, бережное отношение к имуществу, забота о своем духовном и физическом развитии, правильное отношение к своему будущему. Наиболее часто употребляемые в практике критерии (добросовестное отношение к труду, примерное поведение, активное участие в общественной жизни) применяются ко всем без исключения осужденным, независимо от характера преступления, совершенного данным лицом. В результате Н.И. Титовым делается вывод о том, что в практике условно-досрочного освобождения от дальнейшего отбывания наказания нет действительно индивидуального подхода к оценке факта исправления (перевоспитания) лица, отсутствует индивидуализация критериев исправления и перевоспитания.¹ Как видно, подобная практика, по сути, не изменилась до настоящего времени.

Вызывает интерес английский опыт предоставления осужденным условно-досрочного освобождения (*parole*). Так, с 1 апреля 1968 г. Законом об уголовной юстиции (*Criminal Justice Act*) 1967 г. в английском уголовном правосудии введены основы современной концепции *parole*, суть которой в соответствии с этим Законом состоит в том, что в известный момент длительное тюремное заключение для определенной части осужденных становится либо ненадлежащим, либо излишним средством воздействия в целях достижения должного исправительного эффекта, в силу чего некоторые заключенные, которых нет необходимости продолжать содержать в условиях лишения свободы до истечения всего срока приговора, подвергаются досрочному освобождению.² Данный законодательный акт регламентировал предоставление досрочного освобождения для лиц, осужденных к бо-

¹ См.: Титов Н.И. О критериях исправления и перевоспитания осужденных // Правоведение. 1965. № 4. С. 100-107.

² Fitzgerald M. Sim J. *British Prisons*. 2nd ed. Oxford: Basil Blackwell, 1982. P. 102.

лее чем 18 месяцам тюремного заключения, после отбытия ими не менее чем одной третьей либо 12 месяцев срока заключения. Принципиальное же отличие системы parole от ранних форм, нередко представляемых в английской юридической литературе единым термином «remission» (прощение), состоит в том, что досрочное освобождение после 1967 г. стало правом осужденного, а не привилегией.

В целом система досрочного освобождения до 10 октября 1992 г., когда вступил в силу Закон об уголовной юстиции 1991 г., характеризовалась тем, что, во-первых, приговор тех лиц, которые попали под досрочное освобождение от отбывания тюремного заключения, фактически считался отбытым и, следовательно, эти лица не подвергались какому-либо специальному посттюремному контролю со стороны государства¹ и, во-вторых, институт, по существу, работал на снижение количества лиц, содержащихся в тюремном заключении.²

Предпосылками к иному изложению системы досрочного освобождения в Законе об уголовной юстиции 1991 г. стали получившие актуальность в конце 1988 г. два ключевых принципа уголовной политики Англии: экономии уголовной репрессии и «реального времени тюремного заключения», послуживших лейтмотивом для активизации реформ в области уголовной юстиции и, в частности, вовлекших в действие своих интересов институт досрочного освобождения.

Вопрос о условно-досрочном освобождении решается Комиссией по делам досрочного освобождения (The Parole Board), до недавнего времени функционировавшей в рамках Министерства внутренних дел Великобритании, либо, в особых случаях, предусмотренных, например, Законом о детях и молодежи (Children and Young Persons Act) 1933 г. или Законом об уголовной юстиции 1972 г. (в отношении ограничено правоспособных заключенных, содержащихся под стражей подростков до 18 лет и некоторых других), непосредственно министр, который, как и в настоящее время, уже имел окончательное слово в решении вопроса о досрочном освобождении.

¹ Данный вопрос поднимался задолго до 1991 г. Так, еще в 1948 г. Макс Грюнхут отмечал, что «одна лишь только угроза неминуемого возврата в тюремное заключение [при отсутствии должного поведения досрочно освобожденного лица] недостаточна для достижения результата реабилитации. Как в случае с пробацией условно-отсроченное наказание [к которому он относил и досрочное освобождение] требует дополнительного позитивного вмешательства: персональной опеки и надзора». Далее он замечает, что как в случае с пробацией работа с экс-заключенными должна значить больше чем просто надзор, который в сущности отсутствовал касательно досрочно освобожденных лиц. Grünhut M. . Penal Reform. A comparative study. Oxford: At the Clarendon Press, 1948. P. 316.

² Cavadino, M. Dignan J. The Penal System. An Introduction. 3rd ed. London: SAGE Publications, Thousand Oaks, New Delhi, 2002. P. 267.

С 1 июля 1996 г. Законом об уголовной юстиции и общественном порядке (Crime Justice and Public Order Act) 1994 г. Комиссия по делам досрочного освобождения становится независимым вневедомственным (имеется в виду – вне структуры министерства внутренних дел) исполнительным органом. В настоящее время Комиссия по делам досрочного освобождения состоит более чем из ста членов. В среднем в ней работают 110 человек, в том числе один председатель, два служащих на постоянной основе и 107 – не на постоянной основе (23 судьи, 19 психиатров, 9 офицеров Национальной Службы Пробы, 5 криминологов и 51 независимых представителей общественности). Работа проводится в группах, как правило, по три человека. Имеется несколько типов таких групп, в основу разделения которых положен вид досрочного освобождения: 1) группа, решающая вопросы дискреционного условного досрочного освобождения и в среднем одновременно рассматривающая 24 дела о досрочном освобождении; две подгруппы, занимающиеся вопросами о досрочном освобождении осужденных к пожизненному заключению – 2) мандатная комиссия, имеющая на рассмотрении 16 дел и 3) группа особых вопросов, работающая обычно только с тремя делами; 4) группа, имеющая дело с лицами, осужденными к длительным срокам тюремного заключения; 5) группа, рассматривающая вопросы о возврате осужденного обратно в место отбывания наказания и работающая в составе только лишь двух членов, причем не являющихся судьями или психиатрами. До 1 июля 1996 г. Комиссия состояла более чем из 16 типов групп (иногда их количество доходило до 24). В 1992 г. в работе Комиссии были задействованы 45 специалистов и 40 независимых представителей общественности.¹

Комиссией по делам досрочного освобождения в лице указанных групп, перед тем как решить вопрос о досрочном освобождении либо дать соответствующие рекомендации министру (с последующим направлением материалов в суд), устанавливаются следующие вопросы: 1) сущность и обстоятельства преступления, за совершение которого лицо отбывает наказание; 2) степень того, насколько велик риск совершения лицом нового преступления и, соответственно, насколько высока степень безопасности общества в этом плане; 3) характер поведения заключенного и его прогресс в исправлении; 4) в случае преступлений сексуального и насильственного характера особо устанавливаются обстоятельства, влияющие на повышение риска повторного совершения лицом подобных деяний; 5) условия, которые должны

¹ См.: Hood R., Shute S. Parole in Transition. Evaluating the Impact and Effects of Changes in the Parole System. Phase One. Establishing the Base-Line. Occasional Paper № 13. Oxford: University of Oxford, Centre for Criminological Research, 1994. P. 43-77.

быть положены в основу надзора, и уступки, которые могут быть при этом допущены; 6) длительность надзора; 7) индивидуальный план реабилитирующих мероприятий; 8) а также предлагается встречная программа надзора, которая исходит от офицера Национальной Службы Пробации, предположительно под надзор которого может попасть осужденный. Обратим внимание, что изучение вопроса о тяжести преступления, за совершение которого лицо отбывает наказание, необходимо лишь для избрания формы и содержания надзора, но не для принятия решения о досрочном освобождении в принципе. Таким образом, при рассмотрении этого вопроса Комиссия руководствуется только критерием отсутствия риска совершения лицом нового преступления безотносительно учета тяжести совершенного деяния, так как по сути данное обстоятельство уже учитывалось судом при назначении наказания.¹ Эта проблема «double weighting» (двойного учета как тяжести совершенного преступления, так и риска совершить новое), устраненная новой концепцией принимаемого решения о досрочном освобождении, в английском уголовном правосудии была решена в связи с принятием Закона об уголовной юстиции 1991 г.²

Рассмотрение ключевых моментов английского института досрочного освобождения показывает, что данный институт, во-первых, компенсирует определенные недостатки уголовной системы правосудия, во-вторых, является одним из немногих «восстановительных институтов», направленных на успешную адаптацию преступника в обществе, и, в-третьих, стимулируя положительные свойства и побуждая осужденное лицо к законопослушному поведению, существенным образом снижает степень его опасности для общества, нежели с порой непредсказуемой и вероятной пролонгацией такого риска после отбытия лицом всего, как правило, длительного срока тюремного заключения.

Как представляется, данный опыт гармонично сочетается с задачами российского уголовного правосудия и его необходимо учитывать при совершенствовании отечественных механизмов регулирования уголовно-исполнительных отношений, особенно в части расширения диспозитивности в судебном-правовом механизме предоставления условно-досрочного освобождения лицам, отбывающим уголовные наказания.

Так, отечественная практика безусловного ориентирования судов на норму права, которые, по существу, выступают социально де-

¹ Подр. см.: Тепляшин П.В. Современное тюремное право Англии : монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2007. С. 77-109.

² Результаты специальных исследований новых критериев принятия решения о досрочном освобождении показали их высокую эффективность. См.: Hood R., Shute S. Op. cit. P. 25-58.

терминированными шаблонами поведения людей, приводит и к шаблонным решениям, не в полной мере учитывающим весь многообразный спектр интересов и притязаний участников общественных отношений. Нормы уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в опосредованной форме адекватно отражают закономерности уголовной политики, но сформулированные в общем виде и в процессе неоднократного применения они не способны зачастую адекватно отражать конкретный жизненный случай. В данном случае можно наблюдать объективный прогресс формализации норм. Вместе с тем кризис эффективности наказания, наметившийся в 70-е годы в западной юридической доктрине, привел к снижению гегемонии либеральных течений в уголовном праве и постепенно стал разворачивать вектор уголовно-правовой доктрины от так называемой «социологической школы уголовного права» к «классической». При этом именно интеграция правовых систем усилила влияние последствий упадка «идеала реабилитации» и задала процессы реанимации классических подходов уголовного права к сущности и содержанию уголовного наказания, а также поиску новых более гибких механизмов воздействия на преступника. Как представляется, в этом процессе перспективным направлением выступает исследование целесообразности и потенциала судебно-прецедентных механизмов воздействия на общественные отношения.

Так, роль судебного прецедента состоит в уточнении и конкретизации абстрактных по своей сути уголовно-правовых и уголовно-исполнительных норм. Как справедливо отмечает К.А.Волков, «...правовая норма имеет абстрактный, общий характер, это означает, что для своего точного применения к конкретному случаю она нуждается в опосредовании определенной совокупностью отдельных положений. Такая совокупность отдельных положений, определений, раскрывающих понятия, термины, связи правовой нормы и дает конкретное во всем его многообразии, помогает организовать исполнение общей, абстрактной нормы права»¹. По существу, содержание прецедента выводится на основе анализа *ratio decidendi* и *obiter decidendi* судебного решения. Таким образом, судебный прецедент демонстрирует «жизненность» права, отражает его непосредственную связь с конкретными и в определенном смысле уникальными жизненными случаями и посредством этого укрепляет принцип законности и индивидуализации исполнения наказания.

¹ Волков К.А. Судебный прецедент и правоприменительная конкретизация в уголовном праве // Проблемы обеспечения законности и правопорядка в Дальневосточном регионе : сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции (12–13 мая 2004 г.). Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2004. С. 87.

Исследуя роль правоприменительной и гипотетически правотворческой деятельности суда в воздействии на общественные отношения необходимо отметить, что важнейшей тенденцией гармонизации сферы исполнения уголовных наказаний выступает расширение роли именно судебного регулирования уголовно-исполнительных отношений. При этом важно заметить, что государство, реализуя конституционную идею о приоритете прав, свобод и законных интересов отдельного человека, пытается построить комплексную систему средств и органов эффективного соблюдения и защиты указанных элементов правового статуса личности, вовлеченной в сферу исполнения уголовных наказаний. В частности в ст. 2 Конституции РФ закреплено, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина выступает обязанностью государства. Следовательно, наряду с ведомственным контролем, прокурорским надзором, деятельностью Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и иными правозащитными субъектами важнейшим структурным элементом организационной системы соблюдения и защиты прав, свобод и законных интересов осужденных выступает судебный механизм обеспечения социальных ценностей граждан в местах отбывания уголовных наказаний.

Изложенная позиция в полной мере соотносится с государственным подходом к роли суда в системе правоохраны личности и закономерно ставит вопрос о реальном обеспечении задачи расширения сферы судебной защиты прав и свобод граждан, закрепленной в Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2007–2011 годы»¹ и Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы»². В последней из них отмечается важное значение для правового государства самостоятельной и независимой судебной системы, эффективно обеспечивающей защиту интересов государства, прав и интересов граждан и юридических лиц, и необходимость осуществления мер по повышению качества правосудия, совершенствованию судопроизводства и его постоянной адаптации к потребностям государства и общества.

Думается, что расширение контрольных полномочий суда в процессе исполнения уголовных наказаний позволит усилить фактические возможности судебной власти по осуществлению правосудия в его широком понимании. Так, правосудие в нашей стране представляет собой особую функцию государственной власти и в соответствии со ст. 118 Конституции РФ осуществляется только судом. Традиционно выделяют два признака правосудия: а) деятельность, осуще-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 33, ст. 3652.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 40, ст. 5474.

ствляемая специально уполномоченным государственным органом; б) деятельность, связанная с рассмотрением деяний, влекущих применение (или отказ от применения) существенных мер государственного принуждения, а также с защитой нарушенного либо оспариваемого права или охраняемого законом интереса.¹ На основе данных признаков можно говорить о том, что правосудие представляет собой особый вид юридической деятельности, осуществляемой в специальной процессуальной форме, которая реализуется именем и властью государства при соблюдении ряда конституционно закрепленных процессуальных принципов и возлагается обществом и государством именно на судебную власть. Так, в соответствии со ст. 1 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. №1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», судебная власть в Российской Федерации осуществляется только судами и никакие другие органы и лица не вправе принимать на себя осуществление правосудия.²

Вместе с тем доктринальное использование термина «правосудие» не соответствует его буквальному толкованию в указанном, так называемом «узком (нормативном) смысле», но определяет специфическую сферу государственной деятельности, связанную с реализацией интересов правосудия. Сущность правосудия в этом случае проявляется в специфических общественных отношениях, заключающих внутренние связи между субъектами правосудия по поводу реализации важнейших социально-политических интересов – охраны законных прав и свобод личности, общества и государства, обеспечения законности и восстановления социальной справедливости, профилактики преступности.

Следовательно, в содержание термина «правосудие» необходимо вкладывать более широкий смысл и понимать его как совокупность общественных отношений, обеспечивающих нормальную, строго регламентированную уголовным и гражданским процессуальным, административным и уголовно-исполнительным законодательством деятельность суда и органов и учреждений, ему в этом содействующих, по осуществлению задач и целей правосудия. Вынесение судом приговора, а также деятельность суда, направленная на рассмотрение дела или конкретного вопроса и принятие соответствующих решений (также и при процессуальном взаимодействии с иными субъектами: органами дознания, прокуратурой, исправительными учреждениями и др.) является, по существу, формой осуществления правосудия. Поэтому правосудие не складывается из одной лишь процессуальной деятельности. Исполнение назначенного судом наказания соответст-

¹ См.: Бойков А.Д. Сущность социалистического правосудия и его виды // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 37. М.: Юрид. лит., 1982. С. 37.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 1, ст. 1.

вующими органами в полном объеме и в установленном законом порядке – неотъемлемая задача правосудия, выражение связи между назначенным судом приговором и его обязательным, эффективным исполнением. Целью же правосудия в уголовном судопроизводстве, по сути, выступает исправление преступника и обоснования тем самым целесообразности судебной деятельности.

Таким образом, реализация выраженного в приговоре предписания о применении к лицу, признанному виновным в совершении преступления, наказания является содержанием правосудия по уголовным делам. Исполнение назначенного судом виновному наказания в установленной форме, полном объеме и с максимальным результатом (исправление осужденного лица) гармонично доводит процесс правосудия до его логического завершения.

В контексте сказанного закономерно резюмировать, что судебный контроль в сфере исполнения уголовных наказаний выступает важным направлением судебной деятельности, распространяющейся на весь процесс отбывания осужденным конкретного вида уголовного наказания. Как справедливо отмечает В.А. Азаров, «...судебный контроль, с учетом постоянного наращивания его законодательного и организационного потенциала, сегодня – уже одно из основных направлений судебной деятельности, осуществляемой наряду и вместе с отправлением правосудия»¹. При этом контрольная деятельность судебных органов, предусмотренная ст. 20 УИК РФ, по справедливому мнению многих авторов, осуществляется в рамках уголовно-исполнительного процесса.² Данное обстоятельство показывает возрастание естественно-правовых начал и роли судебно-правоприменительного подхода в правовом регулировании уголовно-исполнительных отношений.

Развивая аргументы о значимости судебного контроля в сфере исполнения уголовных наказаний и в преломлении данного вопроса необходимо указать на существенный недостаток в механизме правового регулирования отечественной, так называемой прогрессивной, системы исполнения наказаний. Предварительно необходимо отметить, что прогрессивная система представляет урегулированный нормами уголовно-исполнительного законодательства процесс измене-

¹ Азаров В.А. Судебный контроль в системе средств обеспечения прав и свобод личности (уголовно-процессуальный аспект) // Актуальные проблемы борьбы с преступностью и правоприменительной практики : межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. В.И. Горобцов. Вып. 3. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2000. С. 70.

² Напр.: Судебный контроль в стадии исполнения уголовного наказания / И.А. Давыдова И.А.[и др.] // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 6. С. 19.

ния фактических и юридических условий отбывания наказания и, соответственно, правового положения осужденного, в зависимости как от характера поведения самого осужденного, так и нормативно-правовых требований в целях достижения максимального исправительного эффекта уголовного наказания. Сфера проявления прогрессивной системы преимущественно распространяется на уголовные наказания, связанные с изоляцией осужденного от общества (лишение свободы на определенный срок и пожизненное лишение свободы), что обусловлено не только историческими аспектами ее становления и развития в условиях каторги и тюремного режима¹, но и фактической возможностью функционирования лишь в условиях помещения осужденного в зарытое исправительное учреждение². Так, известный английский ученый М. Грюнхут отмечал, что «прогрессивная система представляет такую организацию тюремного режима, при которой осужденному дается самостоятельная возможность взойти от начальной ступени своего заключения до момента освобождения. Эта система стимулирует исправление, улучшает его взаимоотношения, укрепляет и испытывает его волю и, таким образом, отдает его судьбу в его же собственные руки»³.

Однако «вовлечение» в данную сферу уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, обусловлено потребностями прогрессивной системы в варьировании между максимально и минимально суровыми условиями отбывания наказания. В качестве основы прогрессивной системы выступает классификация осужденных по видам исправительных учреждений, отражающая, согласно ст. 8 УИК РФ, принцип дифференциации исполнения наказания. С учетом того, что уголовное наказание назначается только по приговору суда, выбор вида исправительного учреждения осуществляется также исключительно судом. Можно выделить четыре основные формы прогрессивной системы: 1) изменение условий отбывания наказания в рамках одного исправительного учреждения; 2) изменение вида исправительного учреждения; 3) условно-досрочное освобождение; 4) замена уголовных наказаний.

¹ В частности, см.: Wines F.H. *Punishment and Reformation. An Historical Sketch of the Rise of the Penitentiary.* London: Swan Sonnenschein&CO, 1895. P. 184; Barry J.V. *Alexander Maconochie of Norfolk Island. A study of a Pioneer in Penal Reform.* London·Wellington·New York: Oxford University Press, 1958. P. 99-121, 129-137, 167-175; Фойницкий И.Я. *Учение о наказании в связи с тюремоведением.* М.: Добросвет-2000; Городец, 2000. С. 76-77, 307-320.

² Стручков Н.А. *Советская исправительно-трудовая политика и её роль в борьбе с преступностью.* Саратов: Издательство Саратовского университета, 1970. С. 202-204.

³ Grünhut M. *Penal Reform. A comparative study.* Oxford: At the Clarendon Press, 1948. P. 42.

Дисгармония между сущностью судебного контроля и проявлением прогрессивной системы состоит в отсутствии судебно-контрольного регулирования первой формы прогрессивной системы. Ведь каждая форма прогрессивной системы предполагает соответствующий «скачек» в изменении объема прав, обязанностей и законных интересов осужденного лица, что, безусловно, позволяет продемонстрировать не только исправительный потенциал уголовно-исполнительного законодательства, позволяющий мотивировать позитивное поведение осужденного лица, но и его карательно-репрессивную сущность. При этом судебно-контрольная деятельность отражает сформулированное в ч. 1 ст. 6 УПК РФ назначение уголовного судопроизводства – защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Логическим отражением указанной задачи должен выступать судебный контроль законности и обоснованности перевода осужденных из одних условий (в тюрьме – режима) отбывания наказания в другие. В этом случае установление судебного контроля будет выполнять и глубоко утилитарную роль в исправительном воздействии на осужденного, которому придется готовиться не просто к комиссии исправительного учреждения, но судебному порядку решения его вопроса.

Однако результаты анкетирования сотрудников ГУ ФСИН России по Красноярскому краю показывают несогласие с подобным предложением большинства из них. В частности, на вопрос: «Следует ли законодательно закрепить возможность перевода осужденных из одних условий (в тюрьме – режима) отбывания наказания в другие только специальным пенитенциарным судом по представлению административной комиссии исправительного учреждения?» – только 9% ответили утвердительно. Конечно, такое решение повысит ответственность и работников уголовно-исполнительной системы, которые зачастую принимают формальные решения, не способствующие достижению исправительного эффекта наказания. Показательны следующие примеры. Осужденный 16 января 2003 г. к 15 годам лишения свободы М., отбывая с 10 апреля 2008 г. наказание в тюрьме г. Минусинска Красноярского края, 19 мая 2009 г. по постановлению начальника тюрьмы был переведен из строгого режима отбывания наказания на общий режим. Среди аргументов, положительно характеризующих поведение осужденного и свидетельствующих о возможности его перевода на общий режим, в постановлении указывалось на отсутствие у осужденного М. действующих взысканий за нарушение установленного порядка отбывания наказания. Вместе с тем в представленной на осужденного характеристике наряду с отдельными положительными моментами указывалось, что М. «...приспосабливается к существующим условиям с извлечением любых выгод для себя, ...

поддерживает связь с осужденными отрицательной направленности ... В коллективе старается занять роль лидера ... Вину признает частично». Кроме того, в представленной справке о поощрениях и взысканиях нет ни одного поощрения, однако имеется перечень из 24 погашенных взысканий, 21 из которых были связаны с водворением в штрафной изолятор.¹ В другом примере осужденный 14 августа 2003 г. к 12 годам лишения свободы С., отбывая с 18 апреля 2008 г. наказание в тюрьме г. Минусинска Красноярского края, 17 сентября 2009 г. по постановлению начальника тюрьмы был переведен из строгого режима отбывания наказания на общий режим. Среди аргументов, положительно характеризующих поведение осужденного и свидетельствующих о возможности его перевода на общий режим, в постановлении также шаблонно указывалось на отсутствие у С. действующих взысканий за нарушение установленного порядка отбывания наказания, хотя в представленной на осужденного характеристике наряду с отдельными положительными моментами указывалось, что он «...поддерживает связь с осужденными отрицательной направленности... В коллективе старается занять роль лидера... Желание быть трудоустроенным не высказывает... Имеющийся иск не гасит... Вину признает частично, раскаяния в содеянном не проявляет». В представленной справке о поощрениях и взысканиях также отсутствуют поощрения, однако имеется перечень из 25 погашенных взысканий, 12 из которых были связаны с водворением в штрафной изолятор и одно – в единое помещение камерного типа сроком на 6 месяцев.² Данные примеры свидетельствуют о важности не просто сочетания уголовно-исполнительного законодательства и практики его применения с судебной-юрисдикционной деятельностью, но и расширения возможностей судебного порядка регулирования процесса исполнения наказания и исправительного воздействия на осужденных. По этому поводу в юридической литературе справедливо отмечается значительная роль взаимодействия суда и органов уголовно-исполнительной системы в обеспечении эффективного применения к осужденным уголовно-правовых мер воздействия и создании условий, необходимых для исправления осужденных.³ Можно поддержать авторов, предлагающих нормативно усилить контрольную деятельность судебных органов за процессом исполнения уголовных наказаний,

¹ Постановление от 19 мая 2009 г. № 82 и материалы о переводе осужденного М. из строгого режима отбывания наказания в общий режим содержания. Учреждение УП-288/Т г. Минусинска Красноярского края.

² Постановление от 17 сентября 2009 г. № 135 и материалы о переводе осужденного С. из строгого режима отбывания наказания в общий режим содержания. Учреждение УП-288/Т г. Минусинска Красноярского края.

³ Напр., см.: Колоколов Н.А. Указ. соч. С. 11.

посредством принятия закона о «О контроле за деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания».¹ Указанное представляется целесообразным, поскольку назревшие потребности усиления именно судебного контроля в рассматриваемой области не могут быть нормативно отражены лишь в ст. 20 УИК РФ «Судебный контроль» и настоятельно требуют принятия соответствующего правового акта, который бы конкретизировал назначение, формы, пределы, способы такого контроля.

Естественно, что организационно достаточно сложно обеспечить судебный порядок перевода осужденного из одних условий (в тюрьме – режима) отбывания наказания в другие. Но эти проблемы носят организационно-технический характер и, безусловно, могут быть преодолены путем совершенствования телекоммуникационных возможностей проведения судебных заседаний и решения давно назревшего вопроса о создании пенитенциарного суда Российской Федерации. В этом плане показателен опыт Франции, отличительной чертой организации исполнения наказаний в которой является наличие специальных судей по исполнению наказаний, на которых возлагается надзор за осужденным, индивидуализация режима отбывания лишения свободы и последующая ресоциализация осужденного. Данный судья возглавляет комитет по пробации и содействию освобождению. При условном освобождении на осужденное лицо могут быть возложены следующие обязанности: 1) проживать в определенном месте; 2) воздержаться от появления в специально оговоренных местах; 3) продолжать учебу; 4) не противиться обследованию и медицинскому обслуживанию; 5) воздержаться от общения с некоторыми лицами; 6) не хранить и не носить оружия и др.²

Таким образом, предложение об институционализации пенитенциарного суда соответствует не только потребностям правоприменительного регулирования уголовно-исполнительных отношений и в частности прогрессивной системы исполнения наказаний, но и общим европейским пенитенциарным тенденциям. Так, специалисты в области реформирования судебной системы указывают на необходимость дальнейшей специализации судебных органов.³ В компетенцию

¹ Напр.: Гришко А.Я. Судебный контроль за исполнением наказаний и новые Европейские пенитенциарные правила // Российский судья. 2007. № 2. С. 41; Колоколов Н.А. Указ. соч. С. 19.

² Подр.: Кораблин К.К., Тимошенко С.А. Указ. соч. С. 49-57; Александров Ю. Пенитенциарная система Франции // Преступление и наказание. 1999. № 11. С. 41-43. Также см.: Probation and Probation Services: A European Perspective / edited by Anton M. van Kalmthout and Jack T.M. Derks. Tilburg-Amsterdam: Wolf Legal Publishers, 2000. P. 203-233.

³ Напр.: Ефремова Н.Н. Эволюция отечественного правосудия (судебные реформы XX – начала XXI вв.) // Право. 2009. № 1. С. 34.

данного органа необходимо включить контроль и разрешение соответствующих вопросов, охватывающих функционирование прогрессивной системы исполнения уголовных наказаний.

В унисон рассмотрению вопросов о расширении судебно-юрисдикционного контроля за порядком исполнения уголовных наказаний важно обратить внимание на необходимость совершенствования иных правозащитных механизмов в этой сфере.

Так, одной из целей, которые ставятся перед правовыми реформами, выступает построение в России системы специализированных органов, основной функцией которых была бы защита нарушенных права граждан. Одним из таких органов стал Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации. Данный правовой институт функционирует с 1997 г., что было связано с принятием Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 г. №1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»¹, который определил порядок назначения и освобождения Уполномоченного, его компетенцию, организационные формы и условия деятельности. В настоящее время институт уполномоченного успешно выступает в качестве одной из важнейших дополнительных гарантий прав и свобод человека и гражданина в России. Как справедливо отмечает А.С. Ландо, функции данного института связаны с защитой прав человека и гражданина и существенно отличаются от законодательного, судебного, административного и иных форм контроля.²

Между тем, анализируя законодательство и практику деятельности уполномоченных по правам человека в России и за рубежом, нетрудно сделать вывод о том, что Уполномоченный с небольшим аппаратом будет иметь невысокую эффективность разрешения жалоб и обращений в стране с более чем 140 миллионным населением и почти полуторамиллионной «армией» осужденных, отбывающих наказания и иные меры уголовно-правового характера, как связанные с изоляцией от общества, так и не связанные с изоляцией от общества. Для качественного решения задач омбудсменовской службы необходима ее своеобразная децентрализация. Первые шаги в этом направлении были сделаны в ст. 5 указанного выше закона – предусмотрена возможность учреждения должности Уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации.

Тем не менее, прогнозируя тенденции развития института омбудсмена в России, можно предположить, что не исключена дальнейшая децентрализация функций Уполномоченного по правам чело-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 9, ст. 1011.

² См.: Ландо А.С. Институт Уполномоченного по правам человека в России и Европе // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации : сборник статей. С. 561.

века и образование специализированных служб в сферах наиболее распространенного и грубого нарушения прав человека, например, прав детей (что уже сделано), заключенных, военнослужащих, беженцев и вынужденных переселенцев и т.д.

Определенное беспокойство вызывает состояние прав и свобод лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы и содержащихся под стражей. Известны факты продолжающихся нарушений прав осужденных и лиц, содержащихся под стражей. Несмотря на прошедшие реформы и продолжающееся реформирование уголовно-исполнительной системы организация ее деятельности еще во многом расходится с представлениями о гуманизме и справедливости.

Как представляется, институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в том виде, в каком он существует сейчас, не в полной мере эффективен. Это связано с малочисленностью аппарата Уполномоченного и отсутствием специальной (профильной) направленности его деятельности в сфере исполнения уголовных наказаний и содержания подозреваемых, обвиняемых и подсудимых под стражей.

Поэтому представляется целесообразным в качестве одной из мер преодоления сложившейся ситуации создать институт специализированных уполномоченных по контролю за состоянием прав и свобод лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы. В качестве аргументов создания в России службы Уполномоченного по правам осужденных и лиц, содержащихся под стражей, помимо уже указанной выше необходимости децентрализации, выступают определенные факторы. Так, действующие на сегодняшний день правовые институты неспособны эффективно разрешать поступающие к ним жалобы. Как следствие – возникает потребность либо реформировать уже существующие органы и учреждения, либо создавать новые. Обратившись же зарубежному опыту, например опыту Англии – государства старейшей демократии, чье законодательство и тюремная практика являются общепризнанными эталонами мировых пенитенциарных реалий, отметим, что в этой стране уже существовала аналогичная ситуация, которая успешно разрешилась именно благодаря созданию Уполномоченного по делам тюрем и probation (Prison and Probation Ombudsmen).¹ Деятельность Уполномоченного

¹ Оценивая деятельность английского омбудсмана по делам тюрем на современном этапе, следует заметить, что в целом он эффективно справляется с возложенными на него обязанностями. Об этом говорит тот факт, что каждый год число обратившихся за помощью заключенных возрастает в среднем на 10-12%, причем, по статистике, 87% жалоб, связанных с недовольством заключенными тюремными условиями содержания, удовлетворяются (Scott D. Penology. London: SAGE Publications Ltd, 2008. P. 129-131).

полностью сочетается с ключевым направлением деятельности Тюремной Службы, установленной Д.Бланкеттом (David Blunkett), – строительство безопасного, справедливого и толерантного общества, в котором гармонично сочетались бы права и ответственность человека и общества, а также обеспечение охраны и защиты общества от преступных посягательств. Из семи задач, установленных министром для достижения данной цели, четвертая специально относится к деятельности Службы, являющейся структурным подразделением Министерства внутренних дел – эффективное исполнение судебных приговоров в целях снижения повторности преступных актов и защиты общества от преступников. Достижение указанной задачи основано на содержании преступников в безопасных, соответствующих и здоровых условиях и снижении преступности путем специальных режимных мероприятий, по возможности адресованных каждому заключенному, улучшения их образования и трудовых навыков, стимулирования законопослушного поведения как во время заключения, так и после освобождения.¹ В основу решения данной задачи положены следующие принципы:

- честность, открытость и человечность в отношениях с заключенными как со стороны сотрудников тюремной системы, так и со стороны всех иных лиц, вступающих в какой-либо контакт с ними;

- индивидуальная оценка, опека и поддержка каждого заключенного;

- равные возможности и отсутствие дискриминации в отношении осужденных по любым признакам;

- конструктивная работа и сотрудничество с различными органами уголовной юстиции и иными негосударственными организациями, так или иначе способных оказать помощь в исправлении и реабилитации преступников;

- внедрение в практику лучшего из накопленного опыта.²

Характеризуя институт Омбудсмана по правам тюрем и probation, следует заметить, что он лишен недостатков института Парламентского уполномоченного, касающихся затрудненности доступа и длительности разбирательства, вследствие чего он более эффективно справляется с возложенными на него обязанностями.

¹ Подр. см.: Тепляшин П. Исполнение наказаний, не связанных с изоляцией от общества, в Англии и Уэльсе // Уголовное право. 2004. № 3. С. 64-65; Он же. Теория и практика функционирования тюремной системы Англии и Уэльса на современном этапе // Человек: преступление и наказание (научный журнал). 2004. № 4 (48). С. 84-90.

² The Oxford Handbook of Criminology /edited by M. Maguire, R. Morgan and R. Reiner. 3rd ed. Oxford: University Press, 2002. P. 1125-1126.

Как показывает опыт Англии, специализированные службы, не входящие в систему государственных органов, а поэтому лишенные их недостатков, способны более эффективно удовлетворять насущные социальные запросы в области соблюдения прав заключенных, чем традиционные институты. Уполномоченный по правам осужденных и лиц, содержащихся под стражей, должен обладать той же «рамочной» компетенцией, теми же правами и обязанностями, что и Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, но быть ограничен соответствующей сферой общественных отношений и кругом лиц, имеющих право обращаться к нему.¹

Таким образом, предпосылки создания в Российской Федерации Уполномоченного по правам осужденных и лиц, содержащихся под стражей, обусловлены сложной правоприменительной ситуацией, которая сложилась в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Создание данного института по образцу английского Уполномоченного по делам тюрем и пробации и на основе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, позволит не только более успешно противостоять нарушениям прав осужденных и лиц, содержащихся под стражей, но и будет способствовать гармонизации отечественной уголовно-исполнительной системы с европейскими правозащитными моделями, расширению частноправовых начал в регулировании уголовно-исполнительных отношений и сближению с цивилизованными эталонами естественных прав человека.

¹ Подр.: Тепляшин П.В. Уполномоченный по правам осужденных и лиц, содержащихся под стражей: постановка проблемы и зарубежный опыт // Защита прав человека в формирующемся гражданском обществе: выполнение Россией обязательств по обеспечению прав человека, принятых в связи с её вступлением в Совет Европы : сборник материалов региональной научно-практической конференции (9 декабря 2004 г.) / отв. ред. И.Е. Жмаков. Красноярск: Филиал Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права в г. Красноярске, 2004. С. 141-145.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании изложенного материала можно сформулировать ряд следующих выводов и предложений.

1. Сравнительно-правовое исследование в уголовно-исполнительном праве представляет собой самостоятельное научное направление, основывающееся на цивилизационных достижениях пенитенциарной практики, выходящее за рамки позитивно-правового содержания самой отрасли права. Поэтому подобный вид исследования способен обогатить науку уголовно-исполнительного права интеллектуальным содержанием, придать ей методологически завершённый вид и цивилизационную ценность. Сравнительно-правовое исследование в сфере исполнения уголовных наказаний должно проводится в двух культурно-правовых континуумах – историческом и современном и на основе двух подходов – нормативном и функциональном, первый из которых опирается на сопоставление юридических текстов, сходных юридических понятий и категорий, второй – на изучение способа решения в зарубежном праве соответствующих проблем обращения с осужденными, имеющих значение для отечественной уголовно-исполнительной системы.

Построение новой модели обращения с осужденными должно посредством правовой интеграции использовать достижения в пенитенциарной сфере отдельных стран, а также «высвечивать» недостатки и, наоборот, показывать преимущества национальной системы исполнения уголовных наказаний. Поэтому конкретным инструментарием гармонизации уголовно-исполнительного права выступает метод сравнительного правоведения. В отражении результатов использования метода сравнительного правоведения возможно будут понятны самобытные пути развития отечественного уголовно-исполнительного права и уголовно-исполнительной системы в целом.

2. Влияние образцов зарубежного опыта обращения с осужденными на российскую практику исполнения уголовных наказаний привело к реформированию отечественной уголовно-исполнительной системы. Данная реформа олицетворяет отход от так называемого «реабилитационного идеала» к концепции контроля, поскольку усиливает предупредительный потенциал уголовных наказаний и фактически связана с переходом от «колонийской» к «тюремной» модели размещения осужденных, расширением практики технического надзора за осужденными и «трудотерапии» с перспективами введения нового наказания в виде принудительных работ. Однако без гармоничной системы уголовных наказаний, направленного применения исправительного воздействия, основанного на комплексной реализации всех средств исправления, закрепленных в ч. 2 ст. 9 УИК

РФ, расширения судебного компонента в механизме регулирования уголовно-исполнительных отношений и диспозитивных основ уголовно-исполнительного законодательства, создания программ индивидуального обращения с осужденными результаты такой реформы не будут иметь скорого эффекта профилактического воздействия на преступность. При этом идея всемерного соблюдения и дальнейшего закрепления прав, свобод и законных интересов осужденных стала выступать непосредственным содержанием деятельности соответствующих субъектов по исполнению уголовных наказаний, тогда как должна быть скрепляющим компонентом правовой оболочки указанной деятельности. Таким образом, произошла неоправданная с методологической точки зрения «подмена понятий» в ущерб собственно исправительной направленности уголовного наказания.

3. Российское уголовно-исполнительное законодательство продолжает оставаться значительно формализованным и ущербным с точки зрения процедурных (процессуальных) регуляторов, поэтому, регламентируя правовой статус осужденных – объем их субъективных прав, юридических обязанностей и законных интересов, оно имеет слабые процессуально-исполнительные механизмы правового регулирования исправительного воздействия. Следовательно, например, такая концептуальная идея как «неопределенность» приговоров, как в её «чистом», так и «смешанном» виде в настоящее время неприемлема для отечественной правовой системы, поскольку для её реализации необходим длительный период не просто реформирования судебной и уголовно-исполнительной систем, но модернизации уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства в направлении расширения диспозитивных и судебно-прецедентных начал правового регулирования общественных отношений.

Вместе с тем в условиях реформирования отечественной судебной и уголовно-исполнительной систем, обращение к зарубежным правоохранным моделям представляет особый интерес в силу того обстоятельства, что именно в этот момент отечественная правовая система нуждается в новых идеях, задающих дальнейший вектор ее развития. Критический анализ таких явлений в области исполнения уголовных наказаний как «неопределенные» приговоры, индивидуальная программа обращения с осужденными и отдельных уголовных наказаний позволяет по новому взглянуть на перспективы гармоничного развития отечественного уголовно-исполнительного законодательства и практику его реализации. Становится очевидным, что для реализации подобных и иных моделей обращения с осужденными необходим длительный период не просто реформирования судебной и уголовно-исполнительной систем, но

модернизации уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства в направлении расширения диспозитивных и судебно-прецедентных начал правового регулирования общественных отношений.

4. Исследование европейской системы тюремного заключения как практической стороны пенитенциарной науки приводит к выводу о том, что заключение в исправительное учреждение с одновременной изоляцией преступника от общества явилось основной формой существующей карательной практики. Данный вывод объяснялся высоким карательным (репрессивным) эффектом тюремного заключения, способным лишать человека одного из его главных благ – физической (нередко и духовной) свободы, а также возможностью в рамках лишения свободы применения широкой гаммы средств и методов воздействия на преступника. По мере развития европейской тюремной системы практически в ее сердцевине все больше приживалась исправительная идея наказания, вытесняя при этом возмездный и исключительно репрессивно-карательный характер уголовного наказания. Сам процесс институционального роста тюремной системы находится в зависимости от концепции закона и становления гражданской модели общества. Однако учение об исправительной идее уголовного наказания в виде тюремного заключения одновременно и нередко вскрывает недостатки и лакуны в организации исполнения данного наказания.

Рассмотрение организации работы пенитенциарных учреждений и исполнения уголовных наказаний в Германии, Франции, Англии и некоторых других стран позволяет заключить, что исправительные заведения этих стран, обеспечивая условия, содействующие исправлению преступников, ставят перед собой задачу убедить осужденных в необходимости применения к ним индивидуальных исправительных программ (так называемых программ «обращения»), заставить осознать полезность применяемых мер для самих заключенных и добиться их помощи в реализации проводимой реабилитационной деятельности. При этом прогрессивная мысль пришла к выводу, что ни одна исправительная программа не может стоить дороже, чем пустое бессмысленное заключение в тюрьму без применения специальных реабилитационных мер в отношении заключенных, которое в конечном итоге приведет к неизбежному росту тюремного населения в результате так называемого синдрома «вращающейся двери».

5. Обоснование использования положительного иностранного опыта и учета отечественного опыта обращения с осужденными позволяет на примере уголовного наказания в виде принудительных работ показать ряд соответствующих недостатков его законодательной регламентации. В связи с чем целесообразно закрепить принцип

добровольности осужденного на применение к нему принудительных работ как альтернативы лишению свободы и переименовать данное наказание заменив его на следующее наименование – «содержание в исправительном центре». В силу ущемления трудовых прав граждан со стороны данной меры уголовно-правового характера в ч. 2 ст. 53¹ УК РФ после слов «заменить осужденному» добавить слова «изъявившему желание добровольно отбыть наказание в виде содержания в исправительном центре».

6. Нормы уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в опосредованной форме адекватно отражают закономерности уголовной политики, но сформулированные в общем виде и в процессе неоднократного применения они не способны зачастую адекватно отражать конкретный жизненный случай. В данном случае можно наблюдать объективный прогресс формализации норм. Вместе с тем кризис эффективности наказания, наметившийся в 70-е годы в западной юридической доктрине, привел к снижению гегемонии либеральных течений в уголовном праве и постепенно стал разворачивать вектор уголовно-правовой доктрины от так называемой «социологической школы уголовного права» к «классической». При этом им именно интеграция правовых систем усилила влияние последствий упадка «идеала реабилитации» и задала процессы реанимации классических подходов уголовного права к сущности и содержанию уголовного наказания, а также поиску новых более гибких механизмов воздействия на преступника.

Интеграция правовых систем усилила центробежные силы по сближению «классической» и «социологической» школ уголовного права, а наметившийся в конце 70-х годов XX столетия отход европейской уголовно-правовой доктрины от «идеала реабилитации» к концепции «контроля» начинает оказывать действенное влияние на принципы отечественной модели уголовно-правового принуждения. Задачи оптимального сочетания такого влияния с потребностями эффективного предупреждения преступности показывают наличие дисгармонии в законодательной регламентации и практике исполнения уголовных наказаний. Рассмотрение такой дисгармонии на примере ограничения свободы и административного надзора показывает ряд соответствующих недостатков законодательной регламентации и применения данных мер правового воздействия:

– возможность назначения данного наказания в качестве дополнительного вносит ложные представления о замене данным уголовным наказанием института постпенитенциарного надзора (воздействия), институционализация которого является самостоятельной задачей в условиях проводимой реформы уголовно-исполнительной

системы и логическим результатом возрастания в уголовно-правовой доктрине роли концепции «контроля»;

– перечень ограничений назначенного в качестве дополнительного наказания ограничения свободы по многим позициям сопоставим с административными ограничениями, устанавливаемыми при административном надзоре и различие между данными ограничениями только формальное, но не содержательное;

– действующая редакция ограничения свободы, относит данное уголовное наказание к так называемым «смешанным», карательный потенциал которых не может быть жестче основных наказаний, поэтому рассматриваемая уголовно-правовая мера в «лестнице» уголовных наказаний должна занимать четвертое место – между лишением специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград и обязательными работами;

– максимальные сроки ограничения свободы не соответствуют уголовно-правовой политике и идут в разрез с задачами ресоциализации, поэтому требуют снижения до двух лет в отношении совершеннолетних осужденных и до одного года в отношении несовершеннолетних осужденных;

– вместе с тем в целях гармонизации уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в части регламентации исполнения ограничения свободы как дополнительного наказания и закрепления новых пенологических ожиданий перехода от исправительной (реабилитационной) идеи наказания к практической реализации концепции «контроля» необходимо внести соответствующие изменения в ч. 4 ст. 73 УК РФ, сформулировав её в следующей редакции: «При условном осуждении также могут быть назначены дополнительные виды наказаний за исключением ограничения свободы»;

– введение норм, регламентирующих предварительное изучение специалистами уголовно-исполнительной инспекции личности осужденного, подпадающего под возможное применение к нему наказания в виде ограничения свободы, с целью подготовки индивидуальной программы обращения с данным лицом в случае его осуждения к рассматриваемому наказанию. При этом перечень ограничений и обязанностей может быть самым разнообразным, отражающим потребности в исправлении конкретного осужденного, позволяющим максимально индивидуализировать наказание и исправительное воздействие с учетом совершенного преступления. В связи с этим предлагается внести следующие дополнения и изменения в нормы уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства:

В ст. 228 УПК РФ «Вопросы, подлежащие выяснению по поступившему в суд уголовному делу»:

«7) имеются ли основания подготовки уголовно-исполнительной инспекцией рекомендаций о содержании индивидуальной программы обращения с осужденным в отношении обвиняемого лица, совершившего преступление санкцией которого предусмотрено наказание в виде ограничения свободы».

В ч. 1 ст. 299 УПК РФ «Вопросы, разрешаемые судом при постановлении приговора»:

«18) следует ли утверждать индивидуальную программу обращения с осужденным при назначении подсудимому наказания в виде ограничения свободы».

В ч. 1 ст. 308 УПК РФ «Резолютивная часть обвинительного приговора»:

«7.1) наличие индивидуальной программы обращения с осужденным при осуждении к ограничению свободы».

В ч. 1 ст. 309 УПК РФ «Иные вопросы, подлежащие решению в резолютивной части приговора»:

«4) решение вопроса о вынесении постановления об утверждении индивидуальной программы обращения с осужденным при осуждении к ограничению свободы».

В ст. 313 УПК РФ «Вопросы, решаемые судом одновременно с постановлением приговора»:

«3.1. В случае назначения уголовного наказания в виде ограничения свободы суд одновременно с постановлением приговора выносит постановление об утверждении индивидуальной программы обращения с осужденным».

Содержание ч. 2 ст. 50 УИК РФ «Порядок отбывания наказания в виде ограничения свободы» изложить в следующей редакции:

«Осужденный к наказанию в виде ограничения свободы обязан соблюдать установленные судом ограничения, выполнять предписания индивидуальной программы обращения, являться по вызову в уголовно-исполнительную инспекцию для дачи устных или письменных объяснений по вопросам, связанным с отбыванием им наказания и выполнения индивидуальной программы обращения».

Содержание ч. 1 ст. 54 УИК РФ «Обязанности уголовно-исполнительной инспекции» изложить в следующей редакции:

«Уголовно-исполнительная инспекция ведет учет осужденных к наказанию в виде ограничения свободы, разъясняет порядок и условия отбывания наказания, а также содержание индивидуальной программы обращения, осуществляет надзор за осужденными и принимает меры по предупреждению с их стороны нарушений установленного порядка отбывания наказания, оказывает осужденным помощь в трудоустройстве, проводит с ними воспитательную работу, применяет установленные законом меры поощрения и взыскания,

вносит в суд представления об отмене частично либо о дополнении ранее установленных для осужденных ограничений, о содержании прав и обязанностей, закрепленных в индивидуальной программе обращения, а также о замене осужденным, уклоняющимся от отбывания наказания, неотбытой части наказания в виде ограничения свободы наказанием в виде лишения свободы».

Содержание п. «б» ч. 1 ст. 58 УИК РФ «Ответственность за нарушение порядка и условий отбывания наказания в виде ограничения свободы и за уклонение от его отбывания» изложить в следующей редакции: «несоблюдение без уважительных причин осужденным установленных судом ограничений и пунктов-обязанностей индивидуальной программы обращения»;

Последовательное применение ограничения свободы (назначенного как в качестве основного, так и в качестве дополнительного наказания), а затем административного надзора не только в сугубо правовом смысле «размывает» границы между уголовно-правовыми и административно-правовыми мерами, но и нецелесообразно с позиций социальной адаптации лица. На этом основании представляется излишним установление административного надзора в отношении лиц, которым назначено наказание в виде ограничения свободы;

Требуется расширить перечень уголовно-исполнительных оснований установления административного надзора: с учетом планируемого разделения исправительных учреждений на два основных вида – тюрьмы и колонии-поселения следует более дифференцированно подойти к административным ограничениям, устанавливаемым в отношении лиц освобождаемых из соответствующих мест лишения свободы и поэтому видится достаточно обоснованным обязательное установление административного надзора в отношении лиц, освобождаемых из тюрем.

7. С учетом либертарно-юридической теории права, удерживающей познавательно-ценные моменты естественно-правового и позитивистского типов правопонимания, гармонизация уголовно-исполнительного законодательства России должна строиться на сочетании формально-нормативного и судебно-правоприменительного подходов в правовом регулировании уголовно-исполнительных отношений. Такое сочетание возможно на фоне повышения роли судебного акта, нормативного договора (договора с нормативным содержанием), усиления частноправовых начал в регулировании общественных отношений, нарастания процессуальности (процедурности) в механизме правового регулирования уголовно-исполнительных отношений, гуманизации уголовно-исполнительной политики.

В правоприменительном плане можно выделить два типа правопонимания – естественно-правовой и позитивистский, которые,

«переплетаясь», должны гармонично сочетаться в механизме правовой регуляции признания (санкционирования) и закрепления (позитивации) прав, свобод и законных интересов осужденных. Наиболее ярко недостатки и достоинства такого сочетания проявляются в признании и закреплении категории законных интересов осужденных. Оптимальным проявлением «жизни» законного интереса выступает соглашение (контракт), поскольку каждая из сторон договорного правоотношения действует в соответствии со своими законными устремлениями, ориентируясь лишь на законодательные требования к форме и условиям таких отношений. В связи с чем достаточно конструктивным видится заключение с лицами, осужденными к отбыванию уголовного наказания в виде лишения свободы, соглашения, реализуемого в форме персональной программы отбывания наказания, которая демонстрирует естественно-правовой тип правопонимания и является способом преодоления недостаточно гибкой позитивистско-нормативной модели регулирования уголовно-исполнительных отношений, требующих более рельефного учета интересов их участников.

8. В правоприменительной судебно-прецедентной практике содержится важнейшая методологическая предпосылка повышения роли судебного регулирования уголовно-исполнительных правоотношений, поскольку формальная практика судов приводит к качественно негативному нивелированию применения многих институтов, связанных с процессом исполнения и отбывания уголовных наказаний. В результате такой институт, как условно-досрочное освобождение, имеет очень низкую эффективность как раз в силу формального единообразного отношения судов к его применению и поэтому требует существенной корректировки, заключающейся в необходимости снижения нижнего формального «порога» условно-досрочного освобождения до минимального предела наказания, предусмотренного санкцией соответствующей части уголовно-правовой нормы, за нарушение которой было назначено наказание.

Регламентируя правовой статус осужденных – объем их субъективных прав, юридических обязанностей и законных интересов, уголовно-исполнительное законодательство одновременно с этим имеет слабые процессуально-исполнительные механизмы правового регулирования уголовно-исполнительных отношений, которые, безусловно, должны играть доминирующую роль в определении степени исправимости осужденного. При этом факт исправления либо отдельные степени исправления зависят от комплексного применения средств исправления и не могут зависеть лишь от труда осужденного, направленного на восстановление ущерба, причиненного преступлением. Также по этим причинам целесообразно исключение их

числа элементов прогрессивной системы исполнения наказания «дозирования» законодателем числа краткосрочных и длительных свиданий, посылок, передач, бандеролей, что негативным образом влияет на социально-полезные связи осужденных и его социальную адаптацию.

9. Важнейшей тенденцией использование метода сравнительного правоведения в сфере исполнения уголовных наказаний выступает расширение роли именно судебного регулирования уголовно-исполнительных отношений. Поэтому наряду с ведомственным контролем, прокурорским надзором, деятельностью Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (в перспективе – Уполномоченного по правам осужденных и лиц, содержащихся под стражей) и иными правозащитными субъектами важнейшим структурным элементом организационной системы соблюдения и защиты прав, свобод и законных интересов осужденных выступает судебный механизм обеспечения социальных ценностей граждан в местах отбывания уголовных наказаний.

Поскольку каждая форма прогрессивной системы предполагает соответствующий «скачок» в изменении объема прав, обязанностей и законных интересов осужденного лица, постольку между сущностью судебного контроля и проявлением прогрессивной системы имеется дисгармония, заключающаяся в отсутствии судебного контрольного регулирования такой формы прогрессивной системы, как изменение условий отбывания наказания, в рамках одного исправительного учреждения. На этом основании представляется аргументированным законодательного установления прямого судебного контрольного регулирования первой формы прогрессивной системы – изменения условий отбывания наказания в границах одного исправительного учреждения.

В целях более успешного противодействия нарушениям прав осужденных и лиц, содержащихся под стражей, обеспечения гармонизации отечественной уголовно-исполнительной системы с европейскими правозащитными моделями, расширения частнопроводных начал в регулировании уголовно-исполнительных отношений и сближения с цивилизованными эталонами естественных прав человека представляется институционализировать пенитенциарный суд и Уполномоченного по правам осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в Российской Федерации, что соответствует не только конституционной идее о приоритете прав человека и потребностям правоприменительного регулирования уголовно-исполнительных отношений, но и общим европейским пенитенциарным тенденциям.

Таким образом, повышение эффективности уголовно-исполнительного законодательства России и построение искомой модели обращения с осужденными должно использовать достижения

в пенитенциарной сфере отдельных стран, а также «высвечивать» недостатки и, наоборот, показывать преимущества национальной системы исполнения уголовных наказаний. При этом достижения отечественного уголовно-исполнительного права в основном отражают ценность закона, опираются на его непреложное верховенство в регулировании общественных отношений, но имеют значительное расхождение с правоприменительной практикой и возможностями судебного порядка регулирования процесса исполнения наказания и исправительного воздействия на осужденных.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Литература на русском языке

1. Азаров, В.А. Судебный контроль в системе средств обеспечения прав и свобод личности (уголовно-процессуальный аспект) / В.А. Азаров // Актуальные проблемы борьбы с преступностью и правоприменительной практики : межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. В.И. Горобцов. Вып. 3. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2000. – С. 68–79.
2. Александров, Ю. Пенитенциарная система Франции / Ю. Александров // Преступление и наказание. – 1999. – № 11. – С. 41–43.
3. Алексеев, В.И. Тюремный режим в механизме правового регулирования (1879–1917 гг.) / В.И. Алексеев // Российский следователь. – 2011. – № 11. – С. 36–39.
4. Алферов, Ю.А. Пенитенциарная социология и перевоспитание осужденных : монография / Ю.А. Алферов. – Домодедово: РИПК МВД РФ, 1994. – 206 с.
5. Аннерс, Э. История европейского права : пер. со швед. / Э. Аннерс. – М.: Наука, 1996. – 395 с.
6. Ансель, М. Новая социальная защита (гуманистическое движение в уголовной политике) / М. Ансель ; пер. с франц. Н.С. Лапшиной ; под ред. А.А. Пионтковского. – М.: Прогресс, 1970. – 312 с.
7. Антонян, Ю.М. К чему приговаривает суд, когда приговаривает к лишению свободы / Ю.М. Антонян // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2005. – № 4. – С. 4–7.
8. Арановский, К.В. В преддверии сравнительного правоведения / К.В. Арановский // Правоведение. – 1998. – №2. – С. 58–63.
9. Арзамасцев, М. Проблемы определения места исполнения наказания в виде ограничения свободы / М. Арзамасцев // Уголовное право. – 2010. – № 4. – С. 4–7.
10. Астемиров, З.А. Исправительные учреждения в зарубежных странах: учебное пособие / З.А. Астемиров. – Рязань: Высшая школа МВД СССР, 1972. – 96 с.
11. Бабаян, С.Л. Совершенствование правового регулирования поощрительных институтов изменения условий отбывания наказания и вида исправительного учреждения / С.Л. Бабаян // Человек: преступление и наказание. – 2012. – № 2(77). – С. 46–50.
12. Бавсун, М.В. Целесообразность в уголовном праве : монография / М.В. Бавсун. – Омск: Омская академия МВД России, 2004. – 172 с.
13. Багреева, Е.В. Историко-сравнительный анализ психологической практики в пенитенциарных учреждениях скандинавских стран : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.В. Багреева. – Рязань: Научно-исследовательский институт ФСИН России, 2006. – 24 с.

14. Багреева, Е.Г., О специфике деятельности тюремной системы Норвегии / Е.Г. Багреева, Е.В. Багреева // Российский следователь. – 2012. – № 11. – С. 42–44.

15. Байльдинов, Е.Т. Проблемы эффективности наказания и устойчивое развитие общества / Е.Т. Байльдинов // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2010. – №2. – С. 65–68.

16. Баранов, Ю.В. Стадии ресоциализации осужденных в свете новых социолого-антропологических воззрений и социальной философии / Ю.В. Баранов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – 275 с.

17. Баранов, Ю.В. О целях уголовного и уголовно-исполнительного законодательства / Ю.В. Баранов // Человек: преступление и наказание. – 2012. – № 1 (76). – С. 8–10.

18. Беккария, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккария ; сост. и предисл. В.С. Овчинского. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 184 с.

19. Бентам, И. Введение в основания нравственности и законодательства / И. Бентам. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1998. – 415 с

20. Берви, В.В. Очерк судебного управления в Англии / В.В. Берви // Журнал Министерства юстиции. – 1859. – №9 (сентябрь). – С. 63–120.

21. Березиков, С. Условия отбывания наказания в исправительных учреждениях надо менять / С. Березиков // Законность. – 2009. – №6. – С. 41–43.

22. Бехруз, Х.Н. Сравнительное правоведение как самостоятельная юридическая наука и учебная дисциплина / Х.Н. Бехруз // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2007. – №2. – С. 35–42.

23. Благов, Е. Принудительные работы / Е. Благов // Уголовное право. – 2012. – № 2. – С. 15–18.

24. Бойков, А.Д. Сущность социалистического правосудия и его виды / А.Д. Бойков // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 37. – М.: Юрид. лит., 1982. – С. 34–44.

25. Бондаренко, А.С. Основания установления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы / А.С. Бондаренко // Правовые вопросы борьбы с преступностью : сборник / под ред. В.Д. Филимонова. – Томск: Изд-во ТГУ, 1988. – С. 93–104.

26. Булатов, С.Я. Лишение свободы в буржуазной уголовной политике / С.Я. Булатов // Тюрьма капиталистических стран : сборник статей / под ред. А.Я. Вышинского. – М.: Советское законодательство, 1937. – С. 3–44.

27. Быкова, Е.В. Проблемы взаимодействия правовых систем на современном этапе / Е.В. Быкова // Международное публичное и частное право. – 2008. – №3(42). – С. 30–33.

28. Васильев, А.И. О критериях оценки степени исправления и перевоспитания / А.И. Васильев // Исправительно-трудовые учреждения. – 1980. – № 13. – С. 24–26.

29. Ведерникова, О.Н. Теория и практика борьбы с преступностью в Великобритании / О.Н. Ведерникова. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2001. – 344 с.

30. Верина, Г. Ограничение свободы как вид уголовного наказания в свете законодательных новелл / Г.Верина // Уголовное право. – 2010. – № 5. – С. 8–10.

31. Власенко, Н. «Тревожные» вопросы по поводу судебных правовых позиций / Н. Власенко // Новая юстиция. – 2008. – №1. – С. 24–28.

32. Водолазский, Б.Ф. Психологические особенности личности осужденного / Б.Ф. Водолазский. – Омск: Высшая школа МВД СССР, 1982. – 32 с.

33. Волков, К.А. Судебный прецедент и правоприменительная конкретизация в уголовном праве / К.А. Волков // Проблемы обеспечения законности и правопорядка в Дальневосточном регионе : сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции (12-13 мая 2004 г.). – Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2004. – С. 86–90.

34. Вороненков, Д.Н., Правовые реформы и развитие национальной пенитенциарной системы / Д.Н. Вороненков, Н.И. Полищук // Современное право. – 2013. – № 5. – С. 89–94.

35. Воронцова, И.В. Судебное правотворчество: домислы или реальность? / И.В. Воронцова // Современное право. – 2009. – №6. – С. 81–83.

36. Галкин, М.Н. Материалы к изучению тюремного вопроса / М.Н. Галкин. – Санкт-Петербург: Типография Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1868. – 174 с.

37. Граднауэр Г. Характеристика карательной системы / Георг Граднауэр // Уголовное право и социализм : сборник статей / пер., ред. и предисл. М.Н. Гернета. – М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1908. – С. 130–180.

38. Гернет, М.Н. История царской тюрьмы: в 5 т. / М.Н. Гернет. – 3-е изд. – Т. I. 1762–1825. – М.: Гос-е изд-во юрид. лит-ры, 1960. – 384 с.

39. Гернет М.Н. История царской тюрьмы: в 5 т. / М.Н. Гернет. – 3-е изд. – Т. II. 1825–1870. – М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1961. – 582 с.

40. Гилязова, О.Г. К вопросу об альтернативных видах исполнения уголовных наказаний в России и за рубежом / О.Г. Гилязова // Уголовно-исполнительное право. – 2011. – № 1. – С. 11–14.

41. Гиляров, Е.М. Становление и развитие ИТУ советского государства (1917-1925 гг.) : учебное пособие / Е.М. Гиляров, А.В. Михайличенко. – Домодедово: ВИПК МВД СССР, 1990. – 83 с.

42. Гогель, С.К. Вопросы уголовного права, процесса и тюремного ведения. Собрание исследований / С.К. Гогель. – С.-Петербург: Типография товарищества «Общественная Польза», 1906. – 646 с.

43. Головкин, Л.В. Альтернатива лишению свободы – очередная химера? / Л.В. Головкин // ЭЖ-Юрист. – 2010. – № 3. – С. 1, 10.

44. Гольденвейзер, А.С. Преступление – как наказание, а наказание – как преступление (Мотивы Толстовского «Воскресения»). Издание товарищей в ознаменование 35-летнего юбилея адвокатской деятельности автора / А.С. Гольденвейзер. – Киев: Тип. Р.К. Лубковского, Б.-Владимирская ул., №46, 1911. – 76 с.

45. Горобцов, В.И. Предмет уголовно-исполнительного права: эволюция, современное состояние, перспективы развития: учебное пособие / В.И. Горобцов. – Красноярск: Красноярская высшая школа МВД России, 1998. – 28 с.

46. Горобцов, В.И. Проблемы реализации мер постпенитенциарного воздействия: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / В.И. Горобцов. – Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 1995. – 32 с.

47. Грачева, Ю.В. Судейское усмотрение в реализации уголовно-правовых норм: проблемы законотворчества, теории и практики: автореф. дис... д.ю.н. / Ю.В. Грачева. – М.: Московская государственная юридическая академия имени О.Е. Кутафина, 2011. – 38 с.

48. Гришко, А.Я. Судебный контроль за исполнением наказаний и новые Европейские пенитенциарные правила / А.Я. Гришко // Российский судья. – 2007. – №2. – С. 37–41.

49. Давыдова, И.А. Судебный контроль в стадии исполнения уголовного наказания / И.А. Давыдова, А.Н. Павлухин, Н.Д. Эриашвили, Н.А. Колоколов // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2008. – №6. – С. 10–34.

50. Джабадари, И.С. Смертная казнь в связи с правом наказания / И.С. Джабадари. – С.-Петербург: Типография Дома Призрения Малолетних Бедных. Лиг. ул., д. 26, 1896. – 190 с.

51. Дриль, Д.А. Исправительное заведение (Reformatory) в Конкорде (шт. Массачусетс) / Д.А. Дриль // Журнал Министерства юстиции. – 1897. – №4 (апрель). – С. 249–258.

52. Дриль, Д.А. О применении основных начал принудительного воспитания к взрослым осужденным / Д.А. Дриль // Журнал Министерства юстиции. – 1901. – №7 (сентябрь). – С. 102–136.

53. Егоров, А.В. К истории понятия сравнительного правоведения / А.В. Егоров // Государство и право. – 2009. – №3. – С. 91–96.

54. Елеонский, В.А. Уголовное наказание и воспитание позитивной ответственности личности / В.А. Елеонский. – Рязань: Рязанская высшая школа МВД СССР, 1979.

55. Ермакова, К.П. Правовые пределы судебного усмотрения / К.П. Ермакова // Журнал российского права. – 2010. – № 8. – С. 50–58.

56. Ефремова, Н.Н. Эволюция отечественного правосудия (судебные реформы XX – начала XXI вв.) / Н.Н. Ефремова // Право. – 2009. – №1. – С. 21–35.

57. Жабский, В.А. Основные направления гармонизации норм законодательства зарубежных стран в соответствующие законодательные акты Российской Федерации / В.А. Жабский // Субъекты современных правоотношений: теория, законодательство, практика : материалы Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. В.С. Песоцкий, А.М. Соловьев, И.А. Уваров. – Невинномысск: НГГТИ, 2010. – С. 235–239.

58. Жижиленко, А.А. Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных средств / А.А. Жижиленко. – Петроград: Типография «Правда», Разъезжая, 16-18, 1914. – 676 с.

59. Закревский, И.П. Пятый Международный пенитенциарный конгресс / И.П. Закревский // Журнал Министерства юстиции. – 1895. – № 10 (октябрь). – С. 121–149.

60. Зубарев, С.М. Правовое обеспечение реформы уголовно-исполнительной системы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.М. Зубарев. – М.: Академия управления МВД России, 1999. – 24 с.

61. Зубков, А.И. Основные направления развития пенитенциарного законодательства и практика его реализации в истории России и в современный период / А.И. Зубков // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2007. – № 1. – С. 4–10.

62. Иванова, Г.М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты / Г.М. Иванова. – М.: Наука; Ин-т российской истории РАН, 2006. – 438 с.

63. Иванов, А.А. Российская правовая наука рубежа XIX–XX веков и формирование личностного подхода в наказании / А.А. Иванов // Журнал российского права. – 2005. – №5. – С. 125–133.

64. Иванов, Н.Г. Сравнительный метод в советском уголовном праве / Н.Г. Иванов // Правоведение. – 1988. – № 2. – С. 33–39.

65. Исмаилов, В.Д. Систематизация института лишения свободы / В.Д. Исмаилов // Современное право. – 2013. – № 1. – С. 99–101.

66. Йоханссон, Б.Л. Общие сведения о системе исполнения наказаний в Швеции / Бо Леннарт Йоханссон // Пути взаимодействия пенитенциарных учреждений и некоммерческих организаций в области образования : материалы международной конференции, Санкт-Петербург, п. Репино, 7–10 октября 2004 г. / сост. И.М. Княжева. – СПб.: РОО «Центр женских инициатив», 2004. – С. 29–32.

67. Казакова, Е.Н. Пожизненное лишение свободы в Канаде: законодательство и практика / Е.Н. Казакова // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2006. – №3. – С. 21–22.

68. Калинин, Ю.И. Пенитенциарная система России: прошлое, настоящее, будущее : лекция / Ю.И. Калинин. – Лондон: Кингс Колледж Лондонского университета, 2002. – 32 с.

69. Кананыкина, Е.С. Правовая система Соединенных Штатов Америки / Е.С. Кананыкина // Международное публичное и частное право. – 2009. – №1 (46). – С. 40–48.

70. Карбонье, Ж. Юридическая социология / Ж. Карбонье / пер. с фр. и вст. ст. В.А. Туманова. – М.: Прогресс, 1986. – 352 с.

71. Карнозова, Л.М. Уголовная юстиция и гражданское общество. Опыт парадигмального анализа / Л.М. Карнозова. – М.: Р. Валент, 2010. – 480 с.

72. Кибальник, А. К чему приведёт «гуманизация» уголовного законодательства? / А. Кибальник // Законность. – 2011. – № 9. – С. 22–25.

73. Киселев, Н.В. Диспозитивные начала правового регулирования исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.В. Киселев. – Томск: Юридический институт Томского государственного университета, 1998. – 200 с.

74. Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности : монография / науч. ред. Н.В. Щедрин. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2010. – 324 с.

75. Козаченко, И.Я. Проблемы сравнительного правоведения в сфере уголовного права России и Финляндии / И.Я. Козаченко, Я. Койстинен // Российский юридический журнал. – 2010. – №1. – С. 19–32.

76. Кораблин, К.К. История развития пенитенциарной системы в России : учебное пособие / К.К. Кораблин. – Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2001. – 80 с.

77. Кораблин, К.К. Пенитенциарные системы зарубежных стран: история и современность : учебное пособие / К.К. Кораблин, С.А. Тимошенко. – Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2002. – 60 с.

78. Крылова, Н. К вопросу о гармонизации и гуманизации уголовного закона / Н.Крылова // Уголовное право. – 2011. – № 6. – С. 26–34.

79. Кубанцев, С.П. Применение probation и досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы в США / С.П. Кубанцев // Журнал российского права. – 2006. – №1. – С. 121–132.

80. Кудрявцев, В.Н. Стратегии борьбы с преступностью / В.Н. Кудрявцев. – М.: Юрист, 2003. – 352 с.

81. Ландо, А.С. Институт Уполномоченного по правам человека в России и Европе / А.С. Ландо // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации : сборник статей / под ред. В.М. Баранова. – Нижний Новгород, 2003. – С. 561–568.

82. Леленталь, С. Исполнение наказания в виде лишения свободы в европейских социалистических государствах / С. Леленталь, П. Веж-

бицкий : пер. с польск. / предисл. и отв. ред. Н.А. Стручков. – М.: Юрид. лит., 1978. – 160 с.

83. Лозовская, С.В. Соотношение судейского усмотрения и судейского правотворчества / С.В. Лозовская // Российский судья. – 2012. – № 9. – С. 24–26.

84. Лопашенко, Н.А. Сообщение о защите диссертации «Уголовное право Италии: основные институты», представленной М.А. Игнатовой на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Н.А. Лопашенко // Уголовное право. – 2003. – № 2. – С. 138.

85. Люблинский, П.И. Условное освобождение и неопределенные приговоры в Северной Америке / П.И. Люблинский // Журнал уголовного права и процесса. – 1913. – №2. – С. 1–36; №3. – С. 1–54.

86. Макаренко, Н.И. Исправление осужденных к лишению свободы: вопросы теории и практики (уголовно-исполнительный аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.И. Макаренко. – Челябинск: Государственный университет, 2006. – 28 с.

87. Максимова, М.В. Проблемы использования зарубежного опыта по нейтрализации последствий криминального экстремизма органами внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.В. Максимова. – М.: Академия управления МВД России, 2003. – 26 с.

88. Малешина, А.В. Ответственность за преступные деяния против жизни в странах общего права (на примере Англии, США и Канады) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Малешина. – М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2009. – 32 с.

89. Малинин, В.Б. Поиск оптимальной модели уголовно-исполнительной системы / В.Б. Малинин // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели : материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2012 года). М.: Проспект, 2012. – С. 488–492.

90. Малинин, Ф. VIII Международный пенитенциарный конгресс в Будапеште в 1905 году / Ф. Малинин // Журнал Министерства юстиции. – 1902. – № 9. – С. 214–219 (хроника).

91. Малько, А.В. О роли сравнительного правоведения в современной правовой жизни / А.В. Малько, А.Ю. Саломатин // Правоведение. – 2009. – № 2. – С. 125–133.

92. Марцев, А.И. Диалектика и вопросы теории уголовного права / А.И. Марцев. – Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1990. – 128 с.

93. Марцев, А.И. Уголовная ответственность и общее предупреждение преступлений / А.И. Марцев. – Омск: Омская высшая школа МВД СССР, 1973. – 96 с.

94. Марченко, М.Н. Об основных тенденциях развития права в условиях глобализации / М.Н. Марченко // Государство и право. – 2009. – № 6. – С. 5–11.

95. Марченко, М.Н. Особенности судебного прецедента в системе романо-германского права / М.Н. Марченко // Государство и право. – 2006. – № 8. – С. 22–28.

96. Маслихин, А.В. Лишение свободы: виды, содержание, исполнение / А.В. Маслихин // Лишение свободы: виды, содержание, исполнение: материалы заседания координационного бюро ВНИИ МВД СССР по исправительно-трудовому праву. – Рязань: РВШ МВД РСФСР, 1991. – С. 3–15.

97. Международное право и национальное законодательство. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Эксимо, 2009. – 704 с.

98. Мелешников, А.В. Историко-правовые предпосылки согласования российской и европейской правозащитных систем / А.В. Мелешников // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации : сборник статей / под ред. В.М. Баранова. – Нижний Новгород, 2003. – С. 22–33.

99. Мигущенко, О.Н. Применение меры социальной защиты «принудительные работы» в 1928–1934 гг. / О.Н. Мигущенко // История государства и права. – 2009. – № 22. – С. 37–40.

100. Милюков, С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа : монография / С.Ф. Милюков. – СПб.: СПБИНВЭСЭП, 2000. – 279 с.

101. Михлин, А.С. Личность осужденных к лишению свободы и проблемы их исправления и перевоспитания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.С. Михлин. – М.: Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1974. – 31 с.

102. Нарышкина, Н.И. К вопросу о трактовке термина «тюрьма» и о видах тюрем, существовавших в России в XI–XIX веках / Н.И. Нарышкина // Человек: преступление и наказание. – 2012. – № 2(77). – С. 56–59.

103. Наумов, А.В. Сближение правовых систем как итог развития уголовного права XX в. и его перспектива в XXI в. / А.В. Наумов // Государство и право. – 1998. – № 6. – С. 50–58.

104. Общее предупреждение преступлений: проблемы и перспективы : монография / А.И. Марцев [и др.]. – Омск: Высшая школа милиции МВД РФ, 1993. – 206 с.

105. Овчинников, Ю.Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук / Ю.Г. Овчинников. – Омск: Академия МВД России, 2006. – 209 с.

106. Овчинский, В.С. О реформе российской пенитенциарной системы в условиях финансово-экономического кризиса / В.С. Овчинский // Уголовная политика и право в эпоху перемен : материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора П.С. Дагеля / науч. ред. А.И. Коробеев. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2010. – С. 149–161.

107. Оксамытный, В.В. Система уголовных наказаний в Англии / В.В. Оксамытный. – Киев: Наукова думка, 1977. – 144 с.

108. Ольховик, Н.В. Рецидивная преступность осужденных и ее предупреждение / Н.В. Ольховик, Л.М. Прозументов. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2009. – 160 с.

109. Организация воспитательно-профилактической работы с осужденными, отбывающими наказания, не связанные с лишением свободы : учебное пособие / под общ. ред. С.Н. Пономарева. – Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2002. – 253 с.

110. Первозванский, В. Реализация европейских стандартов в деятельности исправительных учреждений УИС России / В. Первозванский, Н. Хуторская // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2009. – № 11. – С. 16–20.

111. Пергатая, А.А. Уголовная ответственность несовершеннолетних по законодательству Федеративной Республики Германии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Пергатая. – Красноярск: Государственный университет, 1999. – 180 с.

112. Печников, А.П. Тюремные учреждения российского государства (1649 г. – октябрь 1917 г.): историческая хроника / А.П. Печников. – М.: Щит-М, 2004. – 325 с.

113. Пионтковский, А.А. Смертная казнь в Европе / А.А. Пионтковский. – Казань: Типолитография Императорского Университета, 1908. – 124 с.

114. Поздняков, В.М. Задачи пенитенциарных психологов при современной реформе уголовно-исполнительной системы России / В.М. Поздняков // Психология и право. – 2012. – №3. – С. 132–142.

115. Познышев, С.В. Основные начала науки уголовного права (Общая часть уголовного права) / С.В. Познышев. – М.: Изд-е А.А. Карцева, 1912. – 665 с.

116. Пржевальский, В.В. Профессор Франц Лист и его основные воззрения на преступление и наказание / В.В. Пржевальский // Сборник правоведения и общественных знаний : Труды юридического общества, состоящего при Императорском московском университете, и его статистического отделения. – Т. 6. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 л., 28, 1896. – С. 70–127.

117. Пугина, О.А. Правопреемственность как базовый элемент интеграции правовых систем / О.А. Пугина // Современное право. – 2006. – №7. – С. 68–75.

118. Разогреева, А. Условное осуждение и ограничение свободы: контроль и (или) ресоциализация / А. Разогреева, М. Миньков // Уголовное право. – 2010. – № 4. – С. 47-51.

119. Рарог, А.И. Правовое значение разъяснений Пленума Верховного Суда РФ // Государство и право. – 2001. – №2. – С. 51–57.

120. Реале, Дж. Западная философия от истоков до наших дней: в 3 т. / Дж. Реале, Д. Антисери. Том 3. Новое время / пер. С. Мальцевой; науч. ред. Э. Соколова. – СПб.: Петрополис, 1996. – 736 с.

121. Ременсон, А.Л. Избранные труды / А.Л. Ременсон. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2003.

122. Реформирование уголовно-исполнительной системы: теоретический проект : учебное пособие / под общ. ред. А.А. Реймера. – М., Рязань: Академия ФСИН России, 2009. – 72 с.

123. Ривман, Д.В., Возникновение и развитие пенологии и пенитенциарной науки / Д.В. Ривман, Л.Б. Смирнов // Предпринимательство в России: опыт, проблемы, уроки : материалы межрегиональной научно-практической конференции (19 апреля 2001 года). – Часть II. – СПб.: Институт внешнеэкономических связей, экономики и права, 2001. – С. 41–52.

124. Рыжов, Р.С. Ограничение свободы и его место в системе уголовных наказаний / Р.С. Рыжов // Человек: преступление и наказание. – 2010. – № 1(68). – С. 81–84.

125. Сабо, И. Теоретические проблемы сравнительного правоведения / И. Сабо // Сравнительное правоведение : сборник статей / сост., ред. и вступ. ст. В.А. Туманова. – М.: Прогресс, 1978. – С. 54–75.

126. Савенок А.Л. Уголовное право в контексте парадигмального понимания истории // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы X Международной научно-практической конференции (24–25 января 2013 г.). – М.: Проспект, 2013. – С. 53–56.

127. Саидов, А.Х. Сравнительное гражданское право как наука и учебная дисциплина / А.Х. Саидов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2007. – № 1. – С. 52–61.

128. Саидов, А.Х. Сравнительное правоведение и законотворчество / А.Х. Саидов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2006. – № 1. – С. 16–22.

129. Саломатин, А.Ю. Гуманизация уголовной политики в контексте модернизации права в Западной Европе и США (конец XVIII – XIX вв.) / А.Ю. Саломатин, Н.В. Долженкова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2004. – № 2. – С. 149–154.

130. Селиверстов В.И. Основные направления эффективности научных исследований в свете реформирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации / В.И. Селиверстов // Российский криминологический взгляд. – 2011. – № 1. – С. 51–56.

131. Селиверстов, В.И. Некоторые направления уголовно-исполнительной политики России на современном этапе / В.И. Селиверстов // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2009. – № 5. – С. 16–20.

132. Сергеевский, Н.Д. Русское уголовное право : пособие к лекциям / предисл. автора / Н.Д. Сергеевский. – СПб.: Типография Х.Ш. Гельперн, 1890. – 434 с.

133. Сизый, А.Ф. К вопросу о концепции совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства / А.Ф. Сизый // Лишение свободы: виды, содержание, исполнение : материалы заседания координационного бюро ВНИИ МВД СССР по исправительно-трудовому праву. – Рязань: РВШ МВД РСФСР, 1991. – С. 62–66.

134. Синичкин, А.А. Оценка степени исправления осужденных к лишению свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Синичкин. – Казань, 2003. – 22 с.

135. Скобелин, С.Ю. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания и замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания / С.Ю. Скобелин // Уголовное право. – 2009. – №6. – С. 64–68.

136. Смирнов, Л.Б. Возникновение и развитие пенологии / Л.Б. Смирнов // История государства и права. – 2003. – № 4. – С. 8–10.

137. Смирнов, С.Н. Тюремный омбудсман: зарубежный опыт в России / С.Н. Смирнов // Проблемы и перспективы развития уголовно-правовой науки : сборник материалов международной научно-практической конференции (г. Пенза, 20-21 декабря 2005 г.) / под ред. Е.А. Лукиной, А.К. Суменкова. – Пенза: ИИЦ ПГУ, 2005. – С. 163–167.

138. Социальная антропология права современного общества : монография / под ред. И.Л. Честнова. – СПб.: Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права, Общество «Знание» Санкт-Петербурга и Ленинградской области, 2006. – 248 с.

139. Спиридонов, А.П. Взаимодействие российского уголовного права с системами права других государств: исторический аспект / А.П. Спиридонов // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2009. – № 3(34). – С. 37–43.

140. Сталев, Ж. Сравнительный метод в социалистической правовой науке / Ж. Сталев // Сравнительное правоведение : сборник статей / сост., ред. и вступ. ст. В.А. Туманова. – М.: Прогресс, 1978. – С. 15–53.

141. Стручков, Н.А. Актуальные проблемы укрепления режима отбывания наказания и профилактики правонарушений в исправительно-трудовых учреждениях : материалы Всесоюзной научно-практической конференции, состоявшейся в г. Волгограде 30 ноября – 1 декабря 1978 г. / Н.А. Стручков / редкол. А.И. Васильев [и др.]. – Рязань, 1979. – С. 55–61.

142. Стручков, Н.А. Советская исправительно-трудовая политика и её роль в борьбе с преступностью / Н.А. Стручков. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1970. – 272 с.

143. Субочев, В.В. Установление законных интересов в юридических предписаниях: проблемы правотворческой дефиниции / В.В. Су-

бочев // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы : материалы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21–23 сентября 2006 года) / под ред. В.М. Баранова, П.С. Пацуркивского, Г.О. Матюшкина. – Нижний Новгород: Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2007. – С. 419–437.

144. Тарбагаев, А.Н. Введение в уголовное право Нидерландов: основные институты Общей части : учебное пособие / А.Н. Тарбагаев. – Красноярск: Государственный ун-т, 2000. – 135 с.

145. Телегин, А.А. Методологические и организационно-правовые основы науки уголовно-исполнительного права : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / А.А. Телегин. – М.: Академия управления МВД России, 2005. – 56 с.

146. Тепляшин, П. Исполнение наказаний, не связанных с изоляцией от общества, в Англии и Уэльсе / П. Тепляшин // Уголовное право. – 2004. – №3. – С. 64–65.

147. Тепляшин, П.В. Истоки и развитие английского тюремоведения : монография / П.В. Тепляшин. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2005. – 219 с.

148. Тепляшин, П.В. Современное тюремное право Англии : монография / П.В. Тепляшин. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2007. – 124 с.

149. Тепляшин, П.В. Становление и развитие теории специального предупреждения (частной превенции) преступности в контексте социально-правовой гармонизации тюремного заключения / П.В. Тепляшин // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2007. – №3–4 (2). – С. 10–14.

150. Тепляшин, П.В. Уполномоченный по правам осужденных и лиц, содержащихся под стражей: постановка проблемы и зарубежный опыт / П.В. Тепляшин // Защита прав человека в формирующемся гражданском обществе: выполнение Россией обязательств по обеспечению прав человека, принятых в связи с ее вступлением в Совет Европы : сборник материалов региональной научно-практической конференции (9 декабря 2004 г.) / отв. ред. И.Е. Жмаков. – Красноярск: Филиал Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права в г. Красноярске, 2004. – С. 141–145.

151. Тепляшин, П.В. Теория и практика функционирования тюремной системы Англии и Уэльса на современном этапе / П.В. Тепляшин // Человек: преступление и наказание (научный журнал). – 2004. – № 4 (48). – С. 84–90.

152. Титаренко, А.П. Тенденция изменений юридической природы мер уголовно-правового принуждения на современном этапе развития общественных отношений / А.П. Титаренко // Вестник Барнауль-

ского юридического института МВД России. – 2010. – № 1(18). – С. 115–118.

153. Титов, Н.И. О критериях исправления и перевоспитания осужденных / Н.И. Титов // Правоведение. – 1965. – № 4. – С. 100–107.

154. Ткачевский, Ю.М. Российская прогрессивная система исполнения уголовных наказаний / Ю.М. Ткачевский. – М.: Городец, 2007. – 240 с.

155. Тохова, Е.А. Зарубежный опыт социально-правового контроля за лицами, освобожденными из исправительных учреждений / Е.А. Тохова // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2009. – №4. – С. 30–36.

156. Трайнин, А.Н. Уголовная интервенция. Движение по унификации уголовного законодательства капиталистических стран / А.Н. Трайнин / ред. и предисл. А.Я. Вышинского. – М.: Советское законодательство, 1935. – 102 с.

157. Третьякова, О.Д. Юридическая конвергенция : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / О.Д. Третьякова. – Владимир: Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2012. – 45 с.

158. Туманов, Г.А. Реакционный характер тюремной политики и тюремного ведения в капиталистических странах : лекция / Г.А. Туманов. – М.: Высшая школа МООП РСФСР, 1965. – 32 с.

159. Уголовное законодательство России и стран АТР: компаративное исследование : монография / кол. авт., отв. ред. А.И. Коробеев. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2008. – 272 с.

160. Уголовно-исполнительная система, 130 лет / М.Г. Детков [и др.]. – М.: Объединенная редакция ФСИН России, 2009. – 304 с.

161. Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века : учебник для вузов / под ред. А.И. Зубкова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство НОРМА, 2003. – 720 с.

162. Усс, А.В. Социально-интегративная роль уголовного права: монография / А.В. Усс. – Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1993. – 256 с.

163. Уткин, В.А. Мера исправительно-трудового воздействия / В.А. Уткин // Актуальные вопросы правоведения в период совершенствования социалистического общества : сборник статей / отв. ред. В.Ф. Волович. – Томск: Изд-во Томского университета, 1988. – С. 170–171.

164. Уткин, В.А. Применение дополнительных ограничений при административном надзоре и некоторые вопросы его совершенствования / В.А. Уткин // Актуальные проблемы государства и права на современном этапе: сборник статей / отв. ред. В.Ф. Волович. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1985. – С. 211–212.

165. Уткин, В.А. Наказание и исправительно-трудовое воздействие / В.А. Уткин. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. – 190 с.

166. Фалиев, Н.И. Условное осуждение. Новая область его применения / Н.И. Фалиев. – М.: Издание книжного магазина «Правоведение», 1904. – 108 с.

167. Ферри, Э. Уголовная социология: в 2 ч. / Э. Ферри. – Часть 2 / пер. Л.В. Гольденвейзера [и др.] ; под ред. С.В. Познышева. – С 5-го французского издания 1905 г. – М.: Тип. М. Саблина, 1908. – 592 с.

168. Филимонов, В.Д. Криминологические основы уголовного права / В.Д. Филимонов. – Томск: Изд-во ТГУ, 1981. – 214 с.

169. Фойницкий, И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением / И.Я. Фойницкий. – М.: Добросвет-2000; Городец, 2000. – 464 с.

170. Фруменков, Г.Г. Узники Соловецкого монастыря / Г.Г. Фруменков. – Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1970. – 200 с.

171. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко ; пер. с фр. В.Наумова ; под ред. И.Борисовой. – М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с.

172. Характеристика осужденных, отбывающих лишение свободы (по материалам специальной переписи осужденных 2009 г.) / науч. ред. В.И. Селиверстов. – Выпуск 1. – М.: Юриспруденция, 2010. – 20 с.

173. Хуторская, Н.Б. Исполнение наказания в виде лишения свободы в учреждениях открытого и полуоткрытого типа (зарубежный опыт) / Н.Б. Хуторская // Российский криминологический взгляд. – 2010. – № 3. – С. 195–205.

174. Хуторская, Н.Б. Опыт участия России в работе Совета по пенитенциарному сотрудничеству Совета Европы: теоретическое и практическое значение / Н.Б. Хуторская // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей. Часть 38 / под ред. В.Д. Филимонова, Н.Т. Ведерникова. – Томск: ДиВо, 2007. – С. 79–81.

175. Цаплин, И.С. Правовые и организационные основы охраны исправительных учреждений Минюста России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.С. Цаплин. – Москва: Академия управления МВД России, 2003. – 26 с.

176. Цепелев, В.Ф. Международные стандарты в области прав человека и их реализация в процессе назначения и исполнения пожизненного лишения свободы / В.Ф. Цепелев, Е.Н. Казакова // Российский криминологический взгляд. – 2008. – № 3. – С. 249–260.

177. Чернышёва, Д.А. Проблемы ответственности осужденных к ограничению свободы за повреждение, уничтожение и утрату аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля / Д.А. Чернышёва // Человек: преступление и наказание. – 2012. – № 1(76). – С. 17–19.

178. Чернявский, А.Г. Перспективы интеграции и гармонизации российской и европейской правовых систем / А.Г. Чернявский // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и

проблемы гармонизации: сборник статей / под ред. В.М. Баранова. – Нижний Новгород, 2003. – С. 202–220.

179. Чубарев, В.Л. Общественная опасность преступления и наказание (количественные методы изучения) / В.Л. Чубарев ; под ред. Ю.Д. Блуштейна. – М.: Киевский филиал ВНИИ МВД СССР, 1982. – 98 с.

180. Чубинский, М.П. Курс уголовной политики / М.П. Чубинский. – Ярославль: Типография губернского правления, 1909. – 446 с.

181. Шипунова, Т.В. Аутопойесис пенитенциарной системы / Т.В. Шипунова // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. – 2002. – № 3 (4). – С. 152–156.

182. Ширвиндт, Е.Г. Советское пенитенциарное право / Е.Г. Ширвиндт, Б.С. Утевский. – М.: Юриздат., 1927. – 276 с.

183. Щедрин, Н.В. Основания применения индивидуально-профилактических мер к освобожденным из ВТК / Н.В. Щедрин // Правовые вопросы борьбы с преступностью : сборник / под ред. В.Д. Филимонова. – Томск: Издательство ТГУ, 1988. – С. 105–111.

184. Щедрин, Н.В. Основы общей теории предупреждения преступности: учебное пособие / Н.В. Щедрин. – Красноярск: Государственный университет, 1999. – 58 с.

Литература на английском языке

185. Ashton, J. What Everyone in Britain should Know about Crime and Punishment / J. Ashton, D. Wilson. – 2nd ed. – Oxford: University Press, 2001. – 200 p.

186. Barry, J.V. Alexander Maconochie of Norfolk Island. A study of a Pioneer in Penal Reform / J.V. Barry. – London·Wellington·New York: Oxford University Press, 1958. – 278 p.

187. Been, P. Punishment. A Philosophical and Criminological Inquiry / P. Been. – Oxford: Martin Robertson, 1981. – 216 p.

188. Bentham J. An Introduction to the Principles of Morals and Legislation (reprint). – Oxford: At the Clarendon Press, 1823. – 378 p.

189. Brownlee, I. Community Punishment. A Critical Introduction / I. Brownlee. – London and New York: Longman, 1998. – 222 p.

190. Canton R. Probation: working with offender. – New York: Oxon, 2011. – 264 p.

191. Cornil, P. John Howard, European Penal Reformer / P. Cornil // Changing Concepts of Crime and its Treatment / Edited by H.J. Klare. – Oxford: Pergamon Press, 1966. – P. 177–183.

192. Grünhut, M. Penal Reform. A comparative study / M. Grünhut. – Oxford: At the Clarendon Press, 1948. – 486 p.

193. Doherty, M. Criminal Justice and Penology / M. Doherty. – London: Old Bailey Press, 2000. – 254 p.

194. Fitzgerald, M. *British Prisons*. – 2nd ed. / M. Fitzgerald, J. Sim. – Oxford: Basil Blackwell, 1982. – 182 p.
195. Fox, L.W. *The English Prison and Borstal Systems* / L.W. Fox. – London: Routledge&Kegan Paul Limited, 1952. – 480 p.
196. Ewing, A.C. *The Morality of Punishment with some Suggestions for a General Theory of Ethics* / A.C. Ewing / with a Foreword by W.D. Ross. – London: Kegan Paul, Trench, Trubner & CO., 1929. – 234 p.
197. Grünhut, M. *Penal Reform. A comparative study* / M. Grünhut. – Oxford: At the Clarendon Press, 1948. – 486 p.
198. *Handbook of Probation* / edited by L. Gelsthorpe, R. Morgan. – Oregon: Willam Publishing, 2007. – 626 p.
199. Heath, J. *Eighteenth Century Penal Theory* / J. Heath. – Oxford: University Press, 1963. – 288 p.
200. Hitchens, P. *History of Crime. The Decline of Order, Justice and Liberty in England* / P. Hitchens. – London: Atlantic Books, 2003. – 316 p.
201. Hood, R. *Parole With New Criteria. Evaluating the Impact and Effects of Changes in the Parole System: Phase Two* / R. Hood, S. Shute. – Occasional Paper №16. – Oxford: University of Oxford, Centre for Criminological Research, 1995. – 58 p.
202. Howard, J. *The State of the Prisons* / J. Howard. – London: J.M. Dent&Sons Ltd.; New York: E.P.Dutton&Co.Inc, 1929. – 306 p.
203. Krebs, A. *John Howard's Influence on the Prison System of Europe with Special Reference to Germany // Prisons Past and Future* / edited by J.C. Freeman. – London: Heinemann, 1978. – P. 42–43.
204. Manchester, A.H. *A Modern Legal History of England and Wales 1750-1950* / A.H. Manchester. – London: Butterworths, 1980. – 420 p.
205. McAuley, M. *Children in Custody. Anglo-Russian Perspectives* / M. McAuley. – London-New York: Bloomsbury Academic, 2010. – 264 p.
206. McLynn, F. *Crime and Punishment in Eighteenth-century England* / F. McLynn. – London and New York: Routledge, 1989. – 392 p.
207. *Memories of the Life of Sir Samuel Romilly, written by himself; with a selection from his Correspondence* / edited by his sons. – In Three Volumes. – Vol I. – 2nd ed. – London: John Murray, Albemarle Street., 1840. – 456 p.
208. Paley, W. *The Principles of Moral and Political Philosophy* / W. Paley. – 16th ed. – In Two Volumes. – Vol. I. – London: Printed for R. Faulder, New Bond-Street, 1806. – 422 p.
209. *Probation and Probation Services: A European Perspective* / edited by Anton M. van Kalmthout and Jack T.M. Derks. Tilburg-Amsterdam: Wolf Legal Publishers, 2000. – 576 p.
210. Scott, D. *Penology* / D. Scott. – London: SAGE Publications Ltd, 2008. – 228 p.
211. *The Encyclopædia Britannica. A Dictionary of Arts, Sciences, Literature and General Information* – 11th ed. – In XXVIII Volumes. – Volume XX. – Cambridge: University Press, 1911. – 980 p.

212. The Oxford Handbook of Criminology / edited by M. Maguire, R. Morgan and R. Reiner. – 3rd ed. – Oxford: University Press, 2002. – 1228 p.

213. The Oxford Handbook of Criminology / edited by M. Maguire, R. Morgan and R. Reiner. – 5th ed. – Oxford: University Press, 2012. – 1032 p.

214. Whitfield, D. Tacking the Tag. The Electronic Monitoring of Offenders / D. Whitfield. – London: Waterside Press, 1997. – 144 p.

215. Wines, F.H. Punishment and Reformation. An Historical Sketch of the Rise of the Penitentiary / F.H. Wines. – London: Swan Sonnenschein&CO, 1895. – 340 p.

216. Worrall, A. Punishment in the Community: The Future of the Criminal Justice / A. Worrall. – London and New York: Longman, 1997. – 170 p.

217. Wortley, R. Situational Prison Control. Crime Prevention in Correctional Institutions / R. Wortley. – Cambridge: University Press, 2002. – 254 p.

Электронные источники

218. URL: <http://www.prison.org/lib/comments/bard001.htm>.

219. URL: <http://www.yurist-online.net/article/19>.

Образец модели индивидуальной программы отбывания лишения свободы

В целях наглядности и придания максимальной аргументированности соответствующих выводов и предложений, изложенных в исследовании, подготовлен образец типовой модели индивидуальной программы отбывания лишения свободы. Данная модель отражает реформированную систему исправительных учреждений и в первую очередь нацелена на применение в тюрьмах и колониях-поселениях (не исключается её корректировка применительно к конкретному виду исправительного учреждения – тюрьме, колонии-поселению либо воспитательному центру).

Структурные позиции данной модели необходимо расценивать как приближение к типовой характеристике осужденного, поскольку не все лица, отбывающие лишение свободы, обладают полным комплексом признаков, предусмотренных позициями индивидуальной программы. Это выступает также достоинством программы, так как теоретический образец должен обеспечивать все возможные варианты структуры обследуемого объекта.

Индивидуальная программа отбывания лишения свободы – комплексный документ содержащий перечень мероприятий социально-бытового, медико-физиологического, психологического, образовательного, профессионально-трудового, социально-адаптационного характера, направленных на устранение причин и условий способствующих совершению осужденным преступлений, всестороннее позитивное развитие личности, его эффективное исправление и успешную социальную адаптацию лица после освобождения.

Цель программы – достижение максимального исправительного эффекта уголовного наказания в виде лишения свободы.

Задачи программы:

- выявить, при каких условиях исправление осужденного является наиболее прогрессивным и эффективным;
- способствовать наиболее эффективному исправлению осужденного;
- выявить, при наличии каких условий (показателей) осужденный может получить условно-досрочное освобождение.

Функции программы:

- формирование у осужденного позитивного правосознания и правовой культуры;

– формирование у осужденного уважения к дисциплине, труду и обучению;

– побуждение осужденного к формированию положительных связей с внешней средой, сохранению или восстановлению социально-полезных связей;

– улучшение эмоциональное состояние и здоровья осужденного;

– адекватное восприятие воспитательного воздействия и дисциплины;

– способствование наиболее успешной социальной адаптации осужденного после освобождения.

Объект программы: личность конкретного осужденного в отражении с внешней социальной средой.

Методическая основа программы: сбор сведений о личности осужденного по различным психолого-педагогическим методикам, включая изучение материалов личного дела осужденного и иных документов, объективное и включенное наблюдение, изучающую беседу, анализ данных медицинского (соматического и психотерапевтического) обследования, метод анкетирования осужденных, направление запросов.

Основа реализации программы: исправительное воздействие, отражающее коррекцию поведения осужденного и формирование у него навыков просоциального поведения.

Результат действия программы: заключается в формировании определенных показателей, при наличии которых осужденный может достигнуть основных целей программы. В процессе исправления каждый осужденный должен как самостоятельно, так с помощью сотрудников исправительного учреждения сформировать положительные качества, способствующие исправлению, а также получению условно-досрочного освобождения.

Закрепление результатов: необходимо учитывать поведение осужденного как в коллективе, так и с администрацией исправительного учреждения (включая дортуарный тип размещения осужденных в тюрьме), а также его самоактивизацию и самообучение. Критерии должны отражать наиболее значимые показатели необходимого позитивного поведения осужденного для достижения целей программы.

Ответственность за соблюдение выбранных осужденным и согласованных с администрацией исправительного учреждения пунктов программы возлагается на заместителя начальника исправительного учреждения по воспитательной работе среди осужденных, а в отряде колонии-поселения – на начальника отряда, в тюрьме – на ответственного инспектора.

Программа предлагает закрепление результатов по принципу 100-балльной шкалы с показателями. С учетом репрезентативности полученных совокупных баллов осужденному достаточно набрать 95 баллов для предоставления возможности подать представление на условно-досрочное освобождение (при общем формально-нормативном условии отбытия минимально необходимого срока лишения свободы). Если осужденный по каким-либо причинам не достиг 90 баллов, ему предоставляется возможность реализовать свое право в другой период до тех пор, пока он не наберет нужное количество баллов для условно-досрочного освобождения. Осужденный, набравший 100 баллов, будет являться наиболее успешным примером исправления, и вероятность его действительного исправления – наиболее высока. Такому осужденному присваивается оценка «Не нуждающийся для своего исправления в полном отбывании назначенного судом наказания».

Критерии исправления осужденных:

- 1) соблюдение установленного режима содержания:
 - выполнение требований администрации исправительного учреждения (4 балла);
 - успешное прохождение антинаркотических и иных лечебных либо реабилитационных программ (4 баллов);
- 2) отсутствие дисциплинарных взысканий (10 баллов);
- 3) наличие мер поощрения (10 баллов);
- 4) отношение к труду:
 - добросовестность (5 баллов);
 - инициатива (5 баллов);
- 5) отношение к обучению и повышению своего образовательного уровня:
 - добросовестность (5 баллов);
 - инициатива (5 баллов);
- 6) поведение в коллективе:
 - толерантное отношение к другим осужденным (4 баллов);
 - оказание администрации помощи в налаживании дисциплины (4 баллов);
- 7) нравственные качества:
 - осознание своей вины (8 баллов);
 - закрепление имеющихся положительных нравственных качеств (4 баллов);
 - формирование нравственных привычек и убеждений (3 балла);
- 8) добровольное досрочное погашение материального ущерба либо гражданского иска (10 баллов);
- 9) социально-полезные связи:

– стремление заблаговременно решить вопросы о трудоустройстве и бытовом устройстве после освобождения (6 баллов);

– забота о родителях, семье и детях (6 баллов);

10) участие в общественной жизни и творческих мероприятиях (7 баллов).

Выбор привилегий должен состоять во взаимной договоренности осужденного и представителя администрации. Количество баллов, необходимых для предоставления привилегии, устанавливается в каждом конкретном случае с учетом особенностей личности осужденного, совершенного им преступления и вида исправительного учреждения. Реализация привилегии возможна только в случае нахождения осужденного на облегченных условиях отбывания наказания.

План издания №9

Павел Владимирович Тепляшин

**РЕАЛИЗАЦИЯ МЕТОДА СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ
В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ НАУКЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ**

МОНОГРАФИЯ

Печатается в авторской редакции
Техническая редакция Ю.В. Леонтьевой

ISBN 978-5-7889-0212-8

Подписано в печать _____
Формат Р 60x84. Бумага типографская. Гарнитура Times.
Печать офсетная. Уч. изд. листов 8,6 (10 усл.печ.л.).
Тираж _____ экз. Заказ _____.

Организационно-научный и редакционно-издательский отдел.
Сибирский юридический институт ФСКН России.
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

Отпечатано в типографии СибЮИ ФСКН России.
660050, г. Красноярск, ул. Кутузова, 6.